

Родная ДАДОГА

№ 2(4)' 2008

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

издается ежеквартально
при участии:

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России;
Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга;
ЗАО «Утро»

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Зам. главного редактора
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Шеф-редактор
электронной версии журнала
Николай СТАНКЕВИЧ

*Зарегистрировано УФС
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного
наследия по Северо-Западному
Федеральному округу ПИ № ФС-2-8531*

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Архиепископ Тихвинский
КОНСТАНТИН
Русский выбор

*Святой праведный
Иоанн Кронштадский
и Георгий Гапон —
становление личности
в Духовных школах*

Владимир КРУПИН
Праздник праздников

Глеб ГОРБОВСКИЙ
Аввакумы двадцатого века

Николай ДОРОШЕНКО
Слово Победы

Александр КАЗИН
Русский космос

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АГАФОНОВ Николай, протоиерей (Самара) — член СП России.

ГРОМОВ Александр Витальевич (Самара) — председатель Самарской писательской организации, гл. редактор журнала «Русское эхо».

ДЕНИСОВ Николай Васильевич (Тюмень) — председатель Тюменской областной писательской организации, гл. редактор газеты «Тюмень литературная».

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — главный редактор газеты «Российский писатель», секретарь правления СП России.

ДУНАЕВ Михаил Михайлович (Москва) — профессор Московской Духовной Академии, доктор богословия, доктор филологических наук.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КАЗИН Александр Леонидович (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, член Союза писателей России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КОНЯЕВ Николай Михайлович (Санкт-Петербург) — секретарь правления СП России, главный редактор журнала «Аврора».

КОРОЛЬКОВ Александр Аркадьевич (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, академик РАО, член Союза писателей России.

КОРЫТИН Сергей Николаевич (Санкт-Петербург) — генеральный директор ЗАО «Утро».

КРАМАРЕВ Аркадий Григорьевич (Санкт-Петербург) — депутат Законодательного Собрания СПб, председатель постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь правления СП России, гл. редактор журнала «Благодатный огонь».

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат литературной премии Александра Солженицына, зав. отд. поэзии журнала «Новый мир».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь правления СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

ОРЛОВ Борис Александрович (Санкт-Петербург) — председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, член правления СП России.

ПОПОВ Геннадий Андреевич (Орел) — сопредседатель правления СП России, руководитель Орловской писательской организации.

СДОБНЯКОВ Валерий Викторович (Нижний Новгород) — гл. редактор журнала «Вертикаль. XXI век», член СП России.

СЕМЕНОВ Валентин Евгеньевич (Санкт-Петербург) — директор НИИ социологических исследований СПбГУ, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России.

СМОЛЬКИН Игорь Александрович (Псков) — председатель Псковской писательской организации.

ШВЕЧИКОВ Алексей Николаевич (Санкт-Петербург) — председатель совета Собора православной интеллигенции, кандидат философских наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Наша идеология

Год Иоанна Кронштадтского. Слово редакции	5
Александр Корольков. Во что верим — таковы и мы	19
Александр Казин. Русский космос	124

ЛЕСТВИЦА

Владимир Крупин. Праздник праздников	7
--	---

ПОЭЗИЯ

Глеб Горбовский	12
Евгений Семичев	38
Вера Бурдина	42
Геннадий Иванов	83
Борис Орлов	87
Татьяна Егорова	120
Стихи поэтов Пскова	147
Игорь Исаев	147
Вита Пшеничная	147
Татьяна Гореликова	148
Валентина Алексеева	149
Вера Сергеева	150
Ларина Федотова	150
Иван Иванов	151
Олег Чупров	189
Владимир Жильцов	193

Родная речь

Николай Дорошенко. Слово Победы	16
---------------------------------------	----

История и современность

Архиепископ Тихвинский Константин. Русский выбор. Святой праведный Иоанн Кронштадский и Георгий Гапон — становление личности в Духовных школах.....46

ДОСЛУХИ

Юлия Балакшина, Александр Беляков. «Желаю тебе быть мужественным и получить венец!» Святой праведный Иоанн Кронштадтский и адмирал Степан Осипович Макаров73

Кавад Раш. Ядерная стража..... 133

ПРОЗА

Александр Бологов. Неведомое, но сущее... Рассказы90

ДЕПТА

Владимир Цветков. «Посох» для предпринимателей 152

НАСЛЕДИЕ

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы 166

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Александр Беззубцев-Кондаков. «Посеянное мясо», или зачем нам Уэльбек? 197

Наша ИДЕОЛОГИЯ

ГОД ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

слово редакции

В радостные пасхальные дни особенно близок нашим сердцам подвиг служения отца Иоанна Ильича Сергиева, известного всей России и всему миру под именем святого праведного Иоанна Кронштадтского, юбилейными празднествами в честь которого, по слову Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, ознаменован нынешний 2008 год. Наверное, нет сегодня верующего человека, который в тяжелые для России времена и в минуты личных житейских невзгод не обратился бы с молитвой о помощи к Дорогому Батюшке. Как известно, никогда при жизни отец Иоанн не отказывал в молитвенной поддержке и заступничестве приходившим к нему людям.

Иоанн Кронштадтский был истинный отец бедных и утешитель скорбящих. Его душа глубоко, неизгладимо воспринимала в себя чужое горе и всю себя отдавала на врачевание ран и язв человечества. Известно, что в детстве и юности он сам испил до дна горькую чашу бедности и страдания. К отцу Иоанну обращались все и за всем. Он никогда не спрашивал, не проверял, на что идет его милость, а давал так, как сказано в Евангелии: «Чтобы правая рука не знала, что делает левая».

Обладая чрезвычайной простотою и искренностью, отец Иоанн Кронштадтский имел величайший дар молитвы. Он глубоко, от всего сердца, верил в благодать, данную ему, как священнику, от Бога, — молиться за людей Божиих и знал, что Господь настолько близок к верую-

щему христианину, как собственное его сердце и тело к Богу. Отец Иоанн молился Господу просто, искренне, как дитя, с живою, ясно-видящею верою. Особенность личного молитвенного подвига отца Иоанна заключалась еще и в том, что он необыкновенно внимательно следил за сердечностью своей молитвы и тот час прекращал ее, если сознавал, что она становится только внешнею, механическою. Считал он такую молитву оскорблением Бога, призывающего к Себе человечество словами: «Даждь Ми, сыне, твое сердце!» (Прит. 23,26)

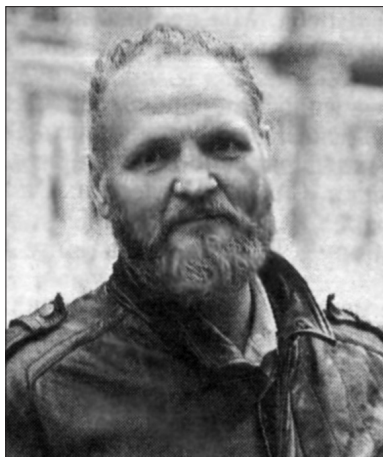
Не только милосердием к бедным и любовью к детям, не только искренностью своей сердечной молитвы был известен Кронштадтский батюшка. Его литературная работа и, главное, проповеди имели мировую известность. Замечательная книга «Моя жизнь во Христе» разошлась миллионами экземпляров, была переведена на разные языки, издавалась в Англии, Америке, Австралии. Многие народы мира воспринимали от этой книги дух истинного благочестия и любовь к Богу, которыми проникнута каждая ее страница. Отец Иоанн — автор выдающихся сочинений, которые, надеемся, обретут свою новую жизнь в наше время и получают вновь всероссийскую и мировую известность в юбилейном году.

Как сообщил Патриарх Московский и всея Руси Алексий II на встрече с журналистами, празднование 100-летия со дня преставления святого праведного Иоанна Кронштадтского будет главным событием в жизни Русской Православной Церкви в 2008 году. По словам Святейшего Патриарха, для осмысления его духовного наследия будут проведены конференции, симпозиумы, встречи. Важной частью юбилейных торжеств станут богослужения с вознесением молитв одному из самых почитаемых русских святых Иоанну Кронштадтскому.

Редакция нашего журнала поздравляет читателей со светлым Воскресением Христовым! С пасхальной радостью журнал начинает публикацию материалов, посвященных Великому Кронштадтскому Молитвеннику. В этом номере предлагается к прочтению статья Архиепископа Тихвинского Константина (Горянова) «Русский выбор» а также материал Юлии Балаксиной и Александра Белякова «Желаю тебе быть мужественным и получить венец!». Хочется верить, что эти публикации послужат укреплению патриотизма, возрождению соборности и духовной жизни общества, так необходимых сейчас, когда воскресающая, выходящая из «смутного времени», крепнущая Россия нуждается в наших благих делах, в искренних молитвах, в любви каждого милостивого сердца, присущей святому праведному Иоанну Кронштадтскому.

Христос Воскресе!

Наша ИДЕОЛОГИЯ

Владимир КРУПИН

ПРАЗДНИК ПРАЗДНИКОВ

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 году в с. Кильмезь Кировской области, сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н.К. Крупской. преподавал в школе, работал на ЦТ, был гл. редактором журнала «Москва». С 1994 года преподает в Московской духовной академии. Гл. редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Да, только в детстве мы были чисты и безгрешны, только в детстве была такая полнота радости, когда все ликовало вместе с тобой: и небо, и деревья, и птицы, и цветы. И каждую весну приходил особенный день, когда радость жизни вступала в свою несравненную силу. Это была Христова Пасха — Праздник праздников, так его называют. И вот интересно: теперешние демократические журналисты, с одной стороны, говорят о вавилонском пленении России тоталитарным режимом, о 70 годах непроглядной ночи над страной, с другой стороны, они же пишут, что Пасху отмечали, праздновали даже в тюрьмах и в лагерях. Никаким властям, никакому режиму не отнять у нас Господа. Василий Великий говорил: посадите меня в тюрьму — я там буду с Господом, отнимите у меня все — мне ничего не нужно, я ничего не принес с собой в этот мир и ничего не унесу из него. Убейте меня — смерть соединит меня со Христом. То есть жизнь с Богом и в Боге освобождает от страха чего-то лишиться в жизни и даже от страха самой смерти.

Именно в победе над смертью смысл Воскресения Христова. Пасхальный тропарь, который поется в праздничную службу и потом повторяется во все дни вплоть до Вознесения, звучит так: «Христос Воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав». Сын Божий пришел на землю, чтобы, взяв на себя грехи мира

(наши грехи), добровольно пойти на страдания и муки и на крестную смерть.

В нашей большущей семье было много представителей всяких общественных организаций: и партийный отец, и мы — разновозрастные дети, комсомольцы, пионеры, октябрята. Один у нас в семье был беспартийный элемент — мама. Именно она держала в семье такой уровень любви ко всем, заботы обо всех, что я не помню, чтобы кто-то был обделен вниманием. Тяжело жили, бедно, но почему детство вспоминается полным золотого сияния? Это именно от той любви, которая исходила от мамы. Перед Пасхой, за неделю, в канун Вербного воскресенья мы ходили на реку за вербой. В наших северных краях еще лежал снег, и мы прорывались к кустам краснотала, утопая в тяжелых сугробах. Таким радостным, легким, щекочущим было прикосновение серебристо-серых зайчиков, сидящих на веточках. Как была рада им мама. Веточки долго стояли в углу, покрывались солнечным желтым пухом, осыпали его на белую скатерть. Освятить вербочку было негде, церковь в нашем селе была превращена в Дом культуры.

Я совсем не ощущал в детстве тяжести Великого поста. Хотя мама, как она потом рассказывала, «придерживала» молоко и яйца от нашей коровы-кормилицы и десятка кур во главе с боевым огненным петухом. Но ликующий день Воскресения Христова — это навсегда. Да, были гонения на Церковь, были бесчисленные лекции и заезжих и доморощенных атеистов, все было.

Но ведь и солнце сияло, и чистые белые рубашки, пахнущие угольным утюгом, мы надевали с утра. И были крашеные яйца, были изумительные по вкусу лепешки со сметаной, были ватрушки и плюшки. И шаньги! Не пробовали вы вятских шанежек, гурманы, жалко вас. Вот она — шанежка, выходит из воспоминаний, как тогда из пылающей печи, вся живая, румяная, из ржаной муки, замешенная на свежем молоке...

Вспоминаю необычайную доброту того дня, обязательно солнце, обязательно весь день шумящий самовар, обязательно знание того, что никто не заругает тебя за пятно на рубашке, не запретит бежать с ребятами на Поповское озеро. Вот только крашеные яйца мама, боясь за нас, не разрешала выносить на улицу. Но разве можно было утерпеть и не похвастаться ими, тем более — на всех лужайках нашего села яйца «катали», яйцами «кокались», меняли, просто любовались.

Уже взрослым я узнал, откуда произошло это пасхальное приветствие и ответ на него. Мария Магдалина, из которой Спаситель изгнал семь бесов и которая ходила вместе с другими вослед Ему, была из знатного рода. Ее по ее просьбе принял в Риме император Тиверий. Он, конечно, был наслышан о событиях, происшедших в Иерусалиме. Там казнили позорной смертью — распятием — человека из Галилеи, который выдавал себя за Сына Божия. Он умер на кресте, его похоронили в пещере, потом сказали, что его тело куда-

то исчезло. Подчиненные доложили императору, что тело выкрали ученики Христа, чтобы всем говорить, что Христос ожил. Так император и думал. Но Мария Магдалина вошла и сказала: «Христос воскрес!» — «Я в это поверю, если это белое яйцо (император завтракал) станет красным». И вот на глазах всех яйцо стало красного цвета. «Воистину воскрес!» — воскликнул потрясенный император.

Радость Пасхи не сравнима ни с каким другим праздником. Данное человеку стремление к радости, ликованию, умиленню, желание счастья наиболее ощутимо в пасхальные дни. Конечно, тот, кто их не жаждет, не может ощутить в полной мере восторга души. И хотя в торжественной службе есть Слово огласительное святителя Иоанна Златоуста на Святую Пасху, в котором говорится, что Господь призывает к себе в день Воскресения всех: и верующих, и неверующих, и постившихся, и непостившихся, все же ожидание праздника должно быть сопряжено с подготовкой к нему. Мы ждем гостей — мы убираем квартиру, достаем из серванта посуду понаряднее, стелем чистую скатерть — разве не так? А в Пасху мы ждем — ни больше, ни меньше — Господа. Он придет ко всем, но каково Ему в грязной, загаженной грехами человеческой душе? Которая забита помыслами о деньгах, о наживе, полна зависти, злобы, мстительности, которую не освещает свет любви. Поэтому мы готовимся не только воздержанием в пище, но и очищаемся в молитве, в прощении нанесенных нам обид, в помощи бедным, в добрых делах. Обычно впервые постящиеся спрашивают, что можно есть, что нельзя. На это святые отцы отвечают: «Мы не телоубийцы, мы — грехоубийцы». Никто не требует физического изнурения, необходимо духовное очищение и возрождение, ограничение в пище (мясной, молочной) этому помогает. На вопрос одной барыни о постной пище святитель Тихон Задонский ответил: «Людей нельзя есть, матушка».

Во времена раннего христианства праздновались две Пасхи — смерти (в пятницу, в день распятия) и воскресения. Никейский собор принял решение о праздновании одной Пасхи, в первое воскресенье после первого весеннего полнолуния.

В пятницу совершается чин погребения Христа, из алтаря выносятся плащаница, полагается на середину храма. Все верующие почитают своим долгом приложиться к ней до вечера субботы, когда незадолго до полуночи под пение молитвы «Волною морскою» плащаница вновь уносится в алтарь. Проходит еще некоторое время до полуночи, до открытия царских врат, когда раздается возглас священника «Христос Воскресе!» Вся церковь в едином порыве душ и сердец отвечает «Воистину Воскресе!» С этого времени всю Светлую седмицу (первую неделю) Пасхи царские врата будут открыты в знак того, что Воскресением Христовым всем нам открыт доступ на небо. В эти дни радость для молодежи: поднимайся на колокольню и звони во всю Ивановскую. Колокола вызывают, выговаривают: «Все идите в гости к нам, в гости к нам, в гости к нам!» Это праздник победы над смертью и адом.

Пасхальный стол — освященные куличи и пасхи. Их внешний вид, вкус зависят от мастерства хозяек. Хороший кулич, даже черствея, сохраняет вкусовые качества. Незабываемы сырные пасхи. Обряд их освящения трогателен и особенно нравится детям. Теперешние седые старики и старухи непременно вспоминают, как в детстве их мамы и бабушки завязывали в платочек куличи, крашеные яйца и посылали детей «святить» их в субботу или в воскресенье в Божий храм.

В этот день даже неверующий чувствует, что хочется быть добрее ко всем, в нем просыпается память предков православной России. В пасхальное воскресенье и у наших родных, ушедших в вечность, тоже праздник. Но и скоро, в Радоницу (начало второй недели Пасхи), — специальный день поминовения усопших. А затем кладбища еще раз закипят народом, это на Троицу. Кстати, обычай ходить на могилы был одним из тех, с чем не могли справиться никакие атеисты. Кладбище — не церковь, как запретишь пойти? Идут все, всех не перепишешь. Но ведь кладбище освящено крестами, оглашено молитвами, это своеобразная церковь под открытым небом. Тогда даже в этом святом деле был введен директивный порядок — хоронить под пирамидами со звездами. И то и другое — пирамида и звезда — в сущности, масонские знаки... Хоронили, много хоронили, куда денешься. Пирамиды называли тумбочками. Так и говорили: «Лежит под тумбочкой». Потом пошла индустрия памятников из цементно-мраморной крошки. И вот — Бог свидетель — слышал от самих рабочих ритуальных мастерских: почти во все памятники внутрь заливали кресты. Хотя в то же время один поэт сочинял: «Все больше звезд на кладбищах России среди крестов...». Нет, нет уже звезд, нет тумбочек — вновь, отгоняя нечистую силу от России, воздвигаются кресты и над храмами и над могилами.

Иначе и быть не могло. Помню Пасху во времена Хрущева на Калитниковском кладбище в Москве, там, где Птичий рынок. Милиция специально пропускала подпивших своих помощников, которые разгоняли Крестный ход, вырывали у старух хоругви, иконы. Слава Богу, я был среди дружинников, и мы как раз охраняли старух. И вот я видел, что можно этих старух на куски резать, огнем сжигать — они все равно пойдут за Христом. И насколько же велико было милосердие таких же, может, тех же старух, когда я увидел отпевание и спросил, кого хоронят, в той же церкви. «Коммуниста хороним, батюшка. Пятьдесят лет с нами боролся, пусть хоть на том свете отдохнет»...

Христос Воскресе, братья и сестры! Какое счастье, что мы в России, что к нам снова пришел наш Спаситель.

* * *

Как-то все вдруг стали гоняться за чудесами. Там икона мироточит, надо бежать, приложиться. Там листья на сухой ветке у могилы митрополита распустились — чудо! Все так, чудеса не кончаются.

Но ведь они нужны маловерам. Верующие и без чудес Христу молятся. Он пошел на смерть ради нашего спасения и воскрес — вот главное чудо!

Что же касается мироточения, резкое усиление его случаев — конечно, милость Божия к нам. Но ведь это еще и слезы по причине наших грехов, это еще и знак последних времен. Я вот только вернулся из поездки в одно село. Настоятель храма отец Алексей, высокий старик, сын священника, сам уже отец двух батюшек и одной регентши, говорил мне с улыбкой: — Кругом чудеса! Чего-то одни мы служим-служим, и все никаких чудес. Он помолчал и продолжил: — Правда, Бог милует, хулиганства в селе нет. Участковый без дела, даже стал в храм приходить. Семьи у нас все большие, пьянства нет. Все венчаются, все крестятся. Умерших отпеваем, панихиды служим. По домам ходим, избы, квартиры освящаем. Нынче соборовались все. В один день не смогли, разделили на три дня. А так, — он снова улыбнулся, — никаких чудес. Ах, Боже мой, нам бы в России побольше таких сел и поселков! Это ж какое чудо — воцерковленный народ. Давайте представим, что везде так в России. И что? И вся бы эта интеллигентская эсхатологическая болтовня бы иссякла. Какой конец света, если молитва круглосуточна? Какой Страшный Суд? Кого судить — все православные. Тут бы и сам нечистый отступился, сказал бы своим слугам: «Делать нам больше нечего, пойдем Богу сдаваться».

Христос Воскресе!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

**ПАСХА
ХРИСТОВА**

фоторепортаж
Людмилы
Ивановой

ПОЭЗИЯ

Глеб ГОРБОВСКИЙ

АВВАКУМЫ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Глеб Яковлевич Горбовский — родился в 1931 году в Ленинграде. Обучался в ремесленном училище, полиграфическом техникуме. Меняя профессии, много ездил по стране. Автор многих сборников стихотворений и книг прозы. Член Союза писателей России. Лауреат Государственной премии РФ. **Живет в Санкт-Петербурге.**

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ

Не из дерева-кирпича,
не из мрамора и гранита —
из немеркнувшего луча
плоть благая ее отлита.

Православная, вопреки
всем печалям — не пала низко.
Колыма, Сибирь, Соловки —
вот героев ее прописка.

Ей завещана страсть — не страх.
Страстотерпица! Слышу эхо:
то горят на своих кострах
Аввакумы двадцатого века.

Не иссякла в кровавой тьме,
не изникла в бесовской смуте.
Вот она стоит на холме
в осиянной Господом суты!

Пусть одежда ее проста,
цель — подвержена злым наветам...
Свет негромкий ее креста
неразлучен с небесным светом.

ОПТИНА ПУСТЫНЬ

Духовной жаждою томим...

А.С. Пушкин

Возок, катящийся неровно,
пыль позади него, как дым...
Блажен, кто с жаждою духовной
в пути своем неутомим!

Текут избушки, перелески.
А кто седок? Каких слоев?
И почему — не Достоевский?
Или — Владимир Соловьев?

Вот, как в театре — чуть искусней, —
под пологом голубизны
мирским глазам предстала Пустынь,
как чаша с грузом тишины.

Монастырек, обитель, крепость,
и шапки храмов, и покой,
и нерасплесканная трезвость,
как зной, застывший над рекой.

И островерхих сосен проседь,
и писк песчаной колеи...
И старец — мысля-
щий! — Амвросий
ведет в узилища свои.

Улыбку смяв, смиренно-строго
приезжий станет на постой.
Он — это Пушкин или Гоголь,
а может... просто Лев Толстой.

О, камни духа! Сердце ахнет,
окинув крепость взором тьмы.
Здесь русский дух, здесь
смыслом пахнет!
Здесь — черви мы,
здесь — боги мы.

...Песок и мы. И, словно кара,
зной, приручающий к тоске.
И наш автобус, наш «икарус»,
забуксовавший в том песке.

ГРУСТНАЯ ПОВЕСТЬ

День гаснет... Я пишу слова.
Успеть бы!

Длинновато слово «здравствуй!»
В прозрачной ручке иссякает паста:
на сколько слов осталось вещества?

В пустой деревне, в брошенной избе,
где нету лампы (свечку съели мыши),
успеть бы засветло,

покуда сердце слышит,
поведать сокровенное тебе —

о ней, мой друг,
в которой нет огней,
об этой встречной
мертвой деревушке,
где некогда стоял в раздумье Пушкин
и дальше ехал, поменяв коней.

ЗАЧЕМ

Вновь журавлей пунктир...
Судьба подобна мигу.
Досматриваю мир,
дочитываю книгу.

Понурые слова,
нахохленные птицы.
Поломана трава,
листва с ветвей стремится.

Все гуще мгла ночей,
все жиже синь в просветах.
Не спрашивай: зачем?
Спросив — не жди ответа.

Не притяженью вслед
листва стремится с веток —
а чтоб к родной земле
прижаться напоследок.

* * *

Валентину Распутину

Иссякает листва на деревьях.
Дождь в крестьянской блестящей бороде.
За деревьями есть ли деревни?
Оказалось, что есть... кое-где.

Значит, можно, гуляя по трассам,
набрести на гармонию в тишине?

Оказалось, что можно... Не сразу.
Как-нибудь. Невзначай. По весне.

Дед глядит виновато и мудро.
Может, помнит семнадцатый год?
Оказалось, что помнит... Но смутно.
Как сквозь дождь... что идет и идет.

ЖЕРНОВА

Порхов. Остатки плотины. Трава.
Камни торчат из травы — жернова.
Здесь, на Шелони, забыть не дано, —
мельница мерно молола зерно.
Мерно и мудро трудилась вода.
Вал рокотал, и вибрировал пол.
Мельник — ржаная торчком борода —
белый, как дух, восходил на престол.
Там, наверху, где дощатый помост,
хлебушком он загружал бункерок
и, осенив свою душу и мозг
знаменем крестным, — работал урок.
...Мне и тогда, и нередко теперь
мнится под грохот весенней воды:
старая мельница — сумрачный зверь —
все еще дышит, свершая труды.
Слышу, как рушат ее жернова
зерен заморских прельщающий крик.
Так, разрыхляя чужие слова,
в муках рождается русский язык.
Пенятся воды, трепещет каркас,
ось изнаывает, припудрена грусть.
Всё перемелется — Энгельс и Маркс,
Черчилль и Рузвельт — останется Русь.
Не потому, что для нас она мать, —
просто не выбраны в шахте пласты.
Просто трудней на Голгофу вздымать
восьмиконечные наши кресты.

ЛЮБИТЕЛЯМ РОССИИ

Как бы мы ни теребили
слово Русь — посредством рта, —
мы России не любили.
Лишь жалели иногда.

Русский дух, как будто чадо,
нянчили в себе, греша,
забывая, что мельчала
в нас — Вселенская душа.

...Плачут реки, стонут пашни,
камни храмов вопиют.
И слепую совесть нашу
хамы под руки ведут.

Если б мы и впрямь любили, —
на святых холмах Москвы
не росло бы столько пыли,
столько всякой трын-травы.

Если б мы на небо косо
не смотрели столько лет, —
не дошло бы до вопроса:
быть России или — нет?

В ней одно нельзя осилить:
божье, звездное, «ничье» —
ни любителям России,
ни губителям ее!

ПОД ШУМ ВИНТОВ ГЕЛИКОПТЕРА

Военных вертолетов волчий труд.
Вот дали круг. Вот ринулись вперед.
Мне кажется, пока они ревут,
в Кремле уже идет переворот.

Такой у них в моторах злой надсад,
в нависших тушках — жажда мир объять...
Мне кажется, пока они висят,
природа поворачивает вспять, —

Не к Ленину и Троцкому — к весне,
к истокам, излучавшим чистоту,
к сидящему в наручниках на пне
проклятьем заклеяемому Христу.

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ОДНОЙ УЛЫБКЕ

Баллада

Морозный день. Жандарма крик.
От роду — десять лет.
И тут подъехал грузовик,
в озябших фарах — свет.

Лежал плененный городок
под снегом и золой.
Топтались Запад и Восток
вокруг столба с петлей.

Десяток их, десяток нас —
толпы... Откинут борт.
И грузовик в который раз
чихнул в оскалы морд.

А там, под тентом — в глубине
фургона — человек!
В его глазах, на самом дне,
уже не страх, а снег.

К запястьям проволоки медь
прильнула... глубоко.

Сейчас ему хрипеть, неметь,
вздыматься высоко.

И вдруг, печальна и чиста,
как музыка лица, —
улыбка тронула уста
казнимого юнца!

...Потом и я бывал жесток,
забывчив — не солгу,
но та улыбка — на Восток! —
по гроб в моем мозгу.

Что ею он хотел сказать?
Простить? Согреть свой дом?
...Решили руки развязать.
Спасибо и на том.

Он кисти рук разъединил,
слегка разжал уста.
И все живое осенил
знаменем креста.

* * *

Блаженны нищие духом...

Лампада над книгой потухла,
а строчки в глазах все ясней:
«Блаженны голодные духом,
взлжавшие правды Моей!»

Сию в окружении ночи,
читаю в себе письма, —

как будто я старец-заточник
и нет в моей келье окна.

Но в сердце — немеркнущий праздник,
и в вечность протянута нить.
И если вдруг солнце погаснет —
все ж Истина будет светить!

Родная РЕЧЬ

Николай ДОРОШЕНКО

СЛОВО ПОБЕДЫ

Николай Иванович Дорошенко — секретарь правления Союза писателей России, главный редактор газеты «Российский писатель». Родился 16 сентября 1951 года в селе Сухиновка Глушковского района Курской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (отделение прозы, семинар Ф. Ф. Кузнецова). Был ответственным секретарем Комиссии по работе с молодыми литераторами в Московской писательской организации, главным редактором газеты «Московский литератор» (1988–2000 гг.), главным редактором ТВ «Парламентский час», преподавателем в Международном независимом эколого-политологическом университете (читал спецкурс «Культура как среда обитания»). Лауреат Большой Литературной премии России. Живет в Москве.

С момента нашего рождения наши матери вшептывают в нас все известные им слова красоты и добра, погружают нас в животворную купель национального языка.

Словом и только в Слове сотворяется каждый человек.

Только вместе со Словом мы обретаем способность отличать небо от земли, свет от тьмы, правду от лжи.

Все, что не пропитано Словом, подобно безымянной ночной звезде, страшит нас безучастием и холодом небытия. *«Все через Него начало быть, и без Него ничего не начало быть, что начало быть».*

Словом жива память о наших далеких предках. Слово дарует бессмертие всем нашим подвигам и жертвам. И это пред испытующим Словом мы страшимся утратить свой человеческий образ.

Мир, Творцом сотворенный, для нас всегда будет равен пространству родного Слова. Вместе с каждым утраченным Словом мы навеки теряем частичку своего бытия.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Обретая Слово, прозревая в Нем, наши предки из поколения в поколение познавали в себе образ и подобие Божье.

И любой материалист, любой атеист, не солгав самому себе, не сможет отрицать того, что душа каждого человека лишь звучащему Слову подобна, что каждый народ может быть равен в своем развитии только тем нравственным смыслам и значениям, которые уже развились в его национальном языке.

Оберегая свой язык, мы оберегаем себя от одичания.

Позволяя рушить творящее нас Слово, мы умаляем свой ум, обессиливаем свой дух.

Враг рода человеческого, прежде чем заполучить себе во власть наши души, сначала просачивается, как червь в яблоко, в родную нашу речь. И наполняет ее безкорневым, и потому мертвящим, иноязычием; наполняет ее символами наших страстей и пороков, от которых сами мы всегда пытаемся отдалиться, как от мрачной бездны; зато чает великое многообразие исходящих от Слова живых красок и чувств в мертвящий железобетон «сленга».

Пока во всей полноте будет звучать в мире наш русский язык, нерушимую будет оставаться и каждая русская душа, не затеряются, будут сиять все народы России.

Словом создавалась наша великая православная цивилизация, наша великая многонациональная Держава.

«Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона даровало нам собственное понимание свободы, обузданной не страхом, а совестью. Словом Пушкина преодолели мы в «век просвещения» соблазн нравственного оскудения и вырождения. Слово Константина Победоносцева научило нас доверять каждому народу своей страны прежде всего в том, в чем этот народ *мыслит себя стоящим перед Богом*. Слово Достоевского впервые предостерегло мир от социал-дарвинистской жестокости, от безбожного либерального культа.

И — это наше Слово Победы было начертано на руинах фашистского логова. Это пред жертвенной волей русского Слова в XX веке стало истлевать рабство «третьего мира».

С иллюстрации В. Семёнова
к книге «Слово о Полку Игореве»

И — только после того, как наш собственный русский мир одо-
лела смута, над всем миром нависла угроза новых кровавых потрясе-
ний, нового, теперь уже глобалистского, рабства.

Сегодня силы тьмы, создав высокоразвитую индустрию развле-
кательного лицедейства, получили возможность создавать и множить
для всех народов искусственную языковую среду.

Стоит ли говорить о том, что эта искусственная среда уже поро-
ждает и искусственного человека — вождельного человеко-паразита-
ми голема?

Мировое сообщество уже дозрело до понимания бесценности все-
го живого на Земле. Вкладываются немалые средства в сохранение
вымирающих видов растений и животных. И только против челове-
ческой души — таящей в себе опыт многих и многих тысячелетий,
упрямо прозревающей — сегодня ведется самая беспощадная война.
И, в первую очередь, разрушается творящая человека купель — его
родное Слово, которое *было у Бога*, которое человеку Богом было
даровано.

Не оберегая родное Слово, мы обрекаем своих детей стать вмес-
тилищами душ рукотворных, лишенных благодати, заведомо ущерб-
ных и *объятых тьмой*, заведомо не свободных перед своим лукавым
изобретателем, соперничающим с Самим Творцом.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

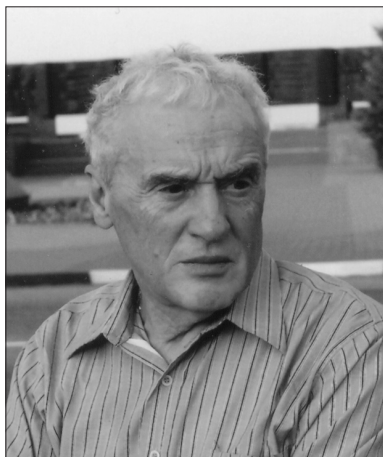

ПАСХА
ХРИСТОВА

фоторепортаж
Людмилы
Ивановой

Наша ИДЕОЛОГИЯ

**Александр
КОРОЛЬКОВ**

ВО ЧТО БЕРИМ — ТАКОВЫ И МЫ

Корольков Александр Аркадьевич — родился в 1941 году в Алтайском крае. После школы работал слесарем, в 1965 году окончил философский факультет ЛГУ. Доктор философских наук, профессор, академик Российской академии образования, зав. кафедрой в РГПУ им. А.И. Герцена, член Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Целительное и губительное поклонение

Упование на новизну издавна противопоставило поклонению скепсис. «Сомнение — враг религии, но мать философии» — модификации этого афоризма сопровождают всю историю интеллектуализма. Маркс совсем не шутил в игривой анкете, выразив в качестве принципа своей жизни слова великого флорентийца: «Подвергай всё сомнению». Как тешит юное самолюбие афоризм: «Долой авторитеты!» Критика — основной мотив протестантизма, философским выражением которого стала немецкая классическая философия, завершившаяся не Фейербахом, а Марксом, с его обнаженным отрицанием истории человечества, названной им предысторией, ибо подлинная-то история, оказывается, еще не началась, ее черед наступит лишь в светлом будущем.

Революции питаются нигилизмом, отрицанием поклонения всем традиционным ценностям, а стало быть, и авторитетам. Социальные потрясения XIX–XX веков с фанатичным воодушевлением отбрасывали поклонение Богу, царям, отцам (предкам), святыням своей истории, Отечеству... перечислять можно и далее. Но всмотритесь даже в перечисленное! Это ведь ценности, составляющие самую сердцевину обретений человечества, всей культуры! «Консерватизму», «застоя», «традиционализму» противопоставляют в революциях радикальное обновление, в кото-

ром нет места историческому прошлому, ибо только юность способна обновить мир, всё остальное должно быть отброшено, уничтожено.

Слово «нигилизм» М. Хайдеггер связывает с именем Фр. Г. Якоби, который, по-видимому, впервые употребил это слово в письме к Фихте, но вошло в оборот оно через И. Тургенева¹. Слово часто закрепляется за явлением намного позже возникшего явления. Например, термин «экология» впервые использовал Э. Геккель, но это не означало, что до Геккеля не было проблемы взаимодействия живой системы с условиями ее существования и что этой проблемы никто не замечал. Тем не менее не напрасно обнажилось то, что называли нигилизмом с нарастанием того, что называли научно-техническим прогрессом и цивилизацией. Вместе с машинами стал уподобляться машинам и сам человек, самомнение его возрастало по мере угасания душевных привязанностей к семье, ее родовому очагу, в душе становилось всё меньше места для идеализации, мифологизации, преклонения, поклонения. Иссякала или ослабевала способность любить. Утилитаризм заглядывал во все щели человеческого бытия, а утилитаризм убивает любовь. «Кто ничего не любит и ничему на земле не служит, тот остается пустым, бесплодным и духовно-мертвым существом... Ибо в высшей и последней инстанции все вопросы человеческой судьбы решаются любовью»².

Я буду говорить не о поклонении кумирам и ложным авторитетам, о временной ослепленности звездами, а об обретении ясного и спокойного света, исходящего от духовников нашей жизни. По-видимому, могу разочаровать коллег по философским занятиям, которые мало-помалу привыкают называть философией то, что раньше принимали за русскую публицистику, литературную критику, т. е. те «вольности», которые позволяли себе в размышлениях Хомяков, Страхов, Достоевский или тем более Розанов. Но современному писателю уж никак мои коллеги не вручат диплом профессионального философа, независимо от степени постижения им русского духа, русского характера, русской мысли: европейские измерения философичности ржавчиной въелись в сознание, и где уж тут профессионал-философ может всерьез отнестись к высказыванию Игоря Шафаревича о том, что крупнейшим современным русским мыслителем он считает Валентина Распутина?!

О роли авторитета в обществе, разумеется, можно порассуждать в духе философско-научной традиции, т. е. дать дефиниции авторитетов, их классификацию, привести аналитический обзор фундаментальных концепций об отношении к авторитетам, развенчать догматизм и все формы поклонений, препятствующих общественному про-

¹ *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // *Время и бытие.* М., 1993. С. 63.

² *Ильин И. А.* О грядущей русской культуре // *Родина и мы.* Смоленск, 1995. С. 472.

грессу и творческому самоопределению свободной личности. Научно-образие в философии имеет почтенный возраст, ему стоит поучиться у немцев, школу которых прошли почти все русские мыслители, но если бы на этом застряли, то не стали бы русскими мыслителями, о чем уже говорилось в начале этой книги, когда шла речь о различии философии в России и русской философии.

Пародистам и злословам, конечно, раздолье поупражняться по поводу моих притязаний двигаться по дороге философии, указанной Достоевским, Леонтьевым и Ильиным, но чуткий к русскому мировосприятию читатель поймет, что двигаться по стопам великих — не значит претендовать на близкую им силу слова и мысли. Нам потихоньку предстоит примериваться к полузабытой дороге собственной философии, заросшей, занесенной песками и торить пути там, где дорога только намечена или где возникли новые овраги, топи, чащобы, с которыми не могли столкнуться наши выдающиеся учителя и предшественники.

В России первейшим было поклонение родителям и семье. Отсюда начиналось и религиозное чувство, и нравственность, и боль за судьбу Отечества, и подлинность любви, на что бы она ни распространялась, и искренность отношений, и постижение красоты людей, быта, труда, природы. «Это мне дедушка рассказывал», «Папа так говорил», «На это меня благословила мама», — в подобных фразах не ностальгическое воспоминание о детстве, а проявление устойчивости жизни, ее основ, ибо счастлив тот человек, которому дана любовь к родителям, к предкам, к родным. «Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» рождали жертвенность в битвах за Отечество, вдохновляли на творчество, позволяли перенести немыслимые страдания. Подлинность человеческой жизни вызревала в преемстве поколений, в любви к тому, что составляло духовное богатство семьи, рода, нации. Нигилисты растоптали могилы предков, забыли их, средоточием любви у них стали собственные вожделения, поклонение не исчезло, но сместилось на себя, на кумиров экстаза. Стало всё труднее деятельно, собственным сердцем постигать дух народа, настроить в себе верный компас на подлинность, удерживая стрелку компаса от дерганий и вращений, хотя жизнь наша подвержена давлению сил, от которых напрягается, вздрагивает стрелка внутреннего компаса души.

Всякий человек, всмотревшись в себя, оглядываясь на пройденную жизнь, а на нее всегда, в любом возрасте, можно и нужно оглядываться, непредвзято засвидетельствует, что в жизни были какие-то авторитеты, кумиры, духовные поводыри, они уже в момент воздействия могли подчас осознаваться как не самые высокие, не самые добродетельные, но они захватывали всё существо человека, куда-то вовлекали, увлекали. У подростка, познавшего авторитет улицы, почти неизбежен период, краткий или затянувшийся, поклонения силе,

наглости, по меньшей мере — раскованности. У самых домашних подростков возникает подчас тайное поклонение крепкому, способному на рискованные действия вожаку подворотни, местечка, улицы, который прошел уже детскую исправительную колонию или условное наказание, а может быть, еще не попался властям, но сверстники знают, что он способен на большее, чем другие, его боятся и ему повинуются, часто повинуются без всякого принуждения, а по какой-то опасной игре души. Это потом уже приходит осознание ложности авторитета того или иного нашего возраста, но даже и при таком осознании писатели, режиссеры любят вызвать в себе воспоминания прошлого с ожившими на бумаге, на сцене, на экране ощущениями преклонения перед нахрапистостью, блудливой ловкостью и волей бывшего кумира. Чему и кому поклоняемся — таковы и мы.

Нынче повсеместно пользуются словами «кумиры», «звезды», «суперзвезды», «авторитеты», в них звучит всё, что угодно, кроме духовной высоты. При опустошении души не исчезает жажда поклонения, но она обращается к предметам низким, пошлым, недостойным. Сколько бы ни внушал себе разнузданный в страстях и поступках человек, что он свободен и избавлен от поклонения авторитетам, — это самообман: потакание собственной похоти и сопутствующее этому мление (кайф) перед модными музыкантами, певичками, суперменами бросают «свободного» человека в бездну поклонений. «Не сотвори себе кумира» — это более, чем кому-либо, сказано тем, кто избавился от духовного поклонения и взамен покорился фальшивым кумирам.

Не всякий, чьим словом, наставлением мы дорожим, — для нас временный кумир. Ребенок идет к свету добра, красоты, истины через родителей, учителей, но и с возрастом не наступит та черта, когда можно сказать: «Всё, больше мне никто не нужен, не нуждаюсь в советчиках, нет для меня авторитетов!» Это было бы не ложным самомнением, а гибелью человека, духовно-нравственной, эстетической, практически деятельной, научной. Избавление от догматизма и заскорузлости — совсем не равносильно убиению в себе авторитетов, поклонения. Вовсе не кумиров мы творим, коль молитвенно почитаем сказанное нашими святыми подвижниками, учителями Церкви, коль вникаем в умудренные тексты философов, в строки подлинных романов, повестей, очерков, статей, вслушиваемся в слово старика, хорошего школьного учителя.

Принадлежность духу своего народа запечатлевается в поклонении духовным светильникам, персонифицированным в святых и писателях, философах, композиторах, художниках, строителях, которые наиболее полно несут в своем житии и творчестве душевно-духовную силу народа.

Попытки поклоняться чуждому никогда не принесут гармонии и душевного равновесия, ибо чуждость остается чуждостью. Невоз-

можно без потерь для духовного здоровья наполнить душу чужой религией, чужой традицией, чужими обычаями. Требуется немислимая метаморфоза, перевоплощение в китайца, индуса, в немца, если кто-то пытается примерить себе для духовного пути конфуцианство, буддизм, йогу или протестантизм.

Почитание истинного писателя — из глубинных культов России, без которых нет уже России и русских. Писатель — почти небожитель, его именем метится эпоха. Современники часто не чувствуют этой значимости для них писателя. Может быть, XX столетие и не будут называть именем одного писателя, но уж точно, если Россия останется верна своим почитаниям, — символами века станут как прежде — Пушкин, Достоевский, Толстой, так и теперь — лучшие писатели нашего времени, т. е. духовные водители народа, в силу необходимости заменившие святых старцев, святителей и духовников.

Если при устойчивой крепости державной и православной России писатели и мыслители соответствовали своему духовному предназначению, то подземные толчки, предвещающие потрясения для России, совпали с оформлением литературы, искусства, философии как субъективной игры воображения и завоевания пристрастных поклонников. Писательское слово стало нередко не испытанием глубин духа и души, а выпячиванием гордыни, на смену богочеловеческим поклонениям шли человекобожеские, и вместе с соблазнительными и возвышенными гуманистическими устремлениями служить человеку, гордости за человека мельчали идеалы, заземлялись, пока не стали утробными, ибо культ человека без культа Бога с неизбежностью низводит человека к тому, что человек сам о себе думает, не соотнося себя со сверхчеловеческими, идеальными мерками.

«Любите книгу — источник знания» — этот недавно еще настенный лозунг всех библиотек стал очень сомнительным, если книгой называть всё, что отпечатано и переплетено. Нынче книга несет противоположные задания, устремления, наполненности: она может быть и высочайшим учителем и источником растления, одни книги создают мелкоту интересов, принижают назначение человека, другие — дают усилие душе для радости окрыления и взлета.

Есть почитание целительное и губительное. Утверждение души на духовной традиции само по себе созидает верное чувство выбора любви, света, добра и отталкивания от себя скверны, пошлости и зла.

Духовная и бездуховная интеллигенция

Трудно поверить, что без этого слова обходились в русском языке полтора столетия тому назад. Обходятся без него до сих пор в западных языках, в западной культуре: вполне достаточно им слова «интеллектуалы», чтобы выделить прослойку умнейших, создающих достижения науки, техники. А нам в России не только не обойтись

без слова «интеллигенция», но и не разобраться никак, что же таит в себе интеллигенция, если она готовила революции своими трудами в философии, экономике, политике, а потом с не меньшим рвением ниспровергала идеи и идеалы революции: интеллигенция писала великие романы, повести, учила детей в школах, но люди, называющие себя интеллигенцией, погрязли в политическом лицемерии, запутывая народ посулами, рекламой, создали новую форму терроризма на телевидении, в газетах, журналах, обучая Россию «заниматься любовью», а не любить, заменяя совесть ловкачеством, «русской рулеткой» и новым для России вопросом «Кто хочет стать миллионером?» вместо прежних «Кто виноват?», «Что с нами происходит?»

Вакантное место интеллигента стремились чаще всего занять не созидатели, а разрушители и даже погромщики. Апологеты тех или иных партий склонны идеализировать собственное историческое становление, между тем уроки истории для того и полагаются изучать и учитывать, чтобы обрести более ясный взгляд на будущее.

Считается, что слово «интеллигенция» в близком современному смысле появилось в России, и первооткрывателем его был известный в свое время писатель Петр Дмитриевич Боборыкин (автор романов «Китай-город», «Василий Теркин» — да, такое совпадение или заимствование у Твардовского случилось). Сам Боборыкин утверждал, что термин «интеллигенция» рожден им на свет в 1866 году.

В самом обстоятельном энциклопедическом издании Брокгауза и Эфрона, в соответствующем томе, где полагается быть понятию «интеллигенция» — его нет, а том этот публиковался в 1894 году.

Прошло совсем немного лет, и волну бурных обсуждений вызвали «Вехи» с подзаголовком «Сборник статей о русской интеллигенции». В размышлениях об интеллигенции в этом издании объединились известные философы, публицисты: Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский, П. Б. Струве, С. Л. Франк.

В «Вехах» интеллигенция писала о себе самой, это была рефлексия по поводу творческих возможностей интеллектуальной элиты России и ее роли в революции. Каждый из семи авторов выражал собственную позицию. П. Б. Струве позднее признавался, что сборник «Вехи» никем не редактировался, и авторы прочитали статьи друг друга уже после выхода в свет книги, поэтому к сборнику нельзя относиться как единому организму; несогласия, нестыковки в оценке интеллигенции провоцировали на дискуссию, в которой приняли участие в том числе и сами участники сборника. О масштабе этой полемики, вспыхнувшей сразу после издания «Вех», можно судить по огромному тому антологии «Вехи: pro et contra» (СПб., 1998), хотя том этот охватывает лишь 1909—1910 годы.

Не случаен нынешний интерес к содержанию и судьбе «Вех»: в переломные годы мы вынуждены осмысливать исторические уроки

интеллигенции, особенно тогда, когда перемен явно жаждала именно интеллигенция, а реальные перемены, замышлявшиеся как рывок к обновлению, улучшению, в очередной раз разочаровали в возможностях самой интеллигенции.

Известно, что «человек в шляпе» вызывал противоречивые чувства у тех, кто работал на земле, у станков. Не в шляпе было дело, то есть не во внешних признаках, а в чем-то, что разделяло интересы, устремления трудового человека и человека, умеющего сладкоречиво, бойко говорить. Никогда в русском крестьянстве не было пренебрежения к книжности, мудрости, а тем более духовности. Почитали учителей, священников, стремились детей своих, внуков приобщить к грамоте, выучить, «вывести в люди», как принято было говорить.

Почему же с момента своего возникновения понятие интеллигенции приобрело сомнительный смысл? Еще в «Полном словаре иностранных слов» М. Попова начала XX столетия отмечено, что слово «интеллигентный» опошлось, так как его стали относить ко всякому образованному человеку, но образованность сама по себе не избавляет от невежественности и бездуховности. Чем более высокомерно ведет себя образованный человек по отношению к народу, прежде всего к крестьянству, тем менее он принадлежит подлинной интеллигенции, его можно причислить лишь к «образованщине», если воспользоваться словом А. И. Солженицына.

Двадцатый век, а особенно его последнее десятилетие, деформировал многие нравственные, гуманитарные, духовные понятия. Случилась такая деформация и с понятием интеллигенции: лживая, равнодушная к судьбе Отечества и народа группа присваивает себе титул интеллигенции, превращает себя в касту интеллектуалов, которая сверху вниз посматривает на «деревенщину» и вспоминает о ней в лучшем случае в предвыборных обещаниях, когда требуется протолкнуть наверх своего кандидата.

Напомним, что еще в 1881 году Владимир Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» разъяснял, что «интеллигенция — разумная, образованная, умственно развитая часть жителей», а П. Д. Боборыкин на рубеже веков уловил, что разные бывают у интеллигенции и разумность, и образованность, и умственная развитость, и главное — разные идеалы, к которым она устремлена. «Главный вопрос, — писал он, — в том, какие это идеалы, — вынесенные из всенародной жизни или же чисто субъективные, взятые из книг, высиженные в спертom воздухе болезненного субъективизма, своей душевной неврастении!..» (Русское слово. 1909. № 87. С. 2).

Невольно возникают образы тех, кого относят к интеллигенции, но образы эти находятся в конфронтации, ибо одна интеллигенция несет в себе цельность, органику культуры, питается соками глубинных традиций народа (таковы Пушкин, Глинка, Лесков, Шукшин), другая же интеллигенция самодостаточна, элитарна, поглощена собс-

твенным «я» (таковы модернисты, нигилисты всех мастей, от художников до политиков, имя им легион, роднит их пренебрежение к почве, к устойчивости, к органике жизни; то, что в народе рассматривалось издревле как уродство, извращение, порок, они стремятся превратить в «норму», в идеал жизни). Одна интеллигенция развивает подлинную культуру, другая разлагает целостные организмы культуры, готова гибель народов, государств. Интеллигенция и того и другого толка оказывается катализатором общественных изменений, она увлекает своими идеями, но результаты этих изменений противоположны — цветение культуры или ее разложение, гибель. В русской философии и литературе XIX столетия слышались предостережения об опасностях изоляционизма интеллигенции: хождения в народ были попыткой устоять перед растущим отрывом «умственно развитой части жителей» от людей, занятых созиданием не только материальных ценностей, но хранителей и творцов народной культуры.

Западная мысль запоздало осознала симптомы болезни отчуждения интеллигенции от народа, но об их диагнозе написано гораздо больше, чем о предчувствиях Ф. М. Достоевского, Н. Я. Данилевского или К. Н. Леонтьева. Честь обнаружения противоречия культуры и цивилизации обычно приписывают поэтому О. Шпенглеру, а не русским мыслителям. Для нас свидетельства Шпенглера интересны тем, что это взгляд изнутри на гибельную судьбу западной цивилизации, в которой часть российской интеллигенции усматривает идеал расцвета возможностей личности и общества.

Мировой город, безнациональная культура, которые греются нынешней «русской интеллигенции», настойчиво вычеркивающей из словаря культуры даже словосочетание «русская интеллигенция», — это симптомы гибели культуры, превращения ее в бездушную и бездуховную научно-техническую цивилизацию в лучшем случае, а в худшем — истребление даже такой цивилизации. Не сознает такая «интеллигенция», что ее усилия по устранению национальных культур, национальной интеллигенции обернутся разнузданностью самого примитивного национализма, который не обойдет своим сапогом в том числе и теоретиков мирового города. Кажется, события во Франции конца 2005 года могут побудить к раздумьям и европейских, и русских, и даже именующих себя российскими мыслителей о судьбах национальных государств, национальных культур.

Равным образом, как интеллект может изобретать лекарства для продления жизни человека и яды для его страданий и смерти, так и способности интеллигенции устремляются к спасению и поддержанию здоровья нации или изощренно отравляют дух народа, разжигая физиологизм страстей и пристрастий.

Кто-то боготворит дореволюционную интеллигенцию, но напомним лишь, что канонизированный интеллигент А. П. Чехов имел основа-

ния высказаться более чем резко: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр».

Исторически противоречивую роль интеллигенции первым подметил историк. В 1897 году В. О. Ключевский записал эскизно мысли об интеллигенции. Ему не нравилось это слово газетного жаргона, хотя он сознавал, что оно имеет вполне классическое происхождение, и назначение интеллигенции достойное — понимать действительность, самих себя и свой народ.

В. О. Ключевский не мог не заметить, что сам по себе культурный феномен, названный в России его современниками интеллигенцией, появился и живет довольно давно. «В нашем обществе, как и во всяком другом, люди разумные и понимающие были и тогда, когда еще не было людей, умеющих писать и читать»³.

Если с интеллигенцией накрепко связана высшая для общества степень разумности, разумения (о чем и Вл. Даль свидетельствует в своем толковом словаре), то откуда же срослись неразделимо совсем иные словосочетания — «гнилой интеллигент», «вшивый интеллигент», «паршивый интеллигент» или уничижительное «интеллигентиска»?

Удивительно, но и В. О. Ключевский рядом с возвышенной характеристикой интеллигенции, как способной выражать самосознание личности и народа, тут же дает набросок — «Классификация интеллигенции», в котором нет и следа возвышенности, напротив, классификация представляет разнообразие исключительно отрицательных человеческих типов, лишенных цельности, далеких от самостоятельности мышления и отражения духа народа. Вот эта классификация интеллигенции: «1) Люди с лоскутным мирозерцанием, сшитым из обрезков газетных и журнальных. 2) Сектанты с затверженными заповедями, но без способности к мышлению... 3) Щепки, плывущие по течению, оппортунисты либеральные или консервативные, и без верований, и без мыслей, с одними словами и аппетитами»⁴.

Это было написано до «десяти дней, которые потрясли мир», и уж тем более задолго до повторных потрясений, разваливших организм огромной державы в конце XX столетия. И в том и в другом потрясениях решающую роль сыграла интеллигенция. В начале века образ революционного интеллигента запечатлелся памятью о пенсне Луначарского и Троцкого, а в конце того века трибунным обликом Собчака и прочими фигурами быстро увядавших говорунов, которых спустя десять лет после их речений уже и не вспомнить

³ Ключевский В. О. Об интеллигенции // Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 300.

⁴ Ключевский В. О. Об интеллигенции. С. 299.

даже свидетелям этих телевизионно-парламентских триумфаторов (были же и Черниченко, и Стреляный, и Куркова).

Разочарование в лидерах, знающих, что надо сказать на публику, особенно в предвыборных дебатах, повергло в растерянность даже многоопытных людей. Ловкие манипуляторы от телевидения сумели создать на определенном этапе альтернативу: или интеллигентная Хакамада, или косноязычный и прямолинейный представитель народа Шандыбин. Разумеется, в интеллигентном Петербурге выдвигалась во власть экзотически-элитарная Хакамада, а русская провинция предпочитала топором сработанного Шандыбина.

Создается впечатление, что не много надежд на утверждение положительного смысла понятия «интеллигент», особенно если интеллигент становится инициативен политически, если он реально влияет на власть или становится властью. Пока Д. С. Лихачев писал о древнерусской литературе и рассуждал о воспитании культуры, он прослыл едва ли не олицетворением интеллигентности, но в этом олицетворении очень многие разочаровались, как только Лихачев стал подписывать самые разные коллективные письма к высшим властям; в знатоке древнерусской письменности при столкновении с реалиями современной русской жизни не просматривалась ни глубинная православность, ни русское правдоискательство, ни способность отделить подлинно национальное самосознание от проявлений зоологического национализма.

В русском восприятии существует образ интеллигента, далекого от политических и властных притязаний, образ положительный, в том числе соответствующий энциклопедическому истолкованию интеллигенции как наиболее сознательной, разумной, образованной части общества. Но разумность и высота духа, как уже отмечено, не связаны накрепко лишь с интеллигенцией. Дело в том, что в числе самых почитаемых в народе всегда были праведники, их разум возвышался над обыденностью, суетностью мира. Нелепо было бы пытаться приписать интеллигентность Иоанну Кронштадтскому или митрополиту Петербургскому и Ладожскому Иоанну, сочетавшим народную искренность, сердечность с высочайшей духовной просвещенностью, исторической образованностью, пронизательностью и разумностью. Казалось бы, таких людей и надо бы в первую очередь отнести к когорте русских интеллигентов, но внутреннее чувство отвергает такую возможность. Это другое. Это выше всякой интеллигенции и интеллигентности.

Интеллигенция бывает разной и переменчивой, а праведники — на века.

Таковы исторические реалии: образованность в России, и не только в России, на определенном этапе (в последние века с нарастанием) обособилась от религиозности, то есть от изначально неразделенного, цельного. А изначальноность эта означала, что обра-

зование есть движение к Образу Божиему, к совершенству, к идеалу и гармонии, а просвещение — это приобщение к божественному свету, освещение души лучами опять-таки совершенного Образа. Книга святителя Иосифа Волоцкого «Просветитель», написанная еще в XV веке, не имеет ничего общего с европейским просветительским движением XVIII века, как раз начавшего разворот в сторону атеизма и нигилизма.

Наша интеллигенция в лице учителей сторонится религиозности, хотя ей претят утилитаризм, делячество, разбухающие в современном обществе. По-видимому, нам предстоит внимательнее всмотреться в дела и слова подлинной народной интеллигенции, чтобы остаться на уровне разумности в столь запутанном нашей историей вопросе отношений школы и религии, интеллигенции и религиозности.

Стало почти общим местом не только для серьезных аналитических работ, но и для массовой публицистики утверждение, что мы живем в переходный период. Только слишком разнородно истолковывается этот переход. Интеллигенция, запутавшая народ в первые годы «перестройки» и «реформ», жаждала поскорее войти в некое царство цивилизованных стран, иронично высмеивая всех, кто говорил о специфике собственной истории, о традициях, о народном укладе жизни. Для такой цивилизационной интеллигенции не существует национальных святынь, привязанностей.

В этом отношении два типа интеллигенции, о которых мы говорим, ошибочно соотносить с западниками и славянофилами (почвенниками) XIX века. При всей остроте полемики и западники, и славянофилы искали лучших путей во благо России, они искренне любили Россию, они олицетворяли собой цветение русской культуры. Современного цивилизационного интеллигента не заподозришь в почвенничестве, он получает наслаждение (возможно, и физиологическое) от издевательств, пародирования всего, что было свято и чтимо народом веками.

Сегодня противостоят две интеллигенции: одна заботится о нравственном, эстетическом, религиозном здоровье народа; другая уничтожает духовные основы народа, формируя в лучшем случае интеллект, позволяющий работать с машинами, компьютерами, переводить тексты, решать математические задачи, то есть все то, что делает человека принадлежащим цивилизации, но не культуре. Известно, что культура во все времена развивалась на национальной почве, и мы в любой стране стремимся постигнуть неповторимый дух национального искусства, своеобразие архитектуры, литературы, танцев, музыки. Интеллигенция претендует быть носителем высших достижений культуры, и можно ли вообще именовать интеллигенцией тех, кто препятствует развитию национального самосознания, сохранению веками выработанных традиций поведения, нравственности, духовности?!

Насколько же безошибочными были суждения В. Шукшина об интеллигенции! Писатель нес в своей душе стремление к Правде, презирал всякую фальшь, правдоподобие, лицемерие, и оттого слова его о подлинной интеллигенции и интеллигентности предельно отточены, стали афоризмом. «Интеллигентный человек. Это ответственное слово. Это так глубоко и серьезно, что стоило бы почаще думать именно об ответственности за это слово. Начнем с того, что явление это — интеллигентный человек — редкое. Это — беспокойная совесть, ум, полное отсутствие голоса, когда требуется — для созвучия — “подпеть” могучему басу сильного мира сего, горький разлад с самим собой из-за проклятого вопроса “что есть правда?”, гордость... И — сострадание судьбе народа. Неизбежное, мучительное. Если все это в одном человеке — он интеллигент. Но и это не все. Интеллигент знает, что интеллигентность — не самоцель»⁵.

Хотя мы и назвали главу «Духовная и бездуховная интеллигенция», но вывод напрашивается однозначный: есть интеллигенция и псевдоинтеллигенция, последняя присваивает себе право называться интеллигенцией, но создает в народе в конечном счете отрицательное к себе отношение, ибо народ чувствует ложь и притворство. Подлинная интеллигенция — народная интеллигенция, она несет в себе лучшие качества народа, способствует его просвещению, в русском звучании этого понятия, то есть не только возрастанию ума, но и просветлению души. Такое толкование интеллигенции может прояснить и цели нашего образования, воспитания, когда мы ставим задачи подготовки учителя как подлинного интеллигента.

Духовный смысл русской идеи

Словосочетание «русская идея» знакомо хотя бы понаслышке едва ли не всякому нашему соотечественнику. Невольная политизация и связанная с ней эмоциональность проявились в философских дискуссиях о русской идее, в том числе на российских философских конгрессах: одни усматривают в русской идее мессианство, другие — национальное самомнение утраченного имперского сознания, третьи — проявление чистоты православной веры...

Политики рубежа XX–XXI веков вспомнили о русской идее, даже пытались поставить перед своими советниками задачу выразить современное звучание русской идеи, в этом одновременно сказала и верная интуиция необходимости поиска основы для духовного подъема нации, и совершенное непонимание специфики русской идеи, которая не может быть изобретена политиком или его советником, а тем более навязана народу. Политик может лишь уловить рождающийся в народе духовный порыв, осознать особенности народной

⁵ Шукшин В. М. Монолог на лестнице // Нравственность есть правда. М., 1979. С. 52.

души, ее способность и готовность направить все силы на движение к значимой для всего народа цели.

То, что именуют национальной идеей, лишь отчасти может быть выражено словом или словами. Это не идея в сугубо рационалистическом значении, ибо в национальной идее скрыта не столько мысль, сколько одушевление, поэтому такую идею пытались выразить не только философы, но и писатели, психологи или, во всяком случае, философы, тонко, проникновенно чувствующие душу и дух народа.

Приходится невольно удивляться прагматизации русской идеи, ее отождествлению с удовлетворением насущных материальных нужд народа, особенно если такая прагматизация исходит от знатока русской литературы. Возможно, А. М. Панченко немного юродствовал в беседе с журналистом, не зря он написал книгу о смеховой культуре Древней Руси, но все же напечатанная мысль воспринимается читателями без юмористического подтекста, тем более, если прочитана она в информационном еженедельнике «Аргументы и факты» (2000. № 35 (1036). С. 3): «Власть ищет национальную идею. Ну, какая может быть национальная идея! Мы — страна многонациональная. Более или менее сносно жилось бы — вот и вся национальная идея».

О нашей многонациональности не один только Панченко говорит так, будто где-то есть большие и даже не очень большие страны, которые лишены многонациональности. Даже Соединенные Штаты Америки постоянно говорят об американской нации как едином целом, о национальных интересах США в мире, а уж полиэтничность этой страны несопоставима с Россией. Как-то неловко оправдывать нелепость высказывания академика А. М. Панченко, конечно же, знавшего, что и Достоевский писал о русской идее, и С. Н. Булгаков, и В. Ф. Эрн, и И. А. Ильин, и П. Б. Струве. Едва ли можно предположить, что страна, в которой русскими себя считают более 80 процентов населения, не может иметь единой культурной основы, где не только территория и язык, а духовная культура объединяет едва ли не весь народ страны (естественно, каждый народ не принижается в своей культуре из-за своей малочисленности, но непредвзятый исследователь знает, что русская культура в большей или меньшей степени воспринята всеми народами России). И уж совсем неловко обсуждать после всего, что было написано русскими мыслителями о национальной идее, чисто физиологически-потребительское: «Более или менее сносно жилось бы — вот и вся национальная идея».

Остаться русским, сохранить русскость — значит нести в себе духовность, сокровище нашей истории, духовность русскую, соединившую в себе вселенские Истины христианства с сердечной восприимчивостью, давшую то, что называл И. А. Ильин просветленной чувственностью, христиански просветленной чувственностью. Учитывать полноту русской духовности — это значит не противо-

поставлять христианство, православие языческим корням русской чувственности, русского характера, но и не сводить русскость к абстрактно толкуемому христианству или язычеству, не соотнесенному с конкретным развитием русского человека в российской истории.

А. В. Гулыга подметил: «Для тех, кто полагает, что пока растет производство и благополучно работает полиция, ничего дурного не произойдет, для тех русская идея не существует»⁶. Печально, что во власти нынче немного тех, кто сознает и чувствует значение духовности в стратегиях развития России. Изобилие колбас на витринах магазинов создано; конечно, следует позаботиться и о том, чтобы эти колбасы были по карману всем, кто в них нуждается, но никогда русский человек, если он остается именно русским, не удовлетворится утробным смыслом жизни: ежедневное колбасно-пивное обжорство не может стать смыслом бытия русского человека и русского народа. Если бы такой смысл реализовался, а он и реализовался в части населения (в данном случае — населения, а не народа!), то это бы означало духовную деградацию, исчезновение русского народа с его духовными качествами правдоискательства, праведности, совестливости, ответственности перед Отечеством, его прошлым и будущим.

Происходит стремительная рационализация человеческого бытия, это грозит угасанием сердечности, душевности, тепла человеческих отношений, которыми всегда отличался русский человек. «Можно многое не сознавать, а лишь чувствовать», — подсказывал нам Ф. М. Достоевский⁷. Может быть, потому и выразила себя русская идея не в трактатах философов, а в художественных произведениях Достоевского, Лескова, Шмелева, Шукшина, Распутина, что она принципиально невыразима на языке рассудочных категорий, дискурсивно. Гоголь назвал «Мертвые души» поэмой, то есть обозначил жанр, относимый обычно к стихотворной форме. Вся русская проза поэтична, поэтична и вся русская философия, ибо она жива вдохновенным проникновением в тайны человеческой души, в тайны чувствования.

Писатель Виктор Некрасов, эмигрировавший в хрущевские времена, после двадцатилетней разлуки сумел приехать погостить на родину. И вот идет он по московской улице, а навстречу — мужик с авоськой, в которой трехлитровая банка с темной жидкостью. Писательский взгляд невольно зацепился за эту банку, но и мужик оказался зоркий, поймал внимание прохожего. «Кваску хочешь?» — родственному предложил мужик. Писатель прослезился: он встретил русского человека, он, если приземлить философскую мысль к жизненному эпизоду, встретил русскую идею. Писатель, повидавший многие страны, вдруг в один миг осознал, что такая открытая,

⁶ Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы. М., 1995. С. 13.

⁷ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. СПб., 1900. Т. 22. С. 172.

сердечная, домашняя и в высшей степени христианская фраза может прозвучать только в России. Скажут, таков русский менталитет. Можно в конце концов смириться и с этим словечком, без которого обходился живой великорусский язык, собранный в толковом словаре Владимира Даля, и которого не найти даже в словарях иностранных слов десятилетней давности. Если все оттенки русской природы, русского характера, русского духа, бездонных в своей тайне, не сумела постичь даже неисчерпаемая в духовных и языковых глубинах русская литература, то, конечно, проще всего упрятаться за абстрактную отмычку — менталитет.

Чуткое ухо, умеющее различать внутреннее звучание слов, улавливающее исконно русское страдание: «Мне бы только о душе не забыть!» — страдание, выраженное пронзительно в прозе Шукшина, никогда не спутает шукшинское восклицание «Душа болит!» с психиатрическим диагнозом душевной болезни. В русской литературе душа и дух неразделимы, психологические и рационалистически-философские истолкования этих категорий объясняют многое, но теряют ту самую тайну, которая открывается сердцу русского писателя, мыслителя, чувствующего душу и дух русского человека.

Русская идея принадлежит к коренным исканиям русской нации в истории. Из книги в книгу историки русской философии переносят сведение о том, что впервые выражение «русская идея» обнаруживается у Ф. М. Достоевского, и датируют его рождение 1861 годом. Между тем речь идет о термине, о словосочетании, ибо само явление появилось вовсе не в XIX веке, а много веков назад. Точно так же, как родовым понятием «национальная идея» Гердер и Гегель лишь удачно обозначили издревле существовавшую духовную силу наций, порождающую взлет во всех сферах жизни и культуры.

Русская идея была всегда и будет до тех пор, пока есть русский народ, неповторимый в своих духовных деяниях. Русскую идею никогда никто не выдумывал, она обнаруживала себя в стремлениях народа к высоким целям, в самобытности души русского человека, которую иноземцы воспринимали как загадочную, непредсказуемую, она и была бездонно таинственной при всей простоте внешних проявлений; эту бездонность постигаем мы в общении, в поступках, в сказочных повествованиях, в русской литературе, песнях, музыке. Поэтично и выразительно сказал Вяч. Иванов: «Национальная идея есть самоопределение собирательной народной души... упреждающее исторические осуществления и потомудвигающее энергии»⁸. Такое самоопределение народной души выражалось на Руси первоначально как идея собирания земель, идея объединения. Соборным порывом эта идея проявилась перед лицом нашествия кочевников, и кульминацией такого порыва стала Куликовская битва, она создала

⁸ *Иванов Вяч.* О русской идее // Родное и вселенское. М., 1994. С. 363.

из разрозненных княжеств великий народ, получивший духовную силу от святого Сергия Радонежского.

Достоевский подметил в Пушкине самую русскую национальную способность — всемирную отзывчивость. Недруги России тщатся приписать русским некую национальную агрессивность, «имперские амбиции» — этот штамп ныне особенно в ходу. С недругами спорить бессмысленно, целебнее прислушаться к тем голосам, в том числе и западным, которые сознают, что Россия созидалась духовностью, и эта духовность притягивала многие народы, соединяла их в могучее государство. Вальтер Шубарт, в пору нараставшего нацистского угара, осознал особую миссию для европейского спасения русской идеи. «Особенностью русских, — считал он, — является то, что у них почти любое явление культурной и часто даже политической жизни приобретает религиозную окраску»⁹. Национальной идеей русских Шубарт называл «спасение человечества русскими», духовное спасение от индивидуализма, потребительства, вещизма, а «вопрос: в чем предназначение русских на Земле? — тут же оборачивается другим вопросом: в чем предназначение человека на Земле?.. Можно без преувеличения сказать, что русские имеют самую глубокую по сути и всеобъемлющую национальную идею — идею спасения человечества»¹⁰. Христианское учение о спасении человека и человечества, сотериология, входит в существо русской идеи. Нетрудно видеть, что Шубарт был внимательным читателем собрания сочинений Достоевского и пытался передать западным читателям смысл размышлений русского писателя.

Силу русского духа Ф. М. Достоевский усматривал в стремлении ее, «в конечных целях своих, ко всемирности и всечеловечности»¹¹. Стать русским — значило для Достоевского быть братом всех людей.

Эта подмеченная нашим национальным мыслителем черта определила ненасильственный по преимуществу путь исторического расширения территориальных пределов России, не сопряженный с истреблением немногочисленных народов тех или иных территорий. Хорошо известно, насколько различными, до противоположности, были способы завоевания Америки и Сибири. Россия давно уже прирастает Сибирью не только материально, но и духовно. Русский национализм принципиально отличается от национализма в общепринятом его истолковании, это наднациональный национализм, лишенный племенной, зоологической кичливости, национального самомнения и эгоизма. Русский национализм — это духовный национализм, нацеленный на единение отдельных людей и народов на основе высших идеалов братства, правды, мира, державности, любви.

⁹ Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 2000. С. 153.

¹⁰ Там же. С. 194.

¹¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя // Полн. собр. соч. СПб., 1900. Т. 21. С. 445.

И даже русская идея как идея сильной государственности, идея империи — вовсе не тождественна имперской идее Рима, Византии, а тем более фашистской Германии. Строительство Российской империи преобразило идею империи. Никакого подавления, а тем более истребления, народов в угоду титульной нации в России не происходило, в иных местах и в некоторые времена (в советские особенно обнаженно) положение русских оказывалось более ущемленным, чем национальных окраин или национальных республик.

Теоретики российской монархической государственности были убеждены, что империя — это мир. Исторические подтверждения тому многочисленны, в том числе и негативные: когда империя распалась — нарастали конфликты между народами. Трудность устойчивого сохранения империи и монархии (не имеющей ничего общего с тиранией) Л. А. Тихомиров видел в том, что такая устойчивость достижима при наличии «живого и общеразделяемого идеала»¹², то есть объединяющей духовной силы. Дух единения вспыхивал в России во все опасные не только для самой России, но и соседствующих с ней стран времена. И это тоже было духовным светом русской идеи, неосознаваемым многими, но мощным, собравшим силы народов, которые без такой объединяющей духовной идеи не опрокинули бы фашистскую машину порабощения.

С XV столетия Русь стала средоточием православия и в народе родилось название — *Святая Русь*. Защита православной веры, преклонение перед идеалами христианской святости, бытовое исповедничество, духовно просветленное выстраивание жизни каждого человека и народа в целом — все это соединилось в русской идее Святой Руси.

Затем и вместе с тем русский народ захватила идея Великой России — это тоже было конкретно-историческим воплощением русской идеи, не утратившей своей силы и духовного импульса в советский период жизни России.

Нынче перед русским народом, перед каждым русским человеком вырастает русская идея во всех ее исторических воплощениях: требуется и собиранье земель, и возрождение духовности Святой Руси, и созидание Великой России. И во всем этом главное — сохранить русскость, остаться русским народом.

Быть русским — значит быть православным. Повторяя эту мысль Достоевского, не следует совершать логическую и содержательную ошибку, переворачивая эту мысль в иную формулу: быть православным — значит быть русским. Во-первых, православную веру несут в мире не одни русские, но и греки, сербы, грузины, болгары, многие народы или их представители; во-вторых, русскость самих русских не сводится только к православной вере, хотя исторический облик

¹² Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 668.

и дух русского народа, как и отдельного русского человека, пронизан православием. Пытаться перечеркнуть тысячелетнюю историю Руси — России, представить ее как искажение некоего чистого проявления русскости в языческом мире зарождающейся Руси — значит встать в один ряд с хулителями России и русского человека, ибо Россия и русский человек таковы, какими и создала их история специфического преломления христианского верования в конкретных людях, обретших в этом преломлении, взаимодействии неповторимую духовность, душевность, многообразные, но именно русские характеры.

Случались времена, особенным оказался в этом отношении век двадцатый, когда русские люди теряли воцерковленность, даже демонстративно противостояли Церкви, хотя, не сознавая того, несли в себе дух православия, дух любви к ближнему, милосердия, братства, соборности, дух поклонения историческим святыням и святым: если, например, во время Великой Отечественной войны русские воины чтили Александра Невского и Федора Ушакова, то небольшой шаг нужно было сделать душе, чтобы принять их и как святых. Василий Шукшин не был вполне воцерковленным человеком, но повернется ли у кого-то язык сказать, что Шукшин не был русским человеком или что он не создал в литературе живые характеры русских людей?! Конечно, эта притаившаяся православность не могла бесконечно, из поколения в поколение передаваться лишь семейными традициями, семейным воспоминанием, личным примером духовно-нравственного поведения родителей. Без опоры на Церковь, на евангельские заповеди, на молитву не может удержаться православная духовность, а стало быть, и основной стержень русскости.

Нынешнее возвращение в Церковь, приобщение к православию, воцерковление — существеннейшая основа сохранения русскости, но не забудем о том, что в православную Церковь идут не только русские и, приобщаясь к православию, они по праву остаются грузинами, евреями, чувашами, белорусами, они хранят свою национальную неповторимость, культуру, обычаи, психологию; в равной мере, чтобы удержать в дальнейшем русскость, мы обязаны, прежде всего, строить воспитание, просвещение в опоре на национальные традиции культуры. Русскоязычность не тождественна русскости: на русском языке может говорить кто угодно и реально говорят многие народы, поэтому заменить, как это делают некоторые политики и журналисты, точное слово *русские* аморфным «русскоязычное население» — значит сознательно или бессознательно способствовать устранению русскости, русского народа, русской культуры.

В сохранении русскости нельзя безразлично отнестись и к подмене русского российским, к вытеснению словосочетаний *русский народ, русская культура, русская литература, русская музыка, русская интеллигенция, русская идея*: в книгах, газетах, телепе-

редачах то и дело читаем, слышим о российской культуре (будто нет уже самостоятельных национальных культур — русской, татарской, якутской и других), о российской интеллигенции и т. д. Можно извести много страниц на обоснование разницы российского и русского, но русский композитор и мыслитель Георгий Свиридов сумел выразить эту разницу, это несоизмеримое несовпадение одной образной фразой: «Россиянином может стать и папуас». Нелепо называть Пушкина, Достоевского, Шукшина, Распутина российскими писателями, они — русские писатели, они — выразители русскости в литературе, которую совершенно определенно называют русской литературой. Россияне — мы все, живущие в России: и дагестанцы, и буряты, и удмурты, и вепсы, и русские. В культуре, во всех ее проявлениях (народной, религиозной, бытовой, профессиональной) мы, если останемся народом, а не безродным населением, сохраним национальное лицо, не исчезнем как народ, как личности.

Иван Александрович Ильин сказал много прозорливых и беспощадно честных слов о России, очень емко он сказал и о русской идее: «Плох тот народ, который не видит того, что дано именно ему, и потому ходит побирать под чужими окнами. Мы Западу не ученики и не учителя. Мы ученики Богу и учителя себе самим. Перед нами задача: творить русскую самобытную духовную культуру — из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом — смысл русской идеи»¹³. Коль удержим в себе русскость, русскую душу, русские характеры, русскую культуру, русские исторические традиции — будем интересны и ценны другим народам, как были до сей поры ценны неиссякаемыми национальными гениями, талантами. Созидатели культуры, просветители (в широком звучании этого слова — священники, педагоги, журналисты, писатели, политики) не могут оставаться безучастными созерцателями, констатирующими денационализацию молодежи или примитивные проявления племенного, зоологического национализма.

Мы обязаны знать, что народы, нации, государства исчезали, растворялись, если отворачивались от своей культуры. В наше время, когда небывало сильны информационные средства, средства просвещения, как и антипросвещения, судьба русской культуры, русскости во многом зависит от субъективных усилий власти, народа, каждого человека, дорожащих своей историей и принадлежностью к великой культуре.

¹³ Ильин И. А. О русской идее // Русская идея. М., 1992. С. 441.

ПОЭЗИЯ

Евгений СЕМИЧЕВ МОЖНО НАС ИСТРЕБИТЬ, НО ОСТАНУТСЯ КОРНИ

Евгений Николаевич Семичев — родился в 1952 году. Член Союза писателей России, поэт. Автор книг «Заповедный кордон», «Свете Отчий», «От земли до неба», «Российский развилоч», «Соколки русской земли», «Небесная крепь», а также многих публикаций в столичных и региональных литературно-художественных и общественно-политических изданиях России. Лауреат Всероссийской премии «Новая книга России-2002»; Лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова (2004); Лауреат Большой Литературной премии России (2006); Лауреат Всероссийской премии им. Расула Гамзатова (2007). **Живет в городе Новокуйбышевске Самарской области.**

* * *

Ласточка-касаточка,
сельская жилища.
Крылья полумесяцы —
острые серпы.
День-деньской заботливо вяжет
Божья жница
Из лучей небесных жаркие снопы.

Вознесут их ангелы
в небеса хормные,
Разнесут по яслям, оттесняя мглу.
Будут кушать агнецы
золото соломенное,
Воздавая Господу звонкую хвалу.

Хорошо им, агнецам —
и тепло, и сыто! —
Щедрой Божьей милостью
проживать раю.
Величать молитвенно
солнечное жито,
Ласточку-касаточку —
кормилицу свою.

У нее, у ласточки,
все дорожки — млечные.
И работа тяжкая
всякий день в году.
А еще у ласточки —
маленькие птенчики,
Сорванцы сердечные, требуют еду.

Быстро с горки катится
золотое солнышко.
А работы всяческой
непочатый край.
Поздно засыпаешь ты
и встаешь ранешенько,
Нелегко дается он —
Божий каравай.

Может, и не самая
лучшая деляночка
Выделена Господом
для крестьянских дел...
Не печалься матушка,
ласточка-крестьяночка,
Без тебя б, родимая, мир осиротел.

* * *

Говорю я ему: «Не клонись на зарю».
Только он почему-то не верит.
А известно давно — на земле к сентябрю
Сквозняками из космоса веет.

Что же ты понаделал, мой милый дружок?
Понакликал печальницу-осень.
Вот и тихую рощу за речкой поджег,
Листья бьются со звонами оземь.

Небеса на подмогу теперь не зови.
Это пламя исходит из сердца.
Кто из нас не горел на высокой любви?
Все мы, все мы ее погорельцы.

Не зальешь это пламя небесной водой.
Тщетно ангел-хранитель твой плачет.
Я когда-то был тоже, как ты, молодой
И, как ты, думал тоже иначе.

И тебя этот пламень вселенский увлек.
И твою красоту он схоронит.
Но не слышит меня молодой тополек,
На зарю свою голову клонит.

* * *

Это дерево лежало
На пригорке до поры.
Это дерево сбежало
В параллельные миры.

По его древесной плоти
Было врезано в ребро
Дорогое имя «МОТЯ»,
Словно царское тавро.

Эту темную лесину
Дед на досточки расшил.
И в глухую домовину
Бабу Мотю уложил.

Обронил слезинку скупю.
И сказал: «Прощай — прости!
Вот тебе, Матрена, ступа.
Бог — судья тебе. Лети...

Пусть земля во мгле согреет
Белы косточки твои.
Это дерево не тлеет.
Это дерево любви.

В райской куще золотистой,
В Божьем радужном саду
По зарубочке лучистой
Это дерево найду!

В его кроне негасимой
Не гнездились воронье.
Это дерево носило
Имя звонкое твое.

Ты сама его сажала
В ранней юности, весной.
...Это дерево сбежало.
За тобою в мир иной».

* * *

Окно всегда считалось ликом
В державном русском терему.
Проходим, странникам, каликам
Вменялось кланяться ему.

В миру еще во время-оно
Не дверь, не красное крыльцо —
Окно светилось, как икона,
И света óтчего лицо.

Да, русич по миру скитался,
Но возвращался в отчий дом.
А, уходя, окно старался
Забить андреевским крестом.

Что значило — в житейском море,
Святую вознося мольбу,
Безродное не мыкать горе,
А русскую пытаться судьбу.

Петр прорубил окно в Европу,
Чтоб утвердить России стать.
Чего так рвутся остолопы
Лицо державы забивать?

Неужто сын, как вор безродный,
Стыдась перед Европой всей,
Забьет доскою лик иконный
Несчастной матери своей?

* * *

А люди, как в лучшее время,
В хорошего верят царя.
Он вступит в звенящее стремя,
Народную волю творя.

Плащом небеса занавесит.
Щитом остановит раскол.
Продажных и лживых повесит,
А подлых посадит на кол.

От хвори, напасти и порчи
Избавится русский народ,

Когда ему царские очи
Сверкнут у Кремлевских ворот.

И праведный мир воцарится
На отчей земле на века.
И вдосталь родная земля
Накормит тогда мужика.

А если лихие бояре
Народ не желают любить?..
...На то и даны государи,
Чтоб головы песьи рубить.

ЯСАК

1

— Что еще русские, плачут?
— Воют и волосы рвут.

— Видно, они нас дурачат,
Если так дюже ревут.
Что же, обратно идите.
Режьте, как подлых собак.
Глотки зубами порвите,
Но соберите ясак.
Бейте. Давите арканом.
Жгите огнем и бичом.
Видно презренным шакалам
Есть еще плакать о чем.

2

— Что еще русские, плачут?

— Нет! Они горькую пьют.
Пляшут. Друг друга собачат.
Песни срамные поют.
Видно, устали бояться.
Нечего больше терять.
Если к рассвету проспят,
То соберут свою рать.
Шибко они матерятся
В пьяном угарном бреду...

— Значит пора возвращаться
Нам в Золотую Орду.

* * *

Сизый месяц за млечную тучку нырнул,
И туман над рекою алеет.
Это Бог наш вселенскую стужу вдохнул
И Россию на выдохе греет.

Полыхает костром заревым небосвод
Над унылым мирским бездорожьем.
И не сгинет Россия, покуда живет
На спасительном выдохе Божьем.

Зря кликуши истошно хоронят ее.
Пировать на костях не придется.
Понапрасну клубится над ней воронье —
Не затмить ему русское солнце.

И пребудет Россия во все времена,
Потому что на вечные лета
Светом Божиим вселенским омыта она
И дыханьем Господним согрета.

* * *

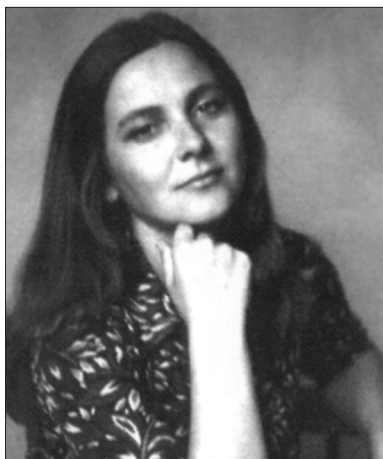
Русь взрастила меня, меня поит и кормит.
И я знаю — ей больно, когда я вдали.
Можно вырвать меня, но нельзя вырвать корни.
Глубоко они в сердце земное вросли.

Ничего не нажил себе в жизни я, кроме
Горемычной моей материнской земли.
Можно вырвать страну, но нельзя вырвать корни.
Глубоко они в сердце сыновье вросли.

Нашу землю, политую отчею кровью,
Никакие враги не возьмут в оборот.
Можно нас истребить, но останутся корни.
И — из них прорастет будет русский народ.

ПОЭЗИЯ

Вера БУРДИНА

СОШЕСТВИЕ ОГНЯ

Вера Ивановна Бурдина — родилась в станице Арчединской Волгоградской области. В 1993 году закончила Академию Государственной службы. Лауреат Всероссийской премии «Ладога» им. А.А. Прокофьева. Автор пяти сборников стихотворений. Живет в Кингисепе.

* * *

Надежда всем и Божья ласка:
Христос воистину воскрес!
И потому сегодня Пасха
для пастуха и для подпаска,
и стадо разбрелось окрест.

Пастух лежит в траве с чекушкой,
подпасок ловит пескарей,
считая вечность за кукушкой:
стать пастухом бы поскорей!

Позволено сегодня стаду
вдруг разбежаться кто куда,
искать в лугах травы усладу,
в лесу тенистую прохладу
без надоевшего кнута.

А службой утомленный пастырь
возложит на мозоли пластырь,
нательный поцелует крест,
шепнув: воистину воскрес!

СОШЕСТВИЕ ОГНЯ

И вновь и без меня
свершается сегодня
сошествие Огня
на Гроб Господний!

Самозажжение свеч,
воспламенение веры —
он искрится, как речь
из той, незримой сферы.

Он никого не жжет,
он чистое сиянье,
свидетельство: Бог ждет
от мира покаянья!

Среди мирской тоски
вдруг радостное чудо —
ромашек лепестки
с полей, оттуда...

Оттуда, где Христос,
одесную парящий,
творит незримый мост
и крест животворящий.

Незримый мост средь звезд
неразлученья с нами,
и отблесками звезд
огонь сияет в Храме.

Сошествие Огня
на Гроб Господний,
взысканье и меня
из преисподней!

МОСТ И КРЕСТ

Для спешащих — проезд,
но живущему в промысле,
мост — крылатый протест,
неприятие пропасти!

Этот арочный взмах
над водою осеннею,
словно ангельский знак,
словно зов ко спасению!

Уже время — в обрез,
уже каяться надо бы.
Мост над хлябью... и крест —
мост над пропастью
адовой!

Дай же, счастье, версту
ту последнюю в поступи
мне пройти по мосту
Твоей милости, Господи!

ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ

Надежнее, чем монолиты,
редуты, форты, ряжи,
Крепили его молитвы
мятежность русской души,

и веры, и трона шаткость
в начале герховных битв.
Святой Иоанн Кронштадтский,
дай силу твоих молитв!

Молитв о заблудших, сырых,
о душах, впитавших стынь,
о горевой России,
о скорби ее святынь!

Свободою не надыхаться —
смертелен ее холодок.
Святой Иоанн Кронштадский,
дай веры твоей глоток!

Помилуй, спаси Россию,
пред Богом молись о ней,
ведь святость твою растили
в крестьянских ладонях дней!

Открылась просинь в зените,
упала с небес звезда —
сияющая на граните
святая его слеза!

ЯКОРНАЯ ПЛОЩАДЬ

Блестит под дождями брусчатка кольчуга.
Над нею собора поблекшее чудо.
Кленовые листья на мокрой брусчатке
лежат, словно рыцарские перчатки.
На Якорной площади осень и слякоть,
лишь крест над собором вознесся... как якорь.
Он держит, за свод зацепившись небесный,
Кронштадт над пучиной морской и над бездной
времен и событий... Ни отпечатка
гранитная не сохранила брусчатка.

Только дожди пробираются ощупью.
Я тоже на ощупь иду этой площадью.

* * *

Осень, осиновый штапель,
ветхих небес парусина...
Мачты скрипят в Кронштадте —
оси былой России.

Славы погасшее пламя,
дымка над берегом сизая...
Листья и слезы, слезы и память
волны с гранитов слизывают.

ДО ДНА

Судьбу изменить никому не дано,
что не дано — отвергается.
Поезд стоит на станции «Дно»,
и государь отрекается...

Что-то не так в нашей жизни, не встык,
а костью у времени в глотке.
О, неуместная кротость владык!
О, изуверство кротких!

Еще не испита чаша до дна,
и остается в ней кроме
крестных мучений — дно смертного дня
в Ипатьевском доме.

Там, в Петрограде, пылает заря,
но над Россией смеркается,
Толпы беснуются: свергли царя,
но государь отрекается.

Кайся и плачь, горевая страна,
самое время каяться.
Вот и дожили до черного дна,
и государь отрекается...

На станции «Дно» пахло свинцом
и кровью, и самогоном.
В вагонном окне светилося Лицо...
Так светятся на иконах.

* * *

Родина, милая Родина,
с тобой не хотят и знаться
те, кто дошел до подиума
рейтингов и номинаций.

родная земля — пространство
для свалок и грабежа!

Над ними любовь не властна,
чужда им твоя душа,

Распутная и зловещая,
расхристанная во зле,
жирующая иноземщина
взросла на твоей земле...

СМОЛЯНКИ

Если я не в ладах с собою.
Среди мая ли, ноября
По Шпалерной взлетаю к Собору
Смольного монастыря.

Называли на русский манер
так протяжно и чисто — смолянки.

Время вспять будет длиться, длиться
пока я, закрывая глаза,
не увижу их светлые лица,
не услышу их голоса.

Что тогда на Россию надвинулось?
Или нечисть всегда, может быть,
ищет святости и невинности —
надругаться и осквернить!

Этих девочек гордой осанки,
добродетельных юных Минерв —

И орел обернулся вдруг решкою,
и звучит для живущих ниц
и сейчас еще злой насмешкою:
«институт благородных девиц».

Да и нам, привыкшим бороться
и во всем доверять уму,
добродетель и благородство
стали как бы и ни к чему?!

Но впряженные в новые лямки
Иногда, где-нибудь, не в ряд,
вдруг встречаешь, как у смолянки,
благородно-смиранный взгляд.

Петербург теперь град не стольный —
Не державный он с той поры,

Когда нечисть ворвалась в Смольный
С вонью пороха и махры.

Отчего мне минувшее снится,
Словно время течет по Неве:
И смоляночка девочка-птица
Отражается в синеве...

Запахнувшись в шубку соболью
в час, когда погаснет заря,
прилетает она к Собору
Смольного монастыря!

* * *

Где нищие из-под полы
пьют водку за труды в награду,
где оружейные стволы
несут церковную ограду,

войти в смирение в собор
и вдруг до головокружения
блаженство ощутить и боль
Господнего Преображения!

* * *

После ненастья — радуга,
милость любви после слез!
Ветер лицо мое насухо
вылизал, словно пес.

Над куполами сияние
и зоревая тишь.
Позднее покаяние
Господи, мне простишь?

ИМЕНИННОЕ

Становятся ночи черней,
пустеют сердца, как скворешни,
но нам в утешение, грешным,
София ведет дочерей!

Господь, Свою милость яви,
дай силы, скорбя о России,
для Веры, Надежды, Любви,
для матери светлой Софии!

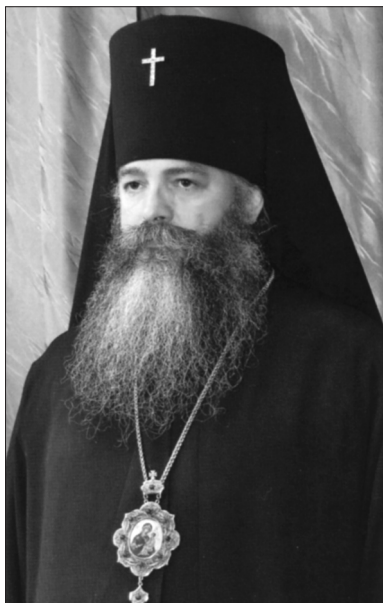
И Вера, Надежда, Любовь
спасут нас из адовой бездны,

где стала водицею кровь,
а милость и скорбь бесполезны.

Иных нет дорог и орбит
к спасению и для России —
кроме надежд и любви,
и веры в заветы святые.

Листок календарный не рви,
и день будет длиться и длиться,
чтоб Вере, Надежде, Любви
за черствую жизнь повиниться.

История и современность

Архиепископ
Тихвинский
КОНСТАНТИН

**РУССКИЙ
ВЫБОР**

*Святой праведный
Иоанн Кронштадский и
Георгий Гапон —
становление личности
в Духовных школах*

Вся мировая история представляется непрерывной чередой межнациональных войн, внутригосударственных конфликтов, катастроф. История, как стихийный, непрерывный процесс, на первый взгляд, не имеет внутреннего смысла. Кажется, не существует законов, с помощью которых можно было бы описать, а тем более спрогнозировать историческое движение. Узловые моменты в хитросплетенной исторической сетке всегда связаны с именами знаменитых исторических личностей, которые являются, чаще всего, предводителями и учителями народных масс, и без этих масс их деятельность не имеет смысла. Но и движение народа, кажется, не имеет смысла, если его рассматривать только с материалистических позиций, по-

Высокопреосвященнейший Константин, архиепископ Тихвинский (Горянов Олег Александрович). Родился в 1951 году. По окончании Винницкого медицинского института шесть лет работал врачом, в том числе и на «Скорой помощи», три года преподавал в институте. В 1981 году защитил кандидатскую диссертацию. Полгода будущий архиепископ сколачивал ящики на железной дороге, работал на лесоразработках, и только после этого митрополит Филарет разрешил принять его сторожем в Жировицкий монастырь, чтоб уже от монастыря получить направление в семинарию. Закончил Московскую Духовную Семинарию и Академию. Кандидат богословия. С 1990 года — архимандрит. Шесть с половиной лет был ректором Минской Духовной Семинарии. За труды по возрождению семинарии и епархии награжден Патриархом Алексием II орденом преподобного князя Даниила Московского. С 1996 года — ректор Санкт-Петербургских Духовных Семинарии и Академии, викарий Санкт-Петербургской епархии, профессор, зав. кафедрой богословия.

добно биологической или географической истории Земли, кажущейся набором случайных событий. Если же взять во внимание одну человеческую личность и рассмотреть вне зависимости от других, то покажется, что она абсолютно свободна и может руководствоваться лишь своей волей. Если же эту личность рассматривать в связи с другими такими же личностями, то становится очевидно действие непреложных законов, ограничивающих ее свободу. Но именно в таком «несвободном» состоянии личность, непримиримая к роли бездушного элемента природы, все более стремится к пониманию разумного смысла своего бытия, причем, без помощи органов внешних чувств, т.е. внутренним познанием, которым познает самое себя и Божественный о себе замысел. Для исследования этого непростого процесса следует уяснить, что же такое — личность?

Реальность, содержащаяся в слове «личность», проявляется уже в самой его этимологии. Относясь первоначально к актерским маскам, личинам, которые в античном театре были закреплены за определенными типами действующих лиц, впоследствии это слово стало означать самого актера и его роль. Латинское *persona* употреблялось обязательно с указанием общественной значимости героя, так что изначально под личностью понималась социальная роль человека. Постепенно это понятие наполнялось все большим многообразием смысловых значений, оттенки и диапазон которых в определенной мере специфичны для национального языка и конкретной философской системы. Важно отметить, что «понятие личности появилось не сразу, а складывалось медленно и постепенно — по мере формирования самой личности как социально-культурного явления. Причем сравнительно-исторические исследования показывают, что и в Европе феномен личности не существовал до христианства, в том числе и в Древней Греции... Именно благодаря христианству образовался сам феномен личности — человека как уникального существа, ценность которого определяется чем-то более высшим, чем принадлежностью к роду, к «государству-городу» или «патриархальной деспотии» востока»¹.

Для понимания существа личности определяющее значение имеет в ы б о р, принятие и исполнение человеком определенных социальных действий, внутреннее отношение к ним. Человек, как индивидум, свободно и осознанно принимает ту или иную социальную роль, сознает возможные последствия своих действий по ее осуществлению и принимает всю полноту ответственности за свои поступки: «человек должен сам заложить основу своего будущего явления как человека; он должен сам, через «духовные упражнения» соткать ткань, в которую облечется в будущем»². Процесс становления личности

¹ *Зенько Ю.М.* Основы христианской антропологии и психологии. — СПб., 2007. С. 250.

² *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Психология развития человека. М., 2000. С. 17.

осуществляется в многообразных социальных связях и отношениях на протяжении всей жизни человека.

Особенно гармонично происходит становление личности в христианстве, где человек понимается не как случайный росток слепой хаотичной природы, а как носитель Божественного образа, — образа Того, Кто Сам является Личностью и позволяет наследовать это свойство человеку.

В человеке есть безусловное, надприродное начало: разум, самосознание, свобода и нравственность — значит, безусловное начало есть и вне человека: ведь материальное зеркало не может отражать несуществующий предмет. Известный христианский богослов и философ, профессор Казанской Духовной Академии Виктор Иванович Несмелов (1863-1937) в своем фундаментальном труде «Наука о человеке» выдвигал небывалую идею религиозной антропологии, заключающуюся в том, что человеческая личность является даже не зеркалом по отношению к Богу, а самим изображением Бога, и «образ Божий в человеке не возникает под формою какого-нибудь явления сознания, а представляется самою человеческою личностью во всем объеме ее природного содержания, так что это содержание непосредственно открывает нам истинную природу Бога, каким Он существует в Себе Самом»³. Человек лишь потому существует в качестве личности, что отображает в себе Безусловную Сущность и Личность. Истина бытия Божия утверждается здесь на неизвестных ранее основаниях. Эта мысль Несмелова, что образ Божий отображается не в какой-либо одной составляющей человека, например, в уме, а в совокупности всех проявлений личности — продолжается в православной концепции «богословия образа»⁴.

Человек сознает себя личностью высшего порядка, а не вещью природного порядка, и это сознание не могло возникнуть из мира вещей, из порядка низшей природы. Сознание своего богоподобия — есть сознание не от мира сего.

Образ Божий в человеке не может быть объективирован или превращен в атрибут какой-либо одной только части человеческого существа. «Быть по образу Божию, утверждают в конечном своем анализе отцы, значит быть существом личным, то есть существом свободным, ответственным. Можно было бы спросить, почему же Бог создал человека свободным и ответственным? Именно потому, что Он хотел призвать его к высочайшему дару — обожению, то есть к тому, чтобы человек в устремлении бесконечном, как бесконечен Сам Бог, становился по благодати тем, что Бог есть по Своей природе. Но этот зов требует свободного ответа. Бог хочет, чтобы порыв этот

³ Несмелов В.И. Наука о человеке. Т.1. Казань, 1905. С.270.

⁴ Константин (Горянов), епископ. Жизнь и творчество Виктора Несмелова // ЖМП. 1996. №7. С. 55-62.

был порывом любви. Соединение без любви было бы механическим, а любовь предполагает свободу, возможность выбора и отказа»⁵.

Само наличие и возможность свободы в ы б о р а предполагает и возможность бунта. «Только сопротивление свободы придает смысл согласию... Личное существо способно любить кого-то больше собственной своей природы, больше собственной своей жизни. Таким образом, личность, этот образ Божий в человеке, есть свобода человека по отношению к своей природе»⁶.

Более того, анализируя связь между богопознанием и самосознанием человека, проф. В.И. Несмелов приходит к выводу, что Бог принудительно не вкладывает идею о Себе в человеческий разум. Это мнение, указывающее на достаточно большую свободу человеческой личности, на возможность выбора пути, может служить против самих защитников религии, ибо возникает вопрос, почему Бог изначально не дает всем людям правильное понятие о Себе. Несмелов заявляет, что образ Бога вовсе не дан человеку в готовом понятии, познание Бога происходит в процессе самосознания человеческой личности, и наоборот, «думая о Боге, человек думает о себе самом, и религиозное сознание человека в действительности всегда и непременно является составной частью его самопознания»⁷.

Именно поэтому можно утверждать, что атеизм по своему существу является не доктриной, а психологическим настроением человека. Вопрос о бытии и познании Бога является для человека вечным вопросом жизни. Сколько и как не решали бы его другие люди, каждое человеческое «Я» все-таки снова ставит его, потому что это вопрос не внешнего знания, а личного самосознания и жизни каждого отдельного человека⁸. Таким образом, личность есть высочайшее творение Божие именно потому, что Бог вкладывает в нее способность любви — следовательно, и отказа.

Осуществление свободы и самого совершенства на пути к Богу происходит в этом мире через соприкосновение, через общение с другими личностями. Личность может быть воспринята лишь в ее отношении с другой личностью. Такой «другой личностью» для человека становятся, прежде всего, окружающие его люди, и только потом, но не обязательно, ею может стать Господь. Особенную роль в развитии личности имеют, по слову свт. Феофана Затворника, юношеские годы, когда происходит определение целевой установки человека в основном на всю оставшуюся жизнь. Как для о. Иоанна, так и для Г. Гапона этот ответственный период жизни пришелся на их бытность

⁵ Лосский В. Догматическое богословие // Богословие Труды., Сб. 8., М., 1972. С. 156.

⁶ Там же. С. 156.

⁷ Несмелов В.И. Наука о человеке. Т. 1. Казань, 1905. С. 280.

⁸ См.: Константин (Горянов), епископ. Жизнь и творчество Виктора Несмелова // Вестник Белорусского Экзархата. 1990. № 5. С. 32-36; 1991, № 6. С. 40-44.

в русских духовных школах. Но целевая установка, принятая в этот период одним и другим, оказалась коренным образом различной.

В переломный предреволюционный период истории России складывались характеры, системы жизненных ценностей двух конкретных людей — святого праведного Иоанна Кронштадтского (1828-1909), всероссийского пастыря, великого молитвенника и чудотворца, предсказавшего трагические события русской истории XX века, и Георгия Гапона (1870-1906). Как утверждает исследователь жизни и деятельности последнего: «Можно с уверенностью сказать, что в 1905-1906 годах ни одно русское имя не вызывало во всей Европе столь же жгучего интереса, как имя Георгия Гапона. Его превозносили, его низвергали, на него клеветали... Клеветали слева и справа, особенно справа»⁹.

Бездна, разделяющая св. Иоанна Кронштадтского и священника Георгия Гапона (лишенного сана в 1905 г.), ставшего провокатором и одним из растлителей народного духа, — слишком очевидна, чтобы лишний раз заострять на ней внимание. Интересно, что изначально между ними было много общего. Судьба, словно для проверки духа каждого, дала обоим одинаковый старт. Оба начинали примерно в равных условиях, как многие их сверстники. Оба — выходцы из провинциальной глубинки, из бедных семей, окончили духовные училища, семинарии, являлись выпускниками Санкт-Петербургской Духовной Академии. Оба — священники, в какой-то период одновременно служившие в Санкт-Петербурге, знавшие друг друга и вместе литургисавшие. Гапон, очевидно озаренный духовной красотой и значимостью о. Иоанна, запомнил их встречи и даже оставил письменные воспоминания о них, правда, в весьма своеобразной интерпретации, вероятно, в силу своего непомерного эгоизма, и самоуверенности. И тот и другой активно занимались социальной деятельностью, искренне желая помочь рабочему люду, бедным и обездоленным. У каждого из них были открытые общественные позиции, которые, однако, сильно отличались.

Базовые условия жизни этих двух людей подобны. Но почему сформировались противоположные друг другу характеры? Как известно, своего рода «ключ» к пониманию мировоззрения человека — его жизненный путь. Поэтому для начала необходимо кратко, в сравнительном аспекте, изложить основные вехи биографии св. Иоанна Кронштадтского и о. Георгия Гапона, останавливаясь на тех моментах, которые являются наиболее существенными и имеют непосредственное отношение к раскрытию их взглядов и деятельности.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский родился в селе Сура Пинежского уезда Архангельской губернии 19 декабря 1828 г. в се-

⁹ *Кавторин В.В.* Первый шаг к катастрофе: 9 января 1905 года. Л., 1992. С. 227.

мье бедного причетника Ильи Михайловича Сергиева (1808-1851)¹⁰. Позже о. Иоанн в автобиографии напишет: «С самого раннего детства родители приучили меня к молитве... Евангелие было спутником моего детства, моим наставником, руководителем и утешителем...». Грамота давалась ему тяжело, «но, будучи приучен отцом и матерью к молитве, скорбя о неуспехах своего учения, я горячо молился Богу, чтобы

Сура — родина св. прав. Иоанна Кронштадтского. Фото конца XIX в.

Он дал мне разум, и я помню, как вдруг спала точно пелена с моего ума, и я стал хорошо понимать учение. На десятом году меня повезли в Архангельское приходское училище»¹¹. Училище в 1845 году он уже окончил в числе успевающих и был «назначен к поступлению в Архангельскую семинарию»¹².

Административно Архангельская семинария была причислена к Петербургскому духовному округу и находилась в зависимости от столичной Духовной академии. В организационном отношении духовные учебные заведения Архангельска после реформы 1809 г. представляли собой трехступенчатую структуру, включавшую в себя Архангельскую духовную семинарию и подведомственные ей училища: приходское и уездное. Каждая из трех названных ступеней служила подготовительным этапом к последующей и, в свою очередь, делилась на «отделения» или «классы». Так, в приходском духовном училище было два класса — младший и старший, или первый и второй, в которых дети обучались часослову, псалтыри, чистописанию, правописанию, грамматическому разбору, арифметике, священной истории, сокращенному катехизису и нотному обиходу. Уездное духовное училище состояло из двух двухгодичных отделений — высшего и низшего. В течение четырех лет ученики изучали русскую

¹⁰ Наиболее полную биографию см.: *Вениамин (Федченков)*, митр. Отец Иоанн Кронштадтский. СПб.; Кронштадт, 2000.

¹¹ Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. Сост. и комм.: А.Н. Стрижев. М.: «Отчий дом», 1997. С. 14. Примечание: Цитируемая автобиография незначительно отличается от Автобиографии, помещенной в издании: Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Воспоминания самовидцев. М.: «Отчий дом», 2004. С. 8-9.

¹² *Вениамин (Федченков)*, митр. Указ. соч. С. 56.

и славянскую грамматику, арифметику, священную историю, прекрасный катехизис, географию, устав, нотное пение, латинский и греческий языки.

*Внутренний вид избы,
в которой родился св. прав. Иоанн
Кронштадтский. Фото 1900-х гг.*

фией, психологией, герменевтикой, логикой, естественными науками и сельским хозяйством. В высшем — «богословском» — отделении, помимо продолжения изучения многих уже названных дисциплин, уделялось особое внимание богословским наукам и изучению иностранных языков (французского, немецкого или еврейского). В отдельные периоды преподавалась медицина, т.к. врачи, фельдшера располагались в более крупных населенных пунктах и требовали за визит значительных гонораров, а у крестьян не всегда на это находились средства. Поэтому священникам часто приходилось выполнять функции врача. Семинарская программа была высочайше утверждена и обязательна для выполнения¹³.

Обучение в семинарии не было бесплатным, частично оно оплачивалось государством, а частично — родителями. Ученики, оплата содержания которых в духовных школах полностью шла из казны, назывались «бурсаками»; наполовину — «полубурсаками»; остальные находились «на коште родителей». Число бурсачных и полубурсачных мест было строго ограничено, а священно- и церковнослужителей, по бедности не имевших возможности платить за обучение своих детей, всегда находилось гораздо больше. На учебу не хватало средств, воспитанники ходили по разным учреждениям и в канцеляриях выпрашивали себе бумаги.

В столичных семинариях была также распространена практика именных стипендий, когда обучение лучших или беднейших учени-

¹³ Балакшина Ю.В. Годы учения отца Иоанна Кронштадтского в Архангельских духовных школах (1838-1851) // «Кронштадтский пастырь». Вып. 2. М., «Отчий дом» (в печати).

ков оплачивалось каким-либо значительным и состоятельным лицом. В Архангельской духовной семинарии была учреждена только архиерейская стипендия. Иван Сергиев стал ее стипендиатом в 1850-51 учебном году. Спустя полвека в 1900-е гг., получив уже всероссийскую известность, о. Иоанн смог материально помогать таким же бедным студентам, каким когда-то был он сам, и учредил ряд стипендий в различных духовных учреждениях страны, в том числе и в Архангельской семинарии.

Надо отметить, что в 40-е гг. в духовных училищах Архангельска обучались сразу два брата Сергиевых — будущий о. Иоанн Кронштадтский и его младший брат, тоже Иван. Родители дали второму сыну такое же имя, как и первому, поскольку надежда на то, что болезненный и слабый старший Иван останется жив, была слишком мала.

Когда обучался только старший Иван, то его отцу еще удавалось собрать денег на учебу. Когда же в училище поступил еще и младший сын, положение стало критическим. В архиве сохранились прошения и отца будущего пастыря Иоанна Кронштадтского — Илья Сергиева, и самого семинариста, — к семинарскому начальству о предоставлении последнему казенного содержания. Начальство всегда отказывало под тем предлогом, что Иван Сергиев имеет пономарское место, как источник дополнительного дохода, которого, однако, не хватало на учебу, что видно из «покорнейшего» прошения самого Ивана: «Отец мой Илья Сергиев, проживающий в Сурском приходе Пинежского уезда дьячком, имеет кроме меня и брата моего Ивана Сергиева, обучающегося в первом приходском классе, в семействе четыре человека. По бедности своей он не только не в состоянии мне доставлять приличного для ученика одеяния, но и с величайшею трудностью пропитывает меньшего брата моего, который содержится на его собственном иждивении уже третий год. По сему покорнейше прошу Семинарское правление, не соблаговолено ли будет меня принять на полное казенное содержание, и тем избавить отца моего от крайней бедности. О чем учинить милостивейшее благорассмотрение и решение.

К сему прошению вышеозначенный ученик Низшего класса Иван Сергиев руку приложил.

1842 года

Сентября 11 дня».

(ГААО, ф.73 оп.1, д.237, л.698)¹⁴.

Однако, несмотря на все трудности, скорби Иван Сергиев в 1845 году успешно оканчивает Высшее отделение Архангельского духовного уездного училища и поступает в низшее отделение Семинарии.

¹⁴ Балакшина Ю.В. Годы учения отца Иоанна Кронштадтского в Архангельских духовных школах (1838-1851) // «Кронштадтский пастырь». Вып. 2. М., «Отчий дом» (в печати).

За годы обучения в Семинарии Иван Сергиев зарекомендовал себя весьма способным и примерным воспитанником, в результате чего он был даже назначен «старшим над архиерейскими певчими». Правда, по воспоминаниям о. Иоанна, эта должность «над самой некультурной, пьяной и распущенной в прежнее время частью бursы» едва не сгубила его.

Претерпевая всевозможные испытания и искушения, Иван Сергиев в 1851 году закачивает Семинарию первым учеником выпуска. И именно ему выпала честь от лица выпускников произнести речь. Как подчеркивает митрополит Вениамин: «В его речи уже виден будущий человек «опыта», а не только знаний; уже наметился пастырь-молитвенник. Нередко мы в юности склонны бываем критиковать наших отцов, не так было у Ивана Сергиева... Благодарит сначала архиерея, как высокого отца за «неоцененные блага образования». Кто читал творения отца Иоанна, особенно его «Дневник», тот знает, как высоко всегда отзывался он о богословском образовании; никогда он не унижал его... А потом, будущий всероссийский молитвенник и чудотворец, обещает — от лица всех окончивших курс — молиться перед престолом Божиим за архипастыря своего, зная, что почти все они, хоть не все в одно время, будут служителями алтарей. Не всем известно, что в мои годы на это служение уходили от 10 до 20 %, а в академии даже и менее: во время же отца Иоанна «почти все» ... И — Правдою Божиею — были наши школы закрыты потом, как «малоплодные смоковницы»¹⁵.

Отец Ивана Сергиева, Илья Михайлович, скончался, когда юноша заканчивал семинарию. Его мать, Феодора Власьевна (1808-1871),

Историческое здание Духовной Академии

осталась вдовою с двумя дочерьми, поэтому Иван сразу же хотел пойти на приход псаломщиком, чтобы содержать семью. Однако решительная мать настояла, чтобы ее сын, первый ученик, по направлению ехал на учебу в Санкт-Петербургскую Духовную Академию. И 28 июля того же года будущий

¹⁵ Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 24-25. Примечание: митрополит Вениамин сравнивает со временем своего обучения в Тамбовской духовной семинарии (1897-1901), а затем в Санкт-Петербургской духовной академии (1903-1907); в 1911 году он был назначен на должность инспектора Санкт-Петербургской духовной семинарии.

пастырь выехал из Архангельска с подорожной за № 219 в Санкт-Петербург¹⁶.

Жизненный путь Георгия Гапона сложнее, — изломанный, теряющийся во тьме порока, под стать его обуреваемой страстями меркантильной натуре. Он родился 5 февраля 1870 г. на Полтавщине в селе Беяки. Отец — Аполлон Федорович — казак, мать — крестьянка. Семья верующая, православная, и Георгий с детства был весьма религиозен. Дед часто рассказывал ему жития святых, которые на семилетнего мальчика оказывали такое влияние, что он, молясь, часами простаивал со слезами на глазах перед иконами. Его отца тридцать пять лет подряд выбирали волостным писарем, но он никогда не брал взяток и, окончив службу, оказался беднее, чем был раньше. Честность унаследовал и сын. Позже, когда Г. Гапон стал известным священником, через него проходили значительные благотворительные финансовые суммы, но никто из соратников не мог его упрекнуть в воровстве. Гапон в мемуарах с гордостью пишет о своем отце и с болью о своей Родине: «Вопреки крестьянскому обыкновению, отец никогда не бил детей. Из его разговоров я узнал о всех несправедливостях, сделанных властью по отношению крестьян, узнал о том, как каждый вершок Украины, теперь отданный правительством разным тунеядцам, был полит кровью казаков, сражавшихся за свободу и народное благо и служивших оплотом западному христианству против турок и татар с Востока»¹⁷.

Известно, что становление личности происходит от рождения и до последнего дыхания и является исторической категорией, определяющейся протяженностью во времени и ограничивающейся длиной жизни. Младенчество можно считать фундаментом этого процесса, этого духовного строительства. Уже первые события биографий Иоанна Кронштадтского и Георгия Гапона позволяют судить о разном характере их воспитания. Духовное развитие личности будущего светила праведности — Иоанна Кронштадтского, с раннего детства было сопряжено с Богом через молитвенное обращение к Нему. В то время как на маленького Георгия Гапона особенное впечатление производили жития святых.

Страстной, склонной в некоторой степени к театрализации натуре будущего народного агитатора более близкими были жанровые житийные эпизоды. Особо его привлекали в некоторых житиях апокрифические мотивы: «Помню, как меня поразил случай из жизни св. Иоанна, епископа Новгородского, когда он усердно молился, а злой дух, всеми способами стараясь смутить его, прыгнул в чан с водою,

¹⁶ Более подробно об учебе в Архангельских духовных школах см.: *Балакишина Ю.В.* Указ. соч.

¹⁷ *Гапон Г.* История моей жизни. «Русский летописец». М., 1990. С.4. Примечание: мемуары написаны Гапоном в мае-июне 1905 года в Лондоне по заказу издательства. Это практически единственный источник, повествующий о детских годах Г. Гапона.

стоявший в келии, а святой муж поспешил перекрестить чан и тем закабалил черта. Черт взмолился, чтобы его выпустили, и обещал сделать все, что пожелает св. Иоанн... Рассказ этот произвел на меня большое впечатление: я заплакал, но в то же время желал, чтобы мне представился такой же случай поймать черта»¹⁸.

Это удивительное для маленького ребенка желание свидетельствует о том, что с детства, не без помощи родителей, в душе Гапона была сформирована та почва, на которой рядом с православной верой произрастали такие духовные сорняки, как авантюризм, самоуверенность. Повзрослевший Георгий Гапон без особых на то причин и духовных трудов был убежден в своей нравственной силе, верил в легкую победу над злом, с которым не боялся заигрывать, и об истинной мощи которого имел, вероятно, весьма смутные представления. Уверенность в собственном могуществе и непогрешимости свидетельствует о том, что в душу Гапона с детства не было заложено понятие священного беспрекословного почитания Бога и страха перед Его могуществом.

Душу Гапона рано поразила бацилла бунта, и отчасти виной тому был его отец, который враждебно относился к существующим порядкам. На всю жизнь Гапон запомнил сцену, когда при виде проезжающей мимо коляски помещика отец сказал: «Смотри, как он гордо глядит, а ведь его коляска и все, что он имеет, досталось ему нашим трудом»¹⁹. Гапон тогда схватил с земли камень и швырнул вслед проехавшей коляске... Таким был первый практический урок из «революционной теории», усвоенный Георгием Гапоном еще в детстве.

Вероятно, в детстве следует искать условия возникновения столь различной степени почитания родителей у св. Иоанна Кронштадтского и Гапона. Отец Иоанн всегда крайне уважительно, послушно и с любовью относился к своим матери и отцу. Достаточно упомянуть его отказ от употребления непостной пищи в Великом Посту, когда врачи настаивали на этом ввиду серьезности болезни юноши. Причина отказа была — отсутствие благословения матери. Позже, уже будучи знаменитым священником, отец Иоанн, несмотря на огромный поток посещающих его людей, не забывал навестить родную Суру, где жила его мать, а когда не мог приехать сам, вызывал ее к себе в Кронштадт. С сыновьей нежностью он всегда целовал ее руку на ночь, в сыновьем неутолимом горе проводил мать в последний путь, похоронив на городском кладбище города Кронштадта.

Отношения с родителями Георгия Гапона вызывают чувство жалости к обеим сторонам. На первый взгляд все было благополучно. В своих мемуарах он говорит, что в детстве любил отца и мать, но тут же признается, что «восставал против деспотизма своей матери», «нарочно бросался в реку, чтобы не идти с ней в церковь», бывал

¹⁸ Гапон Г. Указ. соч. С. 5.

¹⁹ Там же. С. 4.

«пойман в пятницу за поедание хлеба с молоком». О матери своей он впоследствии писал как о «запутавшейся в текстах религиозного формализма», а в конце жизни признавался, что даже не знает, как и где она поживает. И отец Гапона, «неспособный убить даже муху», якобы имел хорошее влияние на сына, но непонятно, какое именно, если последний признавал в зрелом возрасте, что необходимо и «с оружием в руках сбросить самодержавие... не останавливаясь перед жертвами»²⁰.

Родители отправили Георгия Гапона в Полтавское духовное училище, где по результатам вступительных экзаменов его приняли сразу во второй класс. В училище один из учителей И.М. Трегубов давал ему почитать некоторые из запрещенных тогда сочинений Л.Н. Толстого, которые, как признает сам Гапон, «оказали громадное влияние на мое мышление... Я пользовался каждым случаем, чтобы высказывать эти новые для меня идеи, в особенности у себя в деревне во время праздничных вакаций»²¹.

После духовного училища Г. Гапон поступил в Полтавскую семинарию. В ней произошло уже более тесное соприкосновение молодого семинариста с учением графа Л.Н. Толстого: двое из семинарских преподавателей оказались его последователями: это упомянутый выше И.М. Трегубов, а также Исаак Борисович Фейнерман. Гапон толстовцем не стал, но наставления подобных «учителей», вовлекавших в социальные столкновения, изранили душу не закаленного в подобных сражениях семинариста. Как отмечает биограф Гапона Д.Сверчков, он «под влиянием толстовца Фейермана продолжал открыто порицать лицемерие служителей церкви. За это Гапон был лишен стипендии и стал добывать средства к жизни, давая уроки в богатых домах...»²². Увлечение толстовством оставило след в развитии мировоззрения Гапона, оно подготавливало его к будущему разрыву с Православной Церковью, которую Л. Толстой открыто обвинял в лицемерии, поскольку именно в это время Гапон, как он сам пишет, «все яснее видел противоречие между евангельским учением и обрядностями и догматами Церкви»²³.

Учение Л. Толстого было известно и о. Иоанну Кронштадтскому. Очевидно, что оно оставило след и в его душе, но не благостный, как у Гапона, а ожоговый. Священник не побоялся, защищая святую русскую Православную Церковь, растлеваемый русский народ,

²⁰ Гапон Г. Указ. соч. С. 4, 5, 47.

²¹ Там же. С. 6. Примечания: Трегубов Иван Михайлович, кандидат богословия, в одной из своих заметок пишет: «Я давал ему (Гапону) разные книги, которые имелись в училищной библиотеке, и, между прочим, запрещенные сочинения Льва Толстого, ходившие тогда в рукописях, которые я усердно распространял, несмотря на запрещение, среди моих учеников и семинаристов, посещавших меня». (Там же. С. 49).

²² Сверчков Д. Георгий Гапон. Опыт политической биографии. М., 1920. С. 11.

²³ Гапон Г. Указ. соч. С. 6.

Георгий Гапон

открыто опровергнуть заблуждения всемирно известного писателя, причем, здесь старец был как никогда беспощаден и непреклонен. «Господи, сколько (о ужас) ругается над Тобой и Церковью Твоею, над учением твоим, над таинствами и богослужением Твоим толстовщина и вся одурманившаяся так называемая интеллигенция». Св. Иоанн пророчески замечает: «Горе Льву Толстому, не верующему в Господа и умирающему во грехе неверия и богохульства. И смерть Толстого будет ужасом для всего мира». Небезосновательно граф Толстой был назван «зеркалом

русской революции», поскольку его религиозное учение способствовало подрыву авторитета Православной Церкви в российском обществе, подготавливало почву для построения богоборческого режима. Поэтому в духовно-нравственной эволюции Гапона увлечение толстовством является далеко не случайным эпизодом. Как известно, после Кровавого воскресенья Гапон так сформулировал свои новые взгляды, возможно навязанные западной философией: «Бога больше нет!», и очевидно, что к этой мысли он пришел не сразу, а в результате своего нравственного развития, подобного падению, заканчивающегося гибелью

Очевидны выводы, которые можно сделать на первом этапе сравнительного анализа жизни двух современников — св. Иоанна Кронштадтского и Георгия Гапона. Эти выводы подтвердятся и дальнейшим ходом сопоставления мировоззрений и поступков двух исторических деятелей. А состоят они в том, что личность формируется в первую очередь в процессе отношения с другими себе подобными личностями. В случае о. Иоанна Кронштадтского она приходит в состояние любви и благодати к тем и благодаря тем, кто сам послужил так или иначе на поприще любви и благодати. В случае Г. Гапона, личности, бесспорно, незаурядной, ищущей, болящей, но которой не повезло с «попутчиками», и она заостенела в состоянии гордого пренебре-

жения и осуждения священных основ жизни и погубила самое себя и нравственно, и физически. Только благие чувства, испытанные к ближним своим, в конце концов возводят к Самому Богу.

В 1893 году Гапон окончил семинарию и собирался поступать в университет. Однако этот путь для Гапона оказался закрыт. Из документов, хранящихся в Синодальном архиве, видно, что причиной получения Гапоном диплома второй степени, помешавшей ему поступить в университет, была грубая выходка по отношению к профессору семинарии В.Щеглову²⁴. «Для меня это было равносильно гибели всей моей карьеры и всего, что привлекало меня в жизни, — вспоминает Гапон. — Некоторое время я жил уроками и занимался статистикой в земстве... Теперь я увидел бедноту в цифрах и данных, собранных с больших площадей... и это еще более укрепило во мне желание посвятить свою жизнь служению рабочему классу и, первым делом, крестьянам»²⁵. Очевидно, что уже на первом этапе пастырского служения Гапон утратил уважение к большинству православных священнослужителей, архиереев, да и к самой Православной Церкви, а естественным и последовательным развитием его личности стало отвердение и отвержение Самого Бога. Это произошло через 10 лет после принятия сана священника, якобы «ради верных Христу».

Гапон не хотел быть служителем церкви, а мечтал стать врачом. Когда он давал уроки, то познакомился с дочерью полтавского купца: «Я часто разговаривал с нею, и, когда она узнала о моих планах на будущее, она высказала свое мнение, что положение священника далеко лучше положения доктора для осуществления тех целей, которые были мне дороги... Когда я возразил ей, что мои принципы **противоречат** (выделено — А.К.) учению православной церкви, она ответила, что этого мало, т.к. главное дело — быть верным не православной церкви, а Христу, который есть идеал служения человечеству... Это убедило меня, и я решил сделаться священником»²⁶.

В 1894 г. Гапон женится и в 1896 г. принимает сан с получением от епископа Иллариона хорошего места при кладбищенской церкви, которое было одним из самых доходных в Полтаве. Там молодой проповедник учреждает братство для бедных и разворачивает активную социальную деятельность. Народ его полюбил, часть духовенства осуждала неординарного коллегу, но архиерей продолжал относиться доброжелательно и покровительствовал ему. Вспоминая свой полтавский период жизни, Гапон напишет: «Женат я был четыре года, а священником был два года. У нас было двое детей — девочка и мальчик. После рождения мальчика жена моя серьезно заболела... И она умерла на моих руках... мне казалось, что все светлое отлетело

²⁴ Гапон Г. Указ. соч. С. 49.

²⁵ Там же. С. 6.

²⁶ Там же. С. 7.

из моей священнической жизни... Я был так удручен, что стал опасаться за свои мозги»²⁷.

В 1898 г. Гапон покинул ставшую ему постылой Полтаву и в 1899 г. по ходатайству епископа Иллариона и при содействии Обер-Прокурора К. П. Победоносцева поступил в Санкт-Петербургскую Духовную Академию.

По окончании Архангельской духовной семинарии Иван Сергиев был принят в 1851 году на казенный счет в Санкт-Петербургскую Духовную Академию. Следует отметить, что ректором Академии был епископ Макарий (Булгаков), будущий митрополит Московский, известный своими научными трудами и строгостью, которая являлась неотъемлемой частью всего учебного процесса в Академии и особенно дисциплины. Времена были «серьезные». Впоследствии о. Иоанн, сравнивая начало XX века со своими временами обучения в духовных школах, писал: «...теперь в семинариях преподавание наук совсем другое, да и все пошло не так»²⁸. Вероятно, это «не так», это послабление порядка, академических правил обучения, произошедшие в поздние времена, когда семинаристом был Г. Гапон, тоже поспособствовало изменению личности последнего, не проявлявшего должного почтения не только к образовательному процессу, но и к самим преподавателям.

Отец Иоанн Кронштадтский всегда с неизменным уважением отзывался о духовном образовании. Так, в проповеди в день памяти своего небесного покровителя преподобного Иоанна Рыльского, он подчеркнул: «При слабых физических силах прошел я три образовательные и воспитательные школы: низшую, среднюю и высшую, постепенно образуя и развивая три душевные силы: разум, сердце и волю как образ тричастной, созданной по образу Святой Живоначальной Троицы, души»²⁹. Здесь сразу бросается в глаза большая разница в оценке духовного образования, которую давали о. Иоанн Кронштадтский и о. Г. Гапон. Последний и об училище, и о семинарии, и об академии писал неизменно пренебрежительно, хотя надо сказать, что порядки в провинциальных духовных училищах и семинариях не слишком отличались друг от друга.

Обучение в высшей духовной школе — в Санкт-Петербургской Духовной Академии, оставило незабываемый след в жизни обоих священников. «Высшая духовная школа, коей присвоено название Духовной Академии, имела на меня особое благоприятное влияние, — писал впоследствии о. Иоанн, — Богословские, философские, исторические и разные другие науки, широко и глубоко преподаваемые, уяснили и

²⁷ Гапон Г. Указ. соч. С.7-8.

²⁸ Духонина Е. Как поставил меня на путь спасения отец Иоанн Кронштадтский. Дневник духовной дочери. М., 1998. С. 163.

²⁹ Отец Иоанн Кронштадтский. Слово в день памяти преподобного отца нашего Иоанна Рыльского, 19 октября 1899 года // Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Воспоминания самовидцев. Сост.: Орнатская Т.И. и др. М., 2004. С. 24.

расширили мое мирозерцание и я, Божиею благодатию, стал входить в глубину богословского созерцания, познавая более и более глубину благодати Божией, создавшей все премудро, прекрасно, благотворно, подчинившей все создания твердым жизненным гармоническим законам; особенно пленил мой ум и сердце премудрый, дивный план спасения погибающего рода человеческого чрез Божественного Агнца Божия Иисуса Христа, *вземлющего грехи мира* (Ин. 1, 29); во мне развилось и окрепло религиозное чувство, которое было во мне вселено еще благочестивыми родителями. Прочитав Библию с Евангелием и многие творения Златоуста и других древних Отцов, также и русского златоустого Филарета Московского и других церковных витий, я почувствовал особенное влечение к званию священника и стал молить Господа, чтобы Он сподобил меня благодати священства и пастырства словесных овец Его. Размышляя о чудном, любвеобильном домостроительстве Божиим в спасении рода человеческого, я проливал обильные и горячие слезы, стгорая желанием содействовать спасению погибающего человечества. И Господь исполнил мое желание. Вскоре по окончании высшей школы я возведен был на высоту священнического сана»³⁰.

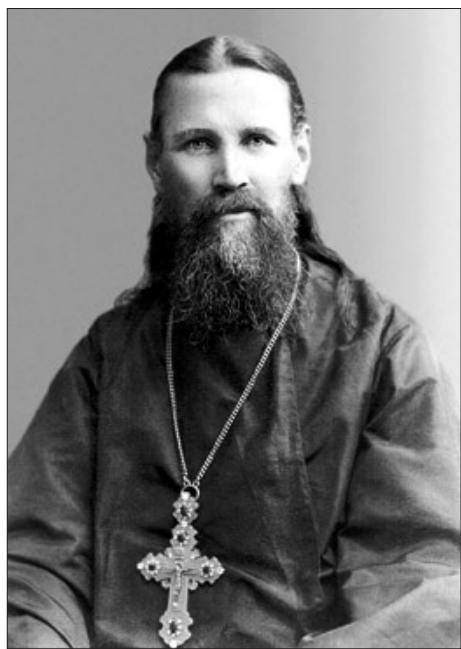
Учебу Иван Сергиев совмещал с работой, за гроши переписывал в канцелярии по ночам бумаги. После смерти отца он остался единственным кормильцем в семье. Скудное жалование Иван пересылал матери. Но первый заработок за переписку сочинений старшего товарища он употребил на покупку толкования Златоуста на Евангелие от Матфея и радовался этой покупке как сокровищу из сокровищ³¹. Помещение канцелярии, закрытое для других, дало серьезному студенту еще большую возможность заниматься своим образованием и в особенности изучением трудов Святых Отцов. В студенческие годы Сергиев отличался в учебе особым прилежанием, кроме добросовестного изучения обязательных предметов Иван читал и сочинения святых отцов, особенно любил творения св. Иоанна Златоуста. Иногда, сидя за чтением его поучений, он вдруг один начинал хлопать в ладоши святому Златоусту, до такой степени восхищала его красота и глубина ораторства Вселенского учителя. Такое творческое проникновение в труды Великого святителя, вероятно, определяется не только художественной и духоносной их гениальностью, но особым талантом восприимчивости души неравнодушного читателя этих трудов — будущего о. Иоанна Кронштадтского, который от уважения и благоговения к людям, его окружавшим и послужившим ему, постоянно возрастал в благоговении к Самому Творцу и Спасителю мира. В связи с этим хочется повторить, что согласно святоотеческому уче-

³⁰ *Отец Иоанн Кронштадтский*. Слово в день памяти преподобного отца нашего Иоанна Рыльского, 19 октября 1899 года // Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Воспоминания самовидцев. Сост.: Орнатская Т.И. и др. М., 2004. С. 25.

³¹ Святой праведный Иоанн Кронштадтский: проповеди, воспоминания современников и родственников // составители Шемякина С.И., Шлякина Г.Н. М., 2002. С. 10.

нию и на примере служения самого Иоанна Кронштадтского — личность формируется в правильном направлении, если в ближнем мы имеем образ Божий и общение с подобными нам людьми должно научать нас верному отношению к Богу.

Исследователь жизни и трудов св. прав. Иоанна Кронштадтского митрополит Вениамин полагает, что «с товарищами, по-видимому, у него не было каких-либо особо близких отношений и дружбы, а тем более веселых товарищеских пирушек. Подобно древнему св. Василию Великому, и он пользовался уважением и даже боязнью со стороны студентов: не до веселья и не до празднословия было ему. Учение, канцелярия и самообразование отнимали у него все время и внимание»³². Однако воспоминания самого о. Иоанна вносят некоторые коррективы в эту характеристику, словно иллюстрируя приведенную выше мысль В.Лосского о том, что любовь предполагает свободу, возможность выбора, бунта и отказа. Запись в дневнике от 15 ноября 1906 года позволяет увидеть о.Иоанна обыкновенным живым человеком: «Вспомнил я свою Санкт-Петербургскую Академию и жизнь мою в стенах ее, которая была не безгрешна, хотя я был весьма благочестивым студентом, преданным Богу всем сердцем.

*Святой праведный Иоанн
Кронштадтский (1829-1908)*

Грехи мои состояли в том, что иногда в великие праздники я выпивал вина, и только один Бог хранил меня от беды, что я не попадался начальству Академии и не был выгнан из нее, как был выгнан студент Метельников (Вас. Иванович из Нижегородской семинарии), напившийся до бесчувствия и отмороживший себе руки за стенами Академии. (Ворота были заперты на ночь, и он не мог попасть в Академию). Благодарю Господа за милость и сокрытие моих грешных поступков. А то еще был случай: в один двенадцатый праздник было приказано мне за всю ночь стоять и держать митру архимандриту Кириллу, экстраординарному профессору и помощнику инспектора Академии, а я <митру> не снял, и потом, когда товарищи заметили, зачем я это сде-

лал, ответил: «Сам снимет». Как мне сошла эта грубость, не знаю, но только архимандрит, видимо, обиделся на меня и по адресу моему на лекции в аудитории говорил очень сильные нотации, не упоминая меня.

³² Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 27.

Он читал Нравственное Богословие и был родственник ректора Академии епископа Макария Винницкого. Чту почтенную память вашу, мои бывшие начальники и наставники (Владыка Макарий, инспектор Иоанн (Соколов), лектор Богословия и профессор архимандрит Кирилл), что вы снизошли ко мне и не наказали меня соответственно вине моей и дали мне возможность окончить счастливо и получить академическую степень кандидата богословия и сан священника»³³.

В Академии у Ивана Сергиева появилось сначала желание взять на себя подвиг миссионерства в монашеском чине среди аборигенов Сибири и Северной Америки. Подтверждением этого является тот факт, что «студент Сергиев в числе семи состоял еще слушателем на (не обязательном) «миссионерском» отделении (или «классе»)»³⁴. В 1855 г. св. Иоанн окончил Духовную Академию со степенью кандидата богословия, защитив работу «О Кресте Христовом в обличении мнимых старообрядцев». Однако, пожив в столице четыре года и осмотревшись, он решил, что полезнее будет заняться пастырско-духовной работой. «Размышляя однажды о предстоящем служении Церкви Христовой во время уединенной прогулки по академическому саду, он, вернувшись домой, заснул и во сне увидел себя священником, служащим в Кронштадтском Андреевском соборе, в котором в действительности он никогда еще не был»³⁵.

В этом же 1855 году ключарь Кронштадтского Свято-Андреевского собора протоиерей Константин Несвицкий овдовел и по болезни ушел на покой. На его место 12 декабря того же года был назначен священник Иоанн Ильич Сергиев, женившийся на дочери своего предшественника Елизавете Константиновне³⁶, с которой они

Андреевский собор в Кронштадте

³³ *Арсений (Жадановский)*, епископ. Воспоминания. М., 1995. С. 172-173.

³⁴ *Бронзов А.*, проф. С. 392.

³⁵ Жизнь, подвиги, чудеса и пророчества святого праведного отца нашего Иоанна Кронштадтского Чудотворца. Собрал архимандрит Пантелеимон. Б.м. 1976. С. 4.

³⁶ Примечание: о семье Иоанна Кронштадтского подробно см.: Шемякина С.И. Св. Иоанн Кронштадтский и семья Несвицких // Свято-Иоанновские чтения. Церковно-научная конференция. Вып. 1. СПб. 2001. С. 38-41.

ранее познакомились на академическом вечере. Диаконскую хиротонию 10 декабря (по ст. стилю) совершил ректор Академии, епископ Винницкий Макарий (Булгаков), а через два дня, 12 декабря была хиротония во пресвитера, которую совершил Христофор, епископ Ревельский, викарий Санкт-Петербургского митрополита.

О. Георгию Гапону поступить в академию было непросто из-за плохих семинарских документов. Но его выручили дерзкая настойчивость в сочетании с вкрадчивостью и способностью находить в разговоре неожиданные, но точные ходы. Практически получив отказ при аудиенции у Победоносцева, страстный соискатель понял, что все его надежды рушатся, и это вызвало в нем негодование и протест.

«Но, ваше превосходительство, — крикнул я, — вы должны меня выслушать, это для меня вопрос жизни. Единственное, что мне теперь остается — это затеряться в науке, чтобы научиться помогать народу, я не могу примириться с отказом»³⁷.

Великий пастырь Иоанн Кронштадский не кричал, как Гапон, о непримиримом желании овладеть наукой «помогать народу». Он владел ею в совершенстве с юных лет, с тех лет, когда на всю жизнь взял за образец слово Божие и подвиг Христов. Непримирымый Гапон очень быстро остыл к духовной науке, так как не дождался от нее оправдания своим страстям, так как не осознал всемогущества ее Краеугольного Камня. «Я думал, — пишет несостоявшийся пастырь, оправдывая свое небрежное отношение к учебе, — что в этом святилище науки, тем или другим путем я приобрету то, что поможет мне служить правде и народу, но надежды мои совсем не оправдались... Только профессор истории церкви Болотов составлял исключение. Это был серьезный и очень умный человек; остальные **вовсе** не соответствовали своему назначению»³⁸. Такое критическое отношение совершенно не соответствует действительности, поскольку в те времена Санкт-Петербургская Духовная академия блистала своей ученостью. Достаточно привести такие имена: доктор богословия Троицкий Иван Егорович (1834-1901); ординарный профессор кафедры церковной археологии и литургии, директор Императорского Археологического института Покровский Николай Васильевич (1848-1917); Скабаланович Николай Афанасьевич (1848-1918), профессор по кафедре новой общей церковной гражданской истории, известный также своими трудами по истории Византии в послесоборный период; профессор Лопухин Александр Павлович (1852-1904), известный своей более чем активной научной, публицистической и издательской деятельностью; Бронзов Александр Александрович (1858-1936/37), профессор по кафедре нравственного богословия; известный библеист мирового уровня Глубоковский Николай Никанорович (1863-1937), доктор богословия, профессор по кафедре Священного Писания Нового

³⁷ Гапон Г. Указ. соч. С. 10.

³⁸ Там же.

Завета; заслуженный ординарный профессор Пальмов Иван Савич (1855-1920), крупнейший знаток истории славянских народов. И это далеко не полный список имен выдающихся тружеников на поприще духовной науки и образования.

Ректором Академии после епископа Бориса (Плотникова) с 1901 года стал епископ Сергей (Страгородский), будущий Патриарх Московский, который уже в начале века зарекомендовал себя весьма неординарной личностью, выдающимся богословом и иерархом. Достаточно упомянуть, что именно в период своего ректорства епископ Сергей был председателем Религиозно-философских собраний (далее — РФС) в Санкт-Петербурге (1901-1903), которые стали «встречей» русской богоискательной интеллигенции и Православной Церкви, своеобразным ответом на возросший интерес части интеллигенции к религиозно-философским вопросам³⁹. Эти собрания были очень популярны и вызвали большой интерес в обществе⁴⁰. «И когда правительство в 1903 г. запретило религиозно-философские собрания в Петербурге, это запрещение, как ни странно, усилило традиционную заинтересованность интеллигенции в дискуссиях по вопросам общерусской важности»⁴¹. В работе собраний принимали участие такие преподаватели Духовной Академии, как прот. Соллертинский Сергей Александрович (1846-1920) — профессор по кафедре пастырского богословия и педагогики, прот. Евгений Петрович Аквилонов (1861-1911) — профессор кафедры введения в круг богословских наук, проф.-прот. Налимов Тимофей Александрович, профессор патристики, Бриллиантов Александр Иванович (1867-1933) — во времена РФС доцент кафедры истории древней церкви, Карташев Антон Владимирович (1875-1960) — и.д. доцента на кафедре истории русской церкви, Лепорский Петр Иванович (1871-1923) — протоиерей, с 1901 г. — магистр богословия и доцент кафедры догматического богословия, иеромонах Михаил (Семенов, 1874-1916) — доцент по кафедре церковного права.

Что же касается деятельности студентов помимо учебы, то при Академии действовали Общество студентов-проповедников (с 1887 г. под патронатом «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви») и Студенческое Психологическое общество (с 1900 г.). Посильно продвигались сту-

³⁹ *Половинкин С.М.* На изломе веков. О религиозно-философских собраниях 1901-1903 годов // Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901-1903 гг.) / Общ. ред. С.М. Половинкина. М., 2005. С. 490.

⁴⁰ См.: Константин (Горянов), епископ. Опыт встречи. К столетию Религиозно-философских собраний // ЖМП, 2003. № 1. С. 64-71.

⁴¹ *Богачевская-Хомяк Марта.* Философия, религия и общественность в России в конце 19-го и начале 20-го вв. // Русская религиозно-философская мысль XX века. Сборник статей под ред. Н.П. Полторацкого. Одел славянских языков и литератур Питтсбургского университета. Машинопись. Питтсбург, 1975. С. 87.

денты под руководством наставников в деле распространения религиозно-нравственного просвещения. И не многие из них пошли на революционные баррикады в 1905 году и кричали о бедственном положении Церкви, незаметно, молитвенно они исполняли свое предназначение. Профессор Н.Н. Глубоковский так вспоминал об этих временах: «Студенты ограничивались своими специальными академическими кружками (пастырским, проповедническим) и вели скромную работу, видимо, столь благовидную и памятную, что уже при большевиках, когда разрушались чтимые часовни и осквернялись чудотворные иконы, один из них, потом митрополит Петроградский Вениамин (Казанский, мученически убиенный в 1922 г.) получил дорогую митру и всегда при обозрении приходов был провожаем целыми толпами народа с пением и горящими свечами, пока ему не запретили угрожающе даже переезд за Неву на Охту...»⁴². Таким образом, Санкт-Петербургская Духовная Академия в конце XIX — начале XX вв. переживала свой небывалый расцвет, не только в научной,

но и в общественной деятельности, который в силу малой духовной чуткости своей замутненной души не увидел Г. Гапон.

О пребывании Гапона в Петербургской духовной академии (1898-1903) сохранились воспоминания священника М.С. Попова, на основании которых И.А. Бухбиндером написана статья «Из жизни Г. Гапона». Попов близко знал Гапона, он вместе с ним учился в академии и одновременно с ним служил в детском приюте. Что же касается обучения и поведения Гапона в академии, то «Гапона студенты сразу невзлюбили. Он отличался большой практичностью, неприятно бросавшейся в глаза. Так, например, в общежитии студенты жили по 10-15 человек в одной комнате. Гапон каждый раз так устраивался, что занимал самостоятельно комнату. Однажды для этого

Свящ. Георгий Гапон. 1904

ты жили по 10-15 человек в одной комнате. Гапон каждый раз так устраивался, что занимал самостоятельно комнату. Однажды для этого

⁴² Глубоковский Н.Н., проф. С.-Петербургская Духовная Академия во времена студенчества там Патриарха Варнавы. Сремски Карловци, 1936. С. 58.

он выселил служителя канцелярии, сообщив начальству академии о том, что тот не имеет права жить в академии. В другой раз он заявил, что болен, и поселился в отдельной комнате в больнице. Он занимал ее долгое время, и врачу — заведующему больницей — пришлось вести с Гапоном долгую борьбу. Лекции Гапон посещал очень редко»⁴³. Да и сам Георгий Гапон, вспоминая об этом времени, отмечает, что желание заниматься только научными изысканиями в нем быстро охладело. «Постепенно я потерял всякий интерес к лекциям и понял, что никаких серьезных познаний от профессоров я не получу»⁴⁴.

На радость о. Гапона викарный епископ Вениамин приглашает его участвовать в миссии для рабочих, созданной при церкви на Боровой улице. Работа в миссии дала ему возможность определиться со своим мировоззрением в области социального служения. «На собрании миссионеров, где обсуждался дальнейший ход работы, я высказал свое мнение, что для укрепления работы миссии необходимо организовать рабочих для взаимной поддержки и кооперации, чтобы они могли улучшить экономический быт своей жизни, что я и считал необходимой предварительной стадией для их нравственного и религиозного воспитания»⁴⁵. Таким образом, о. Г. Гапон пришел к выводам, диаметрально противоположным тем, которые сделал в свое время о. Иоанн Кронштадтский, а именно — провозгласил примат внешнего делания над духовным и необходимость вначале накормить рабочего, а затем уже требовать от него духовной жизни. В этом, конечно, сказался материалистический соблазн социализма — дьяволово искушение «сделать хлебы из камней», о котором так хорошо писал Ф.М. Достоевский в «Бесах», «Братьях Карамазовых», «Дневнике писателя». Трагедия состояла в том, что если Достоевский обличал недоучившихся семинаристов, мирян, то теперь подобной материалистической идеологией проникались священнослужители. Это ли не трагедия личности, призванной владеть своей природой и природой мира, но вместо этого подчиняющей себя и ближних требованиям природы и ставящей свою нравственность в прямую зависимость от материальных нужд? Вскоре Гапон оставляет миссионерство ввиду невозможности распространения своего мировоззрения.

Гапон жалуется на ухудшение здоровья и администрация Академии, о которой он неоднократно отзывался так пренебрежительно, отправляет своего студента в Крым на поправку. Там молодой священник был любезно приглашен епископом Таврическим Николаем провести время лечения в Георгиевском монастыре, где неудавшемуся миссионеру был оказан почет и уважение. Вместо чувства благодарности братии, поправившийся священник Гапон потом напишет в

⁴³ Бухбиндер И.А. Из жизни Г.Гапона (По неизданным материалам) // Красный летописец. 1922. №1. С. 101-102.

⁴⁴ Гапон Г. Указ. соч. С.11.

⁴⁵ Там же.

своей биографии осудительное воспоминание о многих насельниках обители: «Всюду заброшенные богатства и праздная, даже непорочная жизнь. С каждым днем я убеждался, что все эти тысячи монастырей только питомники порока и рассадники народного суеверия»⁴⁶. Хорошее впечатление на него произвели только художник Василий Верещагин, писатель Янчин, дворянин Михайлов, «искренне» советовавшие пастырю душ человеческих навсегда снять рясу, чтобы стать более свободным в грядущем служении народу⁴⁷.

Этот возрастной кризис личности Гапона, заключающийся в переоценке исконных ценностей, в критическом пересмотре своего Я, явился закономерным результатом духовного разрушения, начавшегося с юности, отравленной классовой ненавистью, соблазненной убийственными идеями толстовцев. В молодости основы образа жизни верующего человека, будущего священника были осквернены до такой степени, что в зрелом возрасте Гапон, горько осознавший необратимость произошедшего, начал отходить от истинного православия.

Вернувшись в Петербург, священник Гапон продолжил обучение в Академии и посвятил себя просвещению рабочего класса. Он становится своим человеком в рабочих кварталах, его знают и любят. Эффектная внешность, незаурядный ораторский талант, умение производить впечатление на духовных и светских властителей обеспечили ему популярность среди прихожан и сравнительно неплохие места службы.

Когда еще Гапон учился на втором курсе академии, ему предложили место главного священника во втором приюте Синего Креста — отделении Общества попечения о бедных и больных детях. Вторым священником в приютской церкви был однокашник Гапона священник М. Попов, по воспоминаниям которого, мы можем составить себе представление о не совсем обычном поведении Гапона на этих должностях. С детьми Гапон охотно играл в лапту, в церкви организовал вокальное трио, к бедным прихожанам ходил пить чай со своим чаем и сахаром. Неудивительно, что паства столь необычного батюшки быстро увеличивалась. «Видя успех его проповедей, начальство души в нем не чаяло, он всех словно околдовал, ему приносили корзины фруктов и вин, — сообщает о. М. Попов, — в приюте не полагалось квартиры для духовенства, но для Гапона сделали исключение»⁴⁸.

Однако постепенно Гапон стал охладевать к богослужениям, прежнего самоотвержения как не бывало. «Гапон теперь стал хорошо одеваться, купил зачем-то бурку казацкую. Однако в деньгах он постоянно нуждался. У него стали частыми недоразумения из-за

⁴⁶ Гапон Г. Указ. соч. С. 13.

⁴⁷ Там же. С. 12.

⁴⁸ Бухбиндер И.А. Там же. С. 104.

неплатежей по счетам. Далее, часто брал он займы у знакомых и не спешил возвращать. С начальством приюта у него выходили часто споры. Фруктов, вин и подарков от дам-патронесс приюта уже не появлялось»⁴⁹.

Дело в том, что Гапон оказался замешанным в скандале, заставившем его покинуть приют. «Вдруг матери девочек, воспитанниц этого приюта, стали усиленно брать своих детей из него... — пишет биограф Гапона, — было проведено расследование. Оказалось, что Гапон так «своеобразно» держал себя с воспитанницами старших классов, что пребывание их в этом приюте становилось положительно неудобным»⁵⁰. Когда об этой истории узнал викарный епископ Иннокентий, он тотчас исключил Гапона из Духовной Академии и запретил ему служить. Отношения Гапона с попечительским советом приюта настолько обострились, что 2 июля 1902 года он произнес перед многочисленной паствой речь, направленную против начальства приюта.

Разрыву с детским приютом способствовал еще и тот факт, что в 1902 г. его воспитанница, Александра Уздалева, стала гражданской женой Гапона. Православный священник не имеет права вступать в брак повторно. Впрочем, свое неблагоприятное увольнение с прихода Гапон сумел обставить как гонение. Вскоре он уехал в Полтаву с А. Уздалевой, которая была его гражданской женой до самой смерти Гапона.

Но судьба опять дает шанс несмирному батюшке. Вернувшийся митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) «принял меня и восстановил меня в звании священника и ученика академии, и я снова стал принимать у себя своих друзей рабочих, и разговаривать с ними об их нуждах»⁵¹. Петербургский союз рабочих был утвержден, и Гапон присутствовал на собрании при его открытии, однако не в рясе священника. В переполненном здании ректор Академии епископ Сергей (Страгородский) произнес речь, в которой, напомнив о коммуне первых христиан, увещал рабочих не завидовать чужому богатству, а стараться честным трудом, трезвостью и взаимной помощью улучшить условия своей жизни. Гапон был разочарован, т.к. ожидал более радикальных призывов.

Крушение надежд и ожиданий несколько смирило воинственного священника. Весной 1903 года о. Г. Гапон наконец-то перед выпускными экзаменами и защитой диссертации стал заниматься наукой и задумался о своей будущей жизни. Ректор, епископ Сергей, предложил ему принять монашество, от чего Гапон, находившийся в гражданском браке с молодой А. Уздалевой, понятно, категорически отказался. Свой отказ он, однако же, мотивирует следующим образом:

⁴⁹ Бухбиндер И.А. Указ. соч. С.104.

⁵⁰ Феликс Г.А. Гапон и его общественная роль. СПб., 1906. С. 20.

⁵¹ Гапон Г. Указ. соч. С. 16.

«Среди монахов, с которыми я сталкивался в академии, был только один, нравившийся мне. Это был инспектор (архимандрит Феофан Быстров), которого любили все студенты, но и он мне казался сухим и ограниченным человеком. Меня тогда тревожили религиозные сомнения, но, когда я ему о них сказал, он пришел в ужас и, заявив, что меня искушает сатана, посоветовал читать жития святых»⁵².

Летом 1903 г. Гапон заканчивает Санкт-Петербургскую Духовную Академию и защищает кандидатскую диссертацию «Современное положение прихода в православных церквях греческой и русской»⁵³. По месту направления он не поехал и, отказавшись от места преподавателя в провинциальной семинарии, отдается деятельности в рабочем движении. Главный недостаток образованного духовенства Гапон видит в том, «что оно так поглощено обрядностью и догматами, что не может понять настоящую сущность религии»⁵⁴, а на самом деле сам не понимал сути того величайшего и труднейшего служения, которое в тиши храмов несли его современники и соотечественники.

Но, видимо, чувствуя каким-то забытым чутьем значимость духовного подвига особо выдающихся представителей духовенства, в «Истории моей жизни» о. Г. Гапон упоминает о нескольких встречах с протоиереем Иоанном Кронштадтским, где дает свою оценку маститому пастырю, который уже имел всероссийскую известность и почитание. Очевидно, что отец Иоанн произвел большое впечатление силой своей проповеди и неподдельной искренностью на молодого священника и студента Академии Г. Гапона. «Не могу не сказать несколько слов о моих встречах с этим замечательным священником. Его манера раздавать на улице большие суммы денег привлекала в Кронштадт массу нищих, которая только и жила подаянием и все более и более теряла охоту к честному труду. Первый раз я встретился с ним на освящении церкви в Ольгинском приюте. Отец Иоанн был приглашен совершить богослужение вместе со мною и еще одним священником. Я внимательно всматривался в него. Он небольшого роста; глаза его проницательны, борода короткая, седая; движения резкие, нервные; одет он был в великолепную

⁵² Гапон Г. Указ. соч. С. 19.

⁵³ В отзыве на это сочинение доцента иеромонаха Михаила (Семенова) отмечено, что работа по объему небольшая — 70 страниц. Это лишний раз подтверждает свидетельство современников о том, что священнику Георгию Гапону было не до учебы в виду его активной деятельности среди рабочих. Сочинение «состоит из трех отделов — изложенных в двух главах: вторая делится на два отдела. Первая часть (стр.6-23). О приходе в греческой церкви. Эта часть ни в фактическом материале, ни в выводах, не оригинальна: она повторяет нашу книгу «Собрание уставов Константинопольского патриархата» (Казань, 1902). Работа Г. Гапона в этой части ограничилась простым перифразом». См.: Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1902/3 год (в извлечении). Приложение к журналу «Христианское Чтение». СПб., 1903. С. 341.

⁵⁴ Гапон Г. Указ. соч. С. 20.

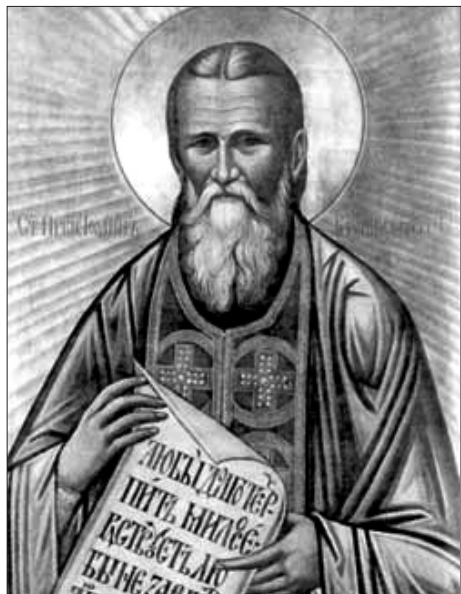
рясу... Вскоре я встретил его в доме одного купца, где он также совершал богослужение. Его сопровождала одна из 12 его постоянных спутниц, одетая в белое, поведение которой было скорее кривлянием, чем поклонением. Затем нас пригласили к столу, и отец Иоанн и я сели, а толпа стала кругом нас на колени. Иоанн ел и пил с большим аппетитом, нисколько не стеснясь... Когда новая церковь Красного Креста была окончена, княгиня Лобанова — Ростовская пригласила меня и отца Иоанна совершить богослужение. Там был и третий священник, молодой студент академии. Нас с отцом Иоанном затем пригласили к столу, но студента почему-то демонстративно не позвали... Однако в другой раз, проповедуя в техническом училище, отец Иоанн произвел на меня сильное впечатление силою своей проповеди и очевидной искренностью. Он говорил о смерти и воскресении и сказал, что каждый человек ежедневно умирает и воскресает и что каждый безнравственный поступок наполняет сердце чувством смерти, а всякое стремление к добру наполняет его славой новой жизни. Иногда он приезжал в академию, где студенты прямо обожали его»⁵⁵.

Не о такой ли славе мечтал сам Г.Гапон, не осознавший своего предназначения, растративший данные ему Богом дары — пылкий ум, чистую совесть, физическое здоровье. Он, как блудный сын, прожил все свои духовные богатства в том возрасте, в котором студент Иван Сергиев тихо, спокойно и внешне незаметно созидал фундамент для здания своего великого будущего пастырства на догматике и патрологии Православной Церкви. Гапон к догматике относился изначально пренебрежительно, об изучении трудов святых Отцов не вспоминал вообще ничего. В священники он пошел не по призванию, хотя изначально тяга к Богу у него была. На таком фундаменте невозможно выстроить свое здание служения народу. Для более выразительной характеристики о. Иоанна и Гапона, как нельзя лучше подходят слова Спасителя из Нагорной проповеди: «Всякого, кто слушает слова Мои и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне. И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал; потому что основан был на камне. А каждый, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке. И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (Мф. 7, 21-27).

По окончании академии о.Г.Гапон остался в столице: «очень хотелось совсем выйти из духовенства, но священническая ряса давала мне свободный доступ к рабочим, и потому я решил не делать этого и стал хлопотать о приходе в Петербурге»⁵⁶. А впереди Г.Гапона ждали

⁵⁵ Гапон Г. Указ. соч. С. 22-23.

⁵⁶ Там же. С. 20.

Иоанн Кронштадтский

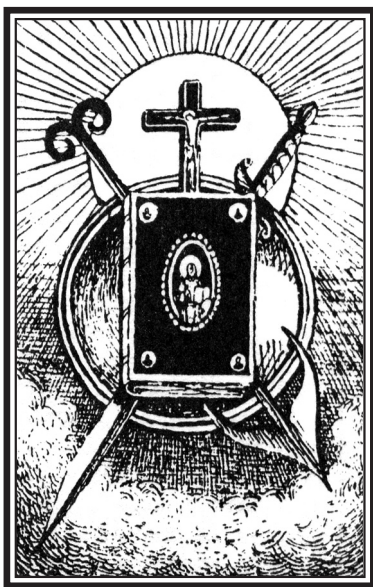
черный силуэт, склонившийся, будто под напором стихии...

А отец Иоанн Кронштадтский, также прошедший в начале XX века через многие искушения, не только устоял в своей преданности Богу, но и стал настоящей свечой, освещающей путь для многих людей на все последующее время. Отец Иоанн с кротостью и любовью исполнил слова Христа: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего небесного» (Мф. 5, 16).

Воистину, светит свет очей о. Иоанна Кронштадтского со святых почитаемых икон, изливается на немощи, грехи и устремления наши. В веках будет сиять образ святого, как маяк, возженный на том море, о котором писал Игнатий Брянчанинов («Крестоношение»): «Широко расстилается оно, хрустальное, серебряное, между отлогими берегами. Замкнуто оно Кронштадтом, за которым беспредельность моря сливается с беспредельностью неба».

ДОСПЕХИ

**Юлия БАЛАКШИНА
Александр БЕЛЯКОВ**

**«ЖЕЛАЮ ТЕБЕ БЫТЬ
МУЖЕСТВЕННЫМ
И ПОЛУЧИТЬ
ВЕНЕЦ!»**

*Святой праведный
Иоанн Кронштадтский
и адмирал
Степан Осипович Макаров*

Чуть больше года осталось до того времени, как Русская Православная церковь, а значит и весь русский народ, будет праздновать юбилеи двух выдающихся личностей, живших во второй половине XIX — начале XX веков. Первый из них — это святой праведный Иоанн Кронштадтский (Сергиев), 100-летие светлой памяти которого мы будем отмечать 2 января 2009 года. Менее чем через неделю после этого — 8 января 2009 года будет праздноваться 160-летие со дня рождения другого замечательного человека — адмирала Степана Осиповича Макарова. Думается, что эти юбилеи находятся рядом не случайно.

Отец Иоанн Сергиев был близко знаком со многими видными деятелями русского флота. Среди них: начальник главно-

Юлия Валентиновна Балакшина, кандидат филологических наук, бакалавр теологических наук, сотрудник православного издательства «Отчий Дом», преподаватель кафедры русской литературы РГПУ им. Герцена. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Александр Петрович Беляков — родился в г. Рославль Смоленской области в 1952 г., работал рулевым на теплоходе «Хийумаа» Эстонского морского пароходства, окончил Тихоокеанское Военно-Морское училище им. С.О. Макарова, служил на надводных кораблях Тихоокеанского флота, совершил 12 боевых служб, окончил Военно-Морскую академию, в 2003 году — заочное отделение Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, преподает на Высших Специальных Офицерских Классах ВМФ, является руководителем созданного им в 2006 г. Центра духовного образования при ВСОК ВМФ. **Живет в Санкт-Петербурге.**

*Отец Иоанн Кронштадтский
на палубе одного из кораблей
(Фотография предоставлена
мемориальным домом-музеем
Иоанна Кронштадтского
в г. Кронштадте
и на Леушинском подворье)*

Степан Осипович Макаров

го управления кораблестроения и снабжения вице-адмирал Владимир Павлович Верховский — «старый друг юности и бывший смиренный сомолитвенник» отца Иоанна; адмирал Константин Николаевич Посьет, кавалер почти всех высших российских орденов и орденов многих других стран, автор хорошо известного всем морякам сочинения «Вооружение военных судов», инициатор известного периодического издания «Морской сборник», и, конечно же, Степан Осипович Макаров, — вице-адмирал, человек составивший славу русской науки и российского флота, трагически погибший во время русско-японской войны.

Возможно, первая встреча отца Иоанна и С.О. Макарова состоялась в 1867 году, когда восемнадцатилетний Степан Макаров, штурман корвета «Аскольд», прибыл с Дальнего Востока в Кронштадтский порт. Военные моряки Кронштадта посещали специально для них предназначенную Богоявленскую церковь. Поэтому мы можем лишь предположить, что штурман Макаров все-таки бывал на богослужении в Андреевском соборе, где к этому времени уже двенадцатый год служил священником отец Иоанн.

Самое раннее документальное свидетельство, говорящее о личном знакомстве С.О. Макарова и отца Иоанна, — письмо Николая (Касаткина), епископа Токийского, начальника Русской духовной миссии в Японии, написанное С.О.Макарову 10 (22) января 1890 года.

В 1886-1889 гг. Макаров совершил трехгодичное кругосвет-

ное плавание на корвете «Витязь». Во время этой экспедиции помимо организации научных работ, он находил время для сбора сведений о роли Православной Церкви в Японии. Вернувшись из длительного морского похода, несмотря на занятость, связанную с обработкой полученных гидрографических и гидрологических данных, Степан Осипович систематизировал свои дневниковые записи и в 1889 году издал книгу «Православие в Японии». Он так же активно помогал православному делу в Японии тем, что искал жертвователей на строительство храма Воскресения Христова в Токио. С.О. Макаров обращался за помощью к представителям разных слоев общества и, конечно, к отцу Иоанну Сергиеву, который к концу 1880-х годов стал известным всей России молитвенником, жертвователем и благотворителем. В упомянутом выше письме епископ Николай благодарит Макарова за хлопоты по сбору денег на православный собор в Токио и перечисляет имена людей, откликнувшихся на его нужду: «...Сколько добрых результатов Ваших хлопот! От Нечаева-Мальцева 1000 руб., от отца Иоанна — 500 р., от Самарина — 100 р., кроме того, Вы мне открыли доступ просить гр. Н.В. Орлову-Давыдову».

Конечно же, общение отца Иоанна и С.О. Макарова становится более близким, когда служебная деятельность последнего перемещается в Кронштадт. Так, 20 октября 1898 г. газета «Котлин» сообщала, что С.О. Макаров, временно исполнявший в то время обязанности командира порта и военного губернатора Кронштадта, присутствовал на праздновании Дня Ангела о. Иоанна Ильича Сергиева и произнес следующее: «От города Кронштадта и проживающих в нем моряков поздравляю Вас, высокочтимый отец Иоанн, с днем Вашего Ангела и желаю Вам здоровья и сил, чтобы по-прежнему нести тяжелый крест, который по воле Божией достался на Вашу долю». Степан Осипович поместил эту заметку в свой личный дневник, в котором среди других записей за 1898 г. нередко встречаются и такие: «Был на молебствии в Андреевском Кронштадтском соборе». Барон Ф.Ф. Врангель в своей книге о Макарове отмечает, что близкая дружба, связывавшая С.О. Макарова с отцом Иоанном, значительно помогала вице-адмиралу в делах благотворительности и управления городом.

Дружбе этой суждено было в полной мере проявиться в деле создания первого океанского ледокола для Российского флота. В 1897 году для проведения исследований, необходимых для расчетов при строительстве ледокола «Ермак», С.О. Макаров совершил экспедицию в Карское море. Знаменательно, что пароход, на котором он вышел в море, носил имя «Иоанн Кронштадтский». В то же время Макаров составил записку морскому министру, в которой доказывал необходимость создания первого в мире океанского ледокола, с помощью которого можно было бы исследовать ледовые просторы Севера. Ответ министерства оказался отрицательным: Макарову было

отказано в содействии денежными средствами и готовыми судами, которыми «русский флот вовсе не так богат, чтобы жертвовать ими для ученых, и к тому же проблематичных, задач». Одним из противников строительства ледокольного судна стал адмирал А.А. Бирилев, известный своими вольностями в отношении православного богослужения.

С.О. Макаров на одном из заседаний Географического общества прочел лекцию «К Северному полюсу — напролом!». Он стремился заинтересовать своей идеей русских ученых и общественных деятелей, чтобы опереться на их поддержку. Лекция свою задачу выполнила — министр финансов С.Ю. Витте субсидировал проект, и 21 февраля 1899 г. ледокол «Ермак», построенный на английских верфях, вышел в море. Путь его лежал в Кронштадт.

Судя по всему, отец Иоанн был не только посвящен в эту драматическую историю, но и выказал свою духовную поддержку смелому начинанию Макарова. В дневнике вице-адмирала читаем: «Еще до моего отправления в Англию для приемки ледокола отец Иоанн Кронштадтский прислал мне благословение и образа Божией Матери и св. Феодосия. Образа эти установлены были на свои места при самой постройке ледокола». Ф.Ф. Врангель уточняет, что эти иконы находились в салоне 1-го класса и в каюте самого С.О. Макарова. О том, насколько важным для адмирала и всей команды ледокола был подарок отца Иоанна, мы можем судить по заметкам Степана Осиповича в книге «Рассуждения по вопросам морской тактики» (1897). «Дело духовной жизни корабля есть дело первостепенной важности, и каждый из служащих, начиная от адмирала и кончая матросом, имеет в нем долю участия», — пишет он.

4 марта 1899 г. «Ермак» достиг Кронштадта. А в ближайшее воскресенье — 7 марта, ледокол по своему личному желанию посетил отец Иоанн. Он отслужил на ледоколе молебен и прочел лично составленную им молитву: «... Ты, Премудрый и Преславный во всех делах, Господи, ныне новый и дивный путь льдами безмерными проходит устроил еси через сие судно, движимое огнем и силою пара, умудрив и на сие дело человека, созданного Тобою по образу Твоея безмерныя мудрости! Приими ныне от рабов Твоих, предстоящих зде Лицу Твоему и дивное плавание во льдах совершивших благополучно, кроме всякого вреда, благодарение всесердечное о милости Твоей, яко умудрил еси рабов Твоих и создати таковое судно, и препроводити доселе рукою твоею крепкою, яко Твоя есть держава, Твое царство и сила, и слава, и мудрость во всех во веки веков. Аминь». Эти слова восторженной хвалы и славословия Богу за мудрость и силу, которой Он одарил человека, говорят о том, что отцу Иоанну была известна вся серьезность и рискованность ситуации. В секретной записке на имя императора Николая II, подготовленной на случай гибели ледокола «Ермак»,

С.О. Макаров писал: «Вся ответственность, как за мою мысль, так и за ее исполнение лежат на мне одном; и если на “Ермаке” что-нибудь не сделано, то виноваты не те, которые сумели помешать, а я, который не сумел этого отворать». В связи с этим понятно, почему молитва отца Иоанна произвела на всех глубокое впечатление. Впоследствии она была выгравирована на киоте одной из икон, подаренных команде ледокола.

Высочайшим приказом от 6 декабря 1899 г. вице-адмирал С.О. Макаров был назначен главным командиром Кронштадтского порта. Одним из главных дел, за которое принялся новый «хозяин» города и порта, стало строительство Кронштадтского Морского Никольского собора. До 1841 г. кронштадтские моряки посещали церковь Богоявления Господня, построенную по указу Петра I от 1728 г. и освященную 24 мая 1731 года. Пришедшую за сто лет в ветхость церковь в октябре 1841 г. разобрали и лишь в 1861 г. была осуществлена закладка нового деревянного здания храма, освященного 23 сентября 1862 года и просуществовавшего до 1896 года. Это деревянное здание рассматривалось как временное, и 26 января 1849 года был высочайше утвержден комитет по постройке в Кронштадте новой каменной церкви Богоявления Господня. Однако дело строительства Морского храма затянулось почти на 50 лет. Наконец, в 1897г. был высочайше разрешен всероссийский сбор пожертвований на сооружение Морского собора в Кронштадте, который должен был стать местом молитвы для моряков и памятником славных деяний русского флота. Одновременно был объявлен конкурс на лучший проект нового храма. 10 мая 1897 года отец Иоанн напечатал в газете «Котлин» письмо-обращение к российским морякам и соотечественникам: «Возлюбленные братья-моряки и все православные соотечественники!

Живя в Кронштадте сорок два года, и во все это время, видя малость, скудость и ветхость Морского храма, — я снедался ревностью о нем и желанием просторного, прочного и благолепного храма, и ныне внес свою лепту на сооружение такового храма 700 руб. Благоволите и вы оказать свое посильное усердие к сооружению его».

Однако и в 1898 году давно ожидаемое строительство не началось: не оказалось удовлетворительного архитектурного проекта, из сметы морского министерства Государственным Советом был исключен кредит на постройку собора. Узнав об этом, отец Иоанн обратился с взволнованным письмом к вице-адмиралу В.П. Верховскому: «Из газет я узнал, что дело построения Морского Собора в Кронштадте отложено в долгий ящик, то есть до скончания или града сего, или и — самого века сего, близящегося к концу. Иначе понять не могу. Мы строим многомиллионные военные суда, казна отпустила 25 миллионов на укрепления Кронштадта; флотские силы обеспечены отличным содержанием; жилые помещения всех чинов морских отличаются простором и изяществом, чистотою и обилием

света, а морской храм, который должен бы быть славою флота и России и — свидетельством веры и благочестия русских победоносных воинов — видом своим похож на самую убогую сельскую Церковь, или — на деревянную коробку. Почти рядом с нею возвышают гордо верхи свои каменные лютеранские Церкви, а православная — морская Церковь стоит в постоянном принижении.

Не за это ли Господь принижает и наш флот, погружая наши военные суда на дно морское? Не оттого ли наши частые морские несчастия? Не оттого ли взлетел в дыму на воздух многомиллионный канатный завод среди бела дня, на виду всех? Мало ли еще нам уроков от Бога? — Нам, русским, стыдно показать иностранцам морскую святыню, разумею Церковь. Бог с вами, Господа! Доколе же это будет? Я, посторонний человек, со стороны примкнул к некоторым морякам, желающим благолепного храма, и положил начало, думая сколько-нибудь двинуть святое дело, — и неудача!»

Можно представить радость отца Иоанна, когда дело строительства Морского собора в Кронштадте, наконец, сдвинулось с мертвой точки. Вице-адмирал Макаров стал председателем Комитета по сбору пожертвований на строительство главной морской святыни, начались строительные работы: были посажены деревья в овраге, прилегающем к месту постройки, расчищено место под фундамент. С апреля 1901 года в личном дневнике вице-адмирала регулярно появляются записи о заседании комиссии по постройке Морского собора. Там же помещена заметка из газеты «Котлин» от 28 октября 1901 года об освящении начала работ по сооружению собора. Первого сентября 1902 года отец Иоанн в присутствии адмирала С.О.Макарова и многочисленных горожан совершил молебен на месте будущего храма. Даже уезжая в путешествие на родину, отец Иоанн в письмах не переставал интересоваться, как идут работы по сооружению собора. Восьмого мая 1903 года состоялось торжество по закладке храма, в котором участвовали император Николай II, главный командир Кронштадтского порта вице-адмирал Макаров и настоятель Кронштадтского Андреевского собора Иоанн Кронштадтский.

Ни С.О. Макаров, ни отец Иоанн не дожили до освящения главного храма Российского флота, но Морской Никольский собор стал достойным памятником им обоим. В наше время усилиями командования Военно-Морского Флота России предпринимаются меры по возрождению этой всероссийской святыни.

Газетные сообщения начала 1900-х годов постоянно рисуют вместе отца Иоанна и С.О. Макарова «во всех делах благочестия и благотворительности». Так, 12 августа 1900 г. отец Иоанн и Степан Осипович участвовали в проводах шести сестер милосердия, отправляющихся на Дальний восток на пароходе-лазарете «Царица». В том же 1900 году отец Иоанн служил молебствие по поводу возобновления церкви во имя преп. Иоанна Рыльского при гражданской тюрьме, на котором присутствовал военный губернатор Кронштадта.

Отец Иоанн неизменно поздравлял С.О. Макарова со всеми церковными праздниками, о чем свидетельствуют письма и записки батюшки, сохранившиеся вложенными в личный дневник вице-адмирала. Например, 8 апреля 1900 года отец Иоанн писал: «...Позвольте соборному причту придти в Ваш дом прославить Воскресшего и поздравить Вас и супругу с высокаторжественным Светлым праздником. Не благоугодно ли Вам, чтобы мы прибыли к Вам в одиннадцать часов, до полудня?»

Со своей стороны С.О. Макаров каждый год обязательно присутствовал на торжествах, посвященных Дню Ангела отца Иоанна (19 октября), и на юбилеях его священнического служения (12 декабря). Безусловно, каждый раз у него находились добрые и теплые слова о дорогом имениннике и юбиляре. Журнал «Миссионерское обозрение» в 1903 году напечатал слова, которыми вице-адмирал закончил свой тост за отца Иоанна, «молитвенника земли русской, проповедника и благотворителя»: «Счастливы вы, господа, что вы видите его (указывая на отца Иоанна)! Идите и скажите вашим родным и друзьям, что видели его, что он здоров, весел, любит нас бесконечно, ласков к нам». Громкое «ура» было ответом на этот тост С.О. Макарова.

В дневнике Степана Осиповича есть записи, говорящие о том, что отец Иоанн был частым гостем в его доме:

«1900. 19 февраля. Вечером была проба кинематографа у нас. Приехал отец Иоанн. Все время обеда скорбел, что не мог быть завтра. Приехал вечером смотреть кинематограф»;

«1900. 11 декабря. В 5 вечера прибыл Преосвященный Вениамин. Всенощная, а потом у нас обедали Владыка, отец Иоанн, отец Александр и архидиакон»;

«1901. 1 сентября. Приезд митрополита. Был у него в 6 часов вечера. Он, отец Иоанн и др. у нас затем ужинали».

В марте-апреле 1902 г. вице-адмирал Макаров тяжело заболел острым мышечным ревматизмом и не вставал с постели. В течение долгого времени у него держалась высокая температура, а боли в конечностях доходили до того, что он не мог передвигаться и делать записи в дневнике. Все доктора в один голос говорили, что шансов на выздоровление нет никаких. Но вот 25 марта Степана Осиповича посетил отец Иоанн. Под диктовку Макарова сын вице-адмирала записал в дневнике: «В 8 часов вечера внезапно прибыл отец Иоанн, застал Исаева. Семья была в сборе. Помолился Богу». По свидетельству очевидцев, батюшка положил руку на голову Степана Осиповича, «промолвил про себя молитву, продолжавшуюся меньше минуты, и дал поцеловать крест. Сказав — “Бог поможет!” — он вышел из кабинета». На следующее утро вице-адмирал встал и вышел к утреннему чаю. Окончательно состояние Макарова стало улучшаться с 12 апреля.

А 13 апреля, накануне Пасхи, отец Иоанн приветствовал семью Макаровых следующим письмом: «С живою радостью приветствую Вас со священной, предпасхальной ночью, желая Вам полной, невозмутимой радости о Воскресшем Спасителе мира. Степану Осиповичу желаю от всей души скоро совсем оправиться». По окончании Светлой Седмицы Макаров окончательно выздоровел.

Столь близкое знакомство и тесное общение двух выдающихся личностей позволяет нам провести некоторые параллели в их деятельности и даже говорить о духовном влиянии отца Иоанна на своего соратника и друга.

С.О. Макарова отличала личная скромность в сочетании с чувством уважения к деятельности других людей; готовность всю ответственность за неудачи брать на себя. Подобно тому, как отец Иоанн с самого начала своего священнического служения был озабочен судьбой кронштадтской бедноты, Макаров непрестанно думает о нижних чинах, о простых матросах и облегчении их службы. Его рапорты и приказы касаются всех сторон жизни подчиненных: питания и обмундирования, бытовых условий и досуга, и даже способа варки щей. Один из журналистов писал, что вице-адмирал Макаров «никогда не садился за стол, не испробовав пищу подчиненных».

Не функциональное, а личностное отношение к каждому человеку, — черта, которую отмечают все, кому довелось общаться с отцом Иоанном. То же внимание к любому человеку проявлялось и в деятельности Степана Осиповича Макарова. Оно просвечивает даже в скупых строках его приказов: «Командиры обязаны внушать своим подчиненным, что нравственный и служебный долг каждого офицера — неусыпно следить, чтобы при работах применялись необходимые предосторожности, дабы уменьшить число несчастных случаев, имеющих иногда печальный исход». Деятельная любовь к человеку — вот, что духовно сближало отца Иоанна Кронштадтского и С.О. Макарова.

9 февраля 1904 года вице-адмирал Макаров получил назначение командующим флотом в Тихом океане. В своем дневнике он писал: «Меня пошлют туда, когда дела наши станут совсем плохи... ..Меня посылают весьма срочно, и кто знает, что готовит судьба».

Сдав дела и обязанности главного командира Кронштадтского порта, он отправился в Порт-Артур. Сохранились воспоминания очевидцев о том, как происходило прощание отца Иоанна и С.О. Макарова: «О новом назначении и предполагаемом отъезде адмирала многие в Кронштадте еще накануне ничего не знали, да и не могли знать, потому что адмирал ночью вернулся из Царского Села, а ранним утром уже уехал. Как добрый верующий христианин, каких, благодарение Господу, немало среди морских офицеров, Степан Осипович в день отъезда пришел в Андреевский собор к ранней литургии, которую служил отец Иоанн, исповедался у него и за литургиею у него же причастился Христовых Тайн. Заметили, что во время литургии

отец Иоанн нечаянно уронил со Святого Престола Евангелие. После литургии адмирал подошел к отцу Иоанну проститься и принять от него благословение. Прощаясь с отъезжающим и благословляя его, отец Иоанн сказал: «Желаю тебе быть мужественным и получить венец!»

Слова отца Иоанна о «венце» оказались пророческими. 31 марта в 7 часов утра вице-адмирал Макаров на броненосце «Петропавловск» вышел в море, а спустя два с половиной часа корабль подорвался на mine. Из всего экипажа спаслось 7 офицеров и 52 матроса. Вице-адмирала Макарова среди них не оказалось.

Слух о гибели Степана Осиповича быстро дошел до Кронштадта. Узнав о гибели вице-адмирала, отец Иоанн написал письмо его супруге Капитолине Николаевне Макаровой. То живое чувство, которым дышит это письмо, свидетельствует о большой дружбе и горячей любви отца Иоанна к Степану Осиповичу и всей его семье:

«Не стало доброго, лучшего друга и спутника жизни... ..ныне пишу Вам эти строки, чтобы пролить хоть каплю утешения в Ваше сердце, истерзанное печалью по погибшем Степане Осиповиче. Он не погиб; а только представился в другой, лучший, вечный мир, в коем нет болезни, печали и воздыхания, нет более смерти, в коем вечно ликуют мученики и все за веру, Царя и Отечество живот свой положившие. Еще так недавно он с нами молился, прощался, как бы предчувствуя свою участь, свою всегдашнюю с нами разлуку. — О душа, в которой витало столько благородства, любви к Царю и Отечеству, любви ко Христу; столько прекрасных намерений!

Он и Морской собор заложил в Кронштадте, которого столь долго ждали и который быстро доведен им до половины. Вечная, вечная ему память! Он достиг тихого, вечного пристанища

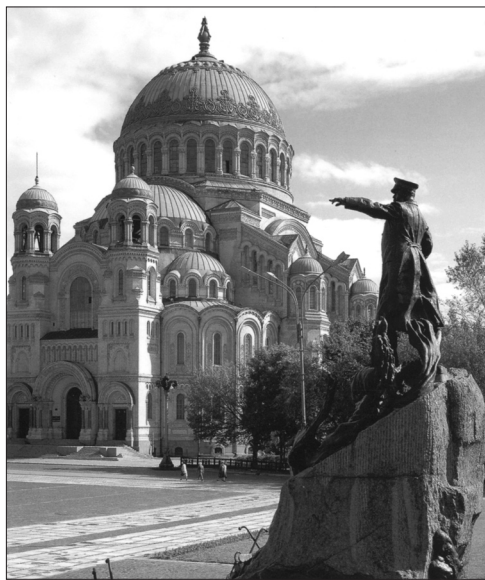
*Отец Иоанн Кронштадтский благославляет адмирала С.О. Макарова перед убытием на войну с Японией
(Фотография предоставлена
мемориальным домом-
музеем Иоанна Кронштадтского
в г. Кронштадте
и на Леушинском подворье)*

и не жалеет о здешней жизни, потому что вселился в лучшую и вечную. Утешься, добрая Капитолина Николаевна с милыми своими детками. Я вспоминаю ежедневно в молитвах Степана Осиповича.

*Христос Воскресе!
Ваш смиренный молитвенник.
Протоиерей Иоанн Сергеев.
5 апреля 1904».*

А накануне отец Иоанн получил известие, что на «Петропавловске» погиб также Павел Бурачек, его крестник и сын давнего и близкого друга.

На заупокойной литургии по всем, погибшим в Японском море, отец Иоанн сказал слово утешения и памяти: «...Итак, блаженны все,

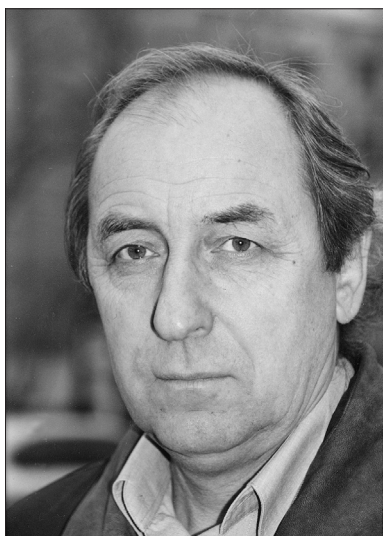
*Памятник адмиралу
С.О. Макарову. 1913,
Кронштадт,
скульптор Л.В. Шервуд*

скончавшиеся в море смертью мученической войны наши с начальниками своими: они теперь почивают от трудов своих, и вкушают блаженный, всерадостный покой в Боге, и видят то, чего очи не видят и видеть не могут до времени, — видят Господа, видят святых ангелов и всех святых и с ними торжествуют и ликуют. И тем тверже мы тому верим, что они скончались в светлый день Пасхи, когда Церковь празднует Воскресение Христа из мертвых и держит открытыми царские двери, показывая всем, что воскресший Христос Своим Крестом и Воскресением открыл вход в рай всем верным».

Совершенно неожиданным образом имена отца Иоанна Кронштадтского и С.О. Макарова оказались соединены еще раз, уже

после смерти обоих. В 1914 г. в газете «Котлин» была напечатана заметка «Кронштадт — Сергиев — Макаров». Автор статьи предлагал переименовать Кронштадт в «Сергиев-Макаров», тем самым, увековечив память «досточтимых своих сограждан — духовного отца своего и всей России о. Иоанна Сергиева и гениального адмирала Макарова». И хотя проект этот не был осуществлен, имена отца Иоанна и С.О. Макарова сохранились в памяти, как жителей Кронштадта, так и всех русских людей.

ПОЭЗИЯ

Геннадий ИВАНОВ

ОКРЕПНЕТ РОССИЯ СЫНАМИ

Геннадий Викторович Иванов — родился в 1950 году в г. Бежецке Тверской области. Окончил Литературный институт. Работал в издательствах. Автор десяти поэтических книг. О своей малой родине написал и издал трехтомник «Знаменитые и известные бежечане». Первый секретарь Союза писателей России. **Живет в Москве.**

ГЛЯДЯ НА ИКОНУ

Нет времени и нет пространства —
Христос распят
сейчас и за меня распят:
За празднословие мое,
за блуд, за пьянство...
Нет времени и нет пространства,
А есть Христа страдающего
Взгляд.

Когда я забывал об
этом взгляде, —
А забывал я часто в суете, —
То жил и в мерзости, и в подлости,
В распаде...
Без мысли о страдающем Христе.

И было хуже: мысль-то приходила
Порою среди мерзости моей,
Но некая во мне другая сила
Не позволяла укрепиться ей.

И вновь, и вновь я в
этом был распаде.
О, дай мне силы одолеть распад!
Напоминай
О страшном, жутком аде.
Не отводи
Страдающий Твой взгляд!

* * *

1.

— Русский народ не перейдешь вброд.
— Так было.
А теперь наш народ,
Погляди-ка, не тот.
Где сила?

2.

Нет зерна, кругом одна полова.
Где ты сильный, где ты гордый, росс?
Но я верю, что воскреснет снова
Родина, как солнце, как Христос!
Просияет для себя и мира.
Верю в это, утверждать берусь.
Это мне подсказывает лира,
Говорит: пиши так — и не трусь.

Держитесь, люди русские, держитесь!	Чтоб не грозили нам, не унижали,
Друг другу помогайте, не ленитесь.	Чтоб наконец-то мы соображали —
Нам надо выжить,	Кто друг, кто враг,
выстоять, подняться,	что в нас самих спасенье.
Чтоб никого на свете не бояться.	Тогда и будет наше Воскресенье!

В ТЕЛЕВИЗОРЕ. 90-Е

1. Он глядит глазами тусклыми, Пропаганды крупный спец, — Объясняет стаду русскому, Что империи конец.	У нас опять победа демократии. Но много слишком Трупов В этот раз.
И ему, конечно, весело. А то в раж войдет, грозя... Русофилов он повесил бы, Но пока еще нельзя.	3. Унынье — грех. Не лучше ли очнуться. И сколько ты в унынье ни тони, Но жизнь идет, И люди п о з н а ю т с я... И смотрит Бог острее в эти дни.
2. У нас опять — одни в тоске, в апатии, А у других идет победный пляс...	

В ДЕРЕВНЕ. 90-Е

1.

Здесь водку пьют — *течет из голенища*.
 Не знают меры, пьют, и пьют, и пьют...
 При питии таком да скудной пище,
 Да при тоске — здесь долго не живут.

А жаль. А жаль, что все тут оборвется.
 И так все глуше наша сторона.
 Последний кто-то здесь в сугроб воткнется —
 И — над пустыней — полетит весна...

2.

Золотые кусты над речкою,
 Золотое у речки дно...
 Все прекрасное. Все не вечное,
 Но прекрасное все равно.

И багряный огонь акации,
 И янтарный огонь травы...
 И деревня — опора нации,
 Исчезающая, увы.

3.

Отдохнуть бы родимой земле,
Возродить плодородье полей,
Но кругом перекошены лица,
Понуканья и окрики злей.

Поруганье идет, поруганье.
Беззастенчиво бьют по лицу.
Раззадорилося племя поганье:
«Все к концу на Руси,
Все к концу».

4.

...Но поют соловьи, зеленеет поляна.
Хоронить мою родину все-таки рано.
И вижюльки поют и звенят жаворонки.
После прошлой войны затянулись воронки...

Понемногу затянется бездна под нами.
Понемногу окрепнет Россия сынами.

* * *

Ты говоришь мне: дача, дача...
Но лишь на родине удача.
Но лишь на родине душа
Сама себе так хороша.

По ним бежит земная сила,
Бежит по телу жизни дрожь.
Здесь рифма просится — *могила*.
Я рифму принимаю, что ж.

Поедем, лапушка, в деревню.
Пойду гулять я по лугам.
Там корешки мои, коренья...
Там хорошо моим ногам.

В родной земле упокоенье
Милей, так думается мне.
Милей там будет воскресение —
В знакомой, милой стороне.

РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА

Помяни,
 поставь свечу — и этот
Огонек перенесется вмиг
В те края,
Где мать твоя с рассвета
Ожидает знак твой, этот блик...
Я не объясню такое чудо,
Только знаю:
 матушка глядит —
Не летит ли огонек отсюда?
Что же он
 так долго не летит?

Мальчик в храме

Мальчик в храме совсем не смущен
Ни торжественной службой, ни ликами,
И глядит непосредственно он
На Христа и на стражников с пиками.
То Распятьем большим увлечен,
То Распятьем серебряным маленьким...
Позади всех молящихся он
Ходит тихо в рубашке и в валенках.
Впереди где-то бабушка здесь
Повторяет молитвы заученно...
Мальчик, службой овеянный весь,
Тихо ходит и смотрит задумчиво.
Что-то будет с ним в жизни большой?
Дай-то Бог ему истинной ясности,
Пусть останется чистым душой,
Проходя все земные опасности.

* * *

О чем я думаю? Какую жду эпоху?
Ту, о которой старцы говорили,
Что после всех гонений и разрухи
Россия наша снова расцветет
Когда добро на чашах перевесит,
И явит милость Бог моей отчизне:
Страна воспрянет, духом открылится,
В Дивееве воскреснет Серафим.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

ПАСХА
ХРИСТОВА

фоторепортаж
Людмилы
Ивановой

ПОЭЗИЯ

Борис ОРЛОВ

БИТВА ЗА ВЕРУ

Борис Александрович Орлов — член Союза писателей России, капитан 1-го ранга, лауреат премий «Золотой кортик», имени К. Симонова, им. В. Пикуля, автор 15 книг стихов, председатель Правления Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. **Живет в Кронштадте.**

* * *

*Экипажу атомной
подводной лодки «Волгоград»*

Нам под волнами
шар земной послушен,
В реакторе беснуется уран.
Уходит от причала наша суша
И курс берет в открытый океан.

Подводников возвышенные лица...
Но где мы, неизвестно матерям.
Мы — часть России,
мы несем границу
Страны по океанам и морям.

То солнцем обожжен,
то вновь простужен
Над зыбкими волнами горизонт.
Для государства субмарина — суша,
Россия там,
где наш подводный флот.

НАШ КОРАБЛЬ

Россия, не зная курса,
Плывет себе наугад.
Как первый отсек — от «Курска»,
Оторван Калининград.

Не просвещен, не обучен
Вовремя наш экипаж.
И по борьбе за живучесть
Не проведен инструктаж.

Гибнем в подъездах и в штреках —
Страшен кровавый след.
Но «Осмотреться в отсеках!»
Сверху команды нет.

Взрывчатка, ножи и пули —
Топит Россию братва.
Словно винты, погнулись
Курильские острова.

* * *

В маршрутку влез —
три шкуры за багаж...
Как мачеха, земля моя родная.
Уже народ не тот, да и пейзаж
На родине такой, что не узнаешь.

Здесь жизнь светлась
 к суме или тюрьме,
И даже в путь последний —
 по билету.

Наверно, нужно жить
 в крошечной тьме,
Чтоб чистою душой
 тянуться к свету.

* * *

Юрию Шестакову

Битва за веру. Ручьями
Льется кровь... Шепот молитв.
Сотня монахов с мечами
В первой шеренге стоит.

В битвах не ведали страха.
Вижу сквозь отзвуки гроз
Черные рясы монахов —
Смотрит с хоругвий Христос.

Крепче и камня, и стали
Вера... Я верой клянусь!
Черною сотней назвали
Тех, кто сражался за Русь.

...В наших каютах и кельях
Молится Родина — мать.
В рясах и флотских шинелях
Нам за Россию стоять!

* * *

Отцу Анатолию (Денисову)

Вышло солнце — и тучи померкли.
Отдыхают луга от дождей.
Деревянная сельская церковь —
Дух Господен и души людей.

Всех усопших земля приютила —
Спят в ней прадеды, деды, отцы...
И звенит в русской церкви кадило,
Как на тракте звенят бубенцы.

Нет от Бога у сердца секрета.
Крест возвышен и низок поклон.
И блаженствуют в лучиках света
Гладиолусы возле икон.

Здесь в молитве встают на колени,
Повторяя святые слова.
В этой сельской округе священник
Ближе к людям, чем грешный глава.

* * *

Автандилу Бутхашвили

Жизнь в памяти и на телеэкране
чуть мельтешит.

Но кадры не равны.
И годы в прошлом тонут,
 как в тумане:
детали стерлись, контуры видны.

А наши судьбы —
 школьные тетрадки:
по клеткам все. Предчувствие вины.
Нам нравятся бывшие недостатки,
достоинства — наивны и скучны.

Спим будто бдим,
 а бдим почти как дремлем.
Мы — пленники
 прозрений и страстей,
зарыты в строчки хроник,
 словно в землю,
раздавлены катками новостей.

Устали от вождей и телеоргий,
но светит Вера в душах и веках.
Россию берегут Святой Георгий
и Божья Мать
 с Младенцем на руках.

Все уютно и степенно:
Богородица в углу,
Фотографии на стенах,
Лунный зайчик на полу.

Дремлет галстук. Дремлет блузка.
Дремлет кошка на окне.
То, что я родился русским,
Этот дом напомнил мне.

Мы думаем на разных языках:
Один — от бытия,
 другой — от быта.

Послушаешь — и кругом голова,
Взрываются сердца от перегрузки.
С телеэкранов русские слова
Звучат не по-людски
 и не по-русски.

К падшим состраданья и любви
Попрошу молитвою у Бога.

Завернется вечер в звездный плед
И туман повиснет над рекою.
Кто-нибудь помолится мне вслед,
Пожелав смиренья и покоя.

Ирине Сергеевой

дождутся, хотя не желают...
Накажет Господь и простит.
Молитвой к небесному раю,
указаны людям пути.

МОЛИТВА

И душу исцели мою, и плоть,
И подари мне мудрое смирение.
И долгою лет моих, Господь,
Тебя прославлю, обретя спасенье.

ПРОЗА

Александр БОЛОГОВ

НЕВЕДОМОЕ, НО СУЩЕЕ...

рассказы

Александр Александрович Бологов — родился 7 сентября 1932 года в городе Орле. Окончил Рижскую школу юнг, Ломоносовское мореходное училище, филологический факультет Ленинградского университета. Работал мотористом буксира, механиком на судах Вспомогательного флота, преподавателем в мореходной школе. В дальнейшем — учителем средней школы и редактором Псковского отделения «Лениздата». Секретарь правления и член приемной комиссии Союза писателей России. Первая книга вышла в свет в 1972 году. Лауреат премии Союза писателей РСФСР. **Живет в Пскове.**

Слова на снегу

— Это какой-то чокнутый, — сказала стоявшая у окна Тамара. — Как челнок: то туда двинется, то сюда... Нет, вы поглядите!..

С кровати медленно поднялась другая больная, Дарья Дементьевна; подошла к Тамаре, отодвинула штору подальше.

На пустой, всегда безлюдной прогалинке, примыкавшей к тыльной стороне больницы, в близких сумерках выделялась черная фигура человека. Накануне снова выпал снег. Тихий, чистый, он лег на пустырь как пух.

С темнотой, когда на обоих этажах включили свет, на снегу вспыхнула россыпь мерцающих блесков. «Видать, последний уже...» — сказала Дарья Дементьевна, тоже ходячая в их палате.

Человек в самом деле вел себя странно: пританцовывая, он двигался то в одну сторону — к больнице, то в другую — от нее.

Это место только минувшей осенью было очищено от зарослей и выровнено бульдозером, — видно, намечалось еще какое-то строительство.

Свет в палате был выключен, — это сделала Тамара, чтобы лучше видеть человека на улице. Но тут вошла медсестра Лариса и сразу же потянулась к выключателю.

— Что это вы без света сидите? — оглядела она больных. — А-а, смотрите? — Она опять щелкнула выключателем и пошла к Тамаре и Дарье Дементьевне. — Это Дроздов, муж Найденовой из четвертой палаты.

— Муж Найденовой? — отвернулась от стекла Тамара. — Дроздов?

— Да. — Лариса взглядела в темноту. — Она же детдомовская, подкидыш; там ей и фамилию дали, и имя — все. Она ее и сохраняет, то есть сохранила.

— Вот бес... — выдохнула Дарья Дементьевна в стекло. — А чего он там танцует-то? Пьяный, конечно...

— Ни чуточки. Он и не танцует... Вытаптывает...

— Чего-о?

На медсестру смотрели уже все четверо: и ходячие, и лежащие. Лариса отошла от окна, включила свет.

— Письмо вытаптывает, записку. Ногами по снегу. Уже второй раз...

— А она? — показала на дверь Тамара. — Все так же? Лариса кивнула, но добавила:

— Сегодня, правда, соку выпила... Каплю одну... И то после того, как ей сказали про мужнину надпись на снегу... Она сперва никак не могла сообразить, что ей говорят, а потом обрадовалась и глазами показала, что поняла, и голову повернула к окну. Подвиньте, шепчет, туда...

— Гос-споди!.. — перекрестилась Дарья Дементьевна.

Лариса продолжала:

— Подвиньте... Это же не каталка. У нее же, как и у вас, — кровать. А каталки в операционной. Кира Борисовна на обходе говорит ей: поешьте чего-нибудь, соков попейте.

— Правильно... — хрипло сказала одна из лежащих женщин. — Откуда силы-то ей взять?.. Сколько она уже не ест?

— Неделю... — Сестра ухватила штатив с пустыми капельницами, стоявший у кровати больной. — А сегодня — один сок. И то, я говорю, — каплю. Муж ей бульон куриный в термосе принес, передал, — так и стоит на тумбочке, даже не дотронулась.

Вынеся аппаратуру, медсестра вернулась в палату. Сама погасила свет и направилась к большому, чуть ли не во всю стену, окну.

— А вы-то разобрали, что Дроздов там натоптал, на снегу-то? — вглядываясь в полутьму, спросила всех.

В ответ скрипнули пружины кровати — снова поднялась Тамара, подошла к подоконнику. Человека на площадке уже не было. В желто-голубом мерцании поля на нем выделялись продавленные в снегу крупные буквы...

— «Нина, моя Нина...» — вслух прочитала Тамара.

В палате какое-то время молчали. Первой подала голос одна из лежащих, из района, — она даже приподнялась над подушкой:

— А сколько ей годов-то?

— Найденовой?

— Да.

— Двадцать семь...

— Двадцать семь? Всего?..

— Да какая разница!.. Бывает и моложе...

— И ей все хуже?

— В этом-то и дело. Организм у нее такой, что никакая химия не помогает. Не принимает он ее. На сто человек один такой организм. Может, и на тысячу...

— А что она сказала... когда узнала про эти слова, которые на снегу?.. Что-нибудь сказала?.. — медленно подбирая слова, спросила Мария, из района. К ней самой на свидание еще никто не приходил.

— Да я же объяснила: подвиньте, говорит, меня к окошку... А кровати-то в четвертой, как и у вас, как и у всех, без колес. Каталку прикажете

спускать с операционной? — Лариса занервничала. Чуть помолчав, добавила: — Прикрыла лицо простыней, и... и все...

В палате не поняли: сама Найденова нашла силы натянуть себе на голову простыню или это сделали сестра или врач...

А голос у Ларисы стал строже, — она уже жалела, что так разговаривала в этой палате. Хотя, конечно, уже и привыкла к некоторым тут, к примеру, к Тамаре, считай — сверстнице. Та и спросила последней:

— А дети у них есть?

— Нету у них. Не успели...

— Не успели... — повторила за сестрой со своей кровати Дарья Дементьевна. А потом приподнялась и ни с того ни с сего запричитала:

— А мои-то трое как останутся!?. Мужик и себя не обиходит... Все в рюмку глядит, бес!.. А без меня-то как?.. Ой, беда, беда...

Последние слова она проговорила глуше, как бы все глубже вникая в их суть... Только что Лариса отмучилась с ее венами — синими паутинками под бледной кожей, куда вводила прописанные препараты... Она обернулась к Дарье Дементьевне и, как Кира Борисовна, лечащий врач, ровным голосом проговорила:

— А что Вы-то паникуете? У Вас все идет нормально. Врач лучше знает...

Дарья Дементьевна молчала. Молчала и Тамара. Она сидела на своей кровати и, не мигая, смотрела на широкое окно напротив, за которым на свежем, нетронutom снегу горели странные, тайные буквы. В палате уже было тихо. Тамара опустила веки и увидела в розовой мути перед глазами яркие золотистые слова: «Нина, моя Нина»... Боже мой, Боже мой... Двадцать семь... Двадцать семь... Ей чуть больше... Чуть больше, чем Найденовой... Но ей никогда, ни разу не говорили такого, не говорили такими словами, таким голосом, который слышится ей из-за окна... Да, приходит Николай... Но — как не свой... Она же видит: каждая минута здесь ему тяжела, и не дорога, и не нужна...

...Ночью снова шел снег. Он падал неслышно, как легкая вата, и чистая полоса под окнами корпуса опять искрилась алмазами блесков. Свет далекого солнца едва пробивался сквозь тучи; и деревья близкой рощи словно замерли в ожидании тепла и перемен...

Как всегда после обхода, Лариса принесла стаканчики с таблетками и капельницы. Говорила на ходу, не оставляя дела.

— А вы знаете, Найденовой стало лучше...

— Есть стала? Позавтракала?

Сестра не обернулась на голос Дарьи Дементьевны — вводила иглу в вену другой больной, — но кивнула. Тут же, взясь с каплемером, уточнила:

— Нет, это еще нет... Только соку попила... Ма-аленькую чашечку. Фарфоровую. Муж ей передал. Ее любимая, говорит. Она и правда, даже в руках ее долго держала, гладила.

— А кто она? Какая у нее профессия? — спросила вставшая с кровати Тамара.

— Учительница, — сказала Лариса. — Из ее школы тоже уже приходили. И учителя, и ребята. Сейчас-то карантин, никого не пускают. Даже двери на ключи закрыли.

В палате это знали. Уже больше недели как в городе объявили об эпидемии гриппа. Первое время и работники больницы носили марлевые маски. С каждым днем, правда, людей в повязках становилось все меньше.

— А Дроздов стучался, — делала свое дело и говорила Лариса. — Он и по телефону просил, чтобы его впускали к жене, как к тяжелой. Просто требовал и все...

— Во как...

— Да. — Сестра поглядела на окно. — А как его пускать? А если занесет сюда этот вирус? Он, вообще, этот вирус, новый; еще неизвестно, чем от него лечиться.

Когда они с Тамарой подошли к задернутым занавескам и откинули их, обе умолкли: они увидели на снегу те же, что и накануне, буквы: «Нина, моя Нина»...

— Ты гляди, не занесло... — прошептала Тамара и наклонилась, прикинула лбом к холодному стеклу. — Снегом-то не занесло...

Лариса пристально взгляделась в надпись и тут же потрянула головой, как бы освобождаясь от наваждения:

— Да это он уже сегодня успел! Утром, до работы. Когда снег уже перестал. Старые буквы были прямей, вот так шли... Ты же видела? — Она даже показала рукой их направление.

— Да... Да... — подтвердила Тамара.

— ...Опять выпила немного соку, — рассказала своим Тамара, выходя из палаты на другой день в коридор. — Чуть-чуть, конечно... Сперва ее вырвало, а потом все же попила.

— А как сама-то она теперь? Небось, прости Господи, кожа да рожа? — не отворачиваясь от стенки, спросила Дарья Дементьевна.

— Да я заглянула-то туда — как бы время спросить. А они мне тоже на окно показывают: знаешь ли, мол, про чудака-то, что слова топчет на поляне? Я киваю: знаем, мол, знаем.

Заскрипела кровать, Дарья Дементьевна повернулась к Тамаре.

— Так как сама-то она? Найденова-то? — повторила свое.

Тамара пожала плечами:

— А я ее и не видела, — она с головой закрыта. Простыней.

— Как? Лицом вверх?

— Нет, она на боку лежит, спит. Ее соседка даже руку подложила себе под щеку и показала глазами: спит, мол, спит...

— Ох-хо-хо!.. — вздохнула Дарья Дементьевна. Потом посмотрела на окно:

— А там-то как? Видно, что написано? Хорошо заметно?

Тамара уже с утра подходила к оконной стене, всматривалась в сумеречное утро, ища на заснеженном газоне слова, кольнувшие в сердце. Она и в четвертой палате, когда ее спросили о продавленных в снегу словах, кивнула головой, а тут, у себя, опять пошла к занавескам и, отведя их, пошевелила губами — повторила написанное...

— Ей, вроде, правда стало лучше, — сказала тем, кто был за спиной. А потом подалась к стеклу и беспокойно добавила: — Ой! Неужели опять снег пошел?.. Опять пошел...

А утром, еще до обхода — толкало какое-то любопытство, — Тамара босиком подбежала к подоконнику. Свет уже горел и в палатах обоих

этажей, и в ординаторской, и в процедурной... Так подумалось, когда она увидела покрытую свежим снегом площадку, освещенную желтым светом больничных окон.

Бросив общий взгляд на поляну, Тамара даже не успела остановить его на близкой полосе, как в палату, задев штативом дверной косяк, вошла Лариса. Молча, без обычного приветствия, оставив его посреди палаты, она вышла за капельницами. Зашевелились больные, заскрипели кровати. Тамара вернулась на свое место. «Здравствуйте!..» — запоздало произнесла вновь появившаяся в дверях Лариса и поманила ее к оконному проему.

— Опять снег все покрыл, — сказала Тамара.

А Лариса нагнула голову и всмотрелась в освещенный край белого покрова.

— Она сегодня умерла... — сказала Тамаре.

— Найденова!? — Тамара сразу поняла, отчего самый край площадки, вблизи здания, был темнее поля. Там опять, по свежему снегу, шли слова...

Она приблизила лицо к стеклу и разглядела на снегу все те же полосы: «Нина, моя Нина»...

— Ему звонили рано утром, но его уже не было дома. Может, сюда шел... — сказала Лариса.

— Он нормальный? — почти шепотом спросила Тамара.

...Через несколько дней медсестра принесла в четвертую палату еще одну новость. Дроздова застали на кладбище, где он ночью, один, пытался по-своему обкопать могилу жены. Когда сторож и милиция спрашивали его, зачем он срывает весь холм, он бормотал одно: «Хотел поправить...» — «Что поправить?» — допытывались и сторож, и милиционер. «Все поправить...» — повторял Дроздов. Его оставили в покое.

А в милиции даже вспомнили случай, когда один такой же, как Дроздов, вообще разрыл могилу жены, чтобы, как он объяснял, еще раз посмотреть на нее. Чувствовалось, что он боялся, что жену его живой, заснувшей, похоронили...

«Что-то еще...»

К лесной стороне кладбище двинулось недавно: старую стену, что отгородила живое поле от мертвого, оно проросло незаметно. Думалось, отодвинут со временем и каменную ограду, — охватят часть ближнего пустыря, и все: и дальним потомкам места хватит. Стена высокая, крепкая: известняка вокруг — все толщи земные, и закрайку кладбища долго будут обживать усопшие.

Но то ли время быстрее побежало, то ли еще что стряслось на свете, но пустырь за старым косогором так быстро порос печальными бугорками свежих могил, что об ограждении его стеной и говорить перестали.

Петру Сокову, когда он предъявил кладбищенскому начальству похоронные бумаги, определили место на самом краю кладбища, — дальше уже начинался подлесок с корявыми березками и зарослями ивняка.

Соков хоронил своего младшего брата, могилу для него копали дважды. Дело было осенью, в дождливый день, вырытая могила частью заполнилась водой. Могильщики тоже люди: они сами, обговорив дело с комендантом, позвонили Сокову и предупредили, что место упокоения его брата будет

чуть ближе к лесу, на возвышении. «Все равно ведь...» — сказал в трубку старший. «Конечно», — согласился Петр и съездил на кладбище, чтобы точно увидеть, куда надо будет подъезжать катафалку.

Брат долго болел, с возвращения из армии; оттого и не устроился как следует в жизни — кочевал с работы на работу, не нравились ему новые порядки вокруг. Да и специальности выгодной по времени не имел, не успел приобрести — забрили сразу после школы, а учиться дальше не захотел. Это, как увидел старший брат, и сбило у Сергея прицел жизни, и в конце концов скосило, как жаткой зеленый колос...

И на отпевании в церкви, и у могилы, когда пришли минуты прощания, все, кто был, шевелили губами: «Как подросток, жить бы да жить...» Лицо Сергея, хоть и осунулось в болезни, гляделось не по годам юным и светлым.

С первым стуком земли, глухо павшей на опущенный в яму гроб, из-за леса вынесся двукрылый самолет. Они тут летали, — недалеко была десантная часть. Но этот... Показалось, что с ним что-то случилось: так низко в стороне от аэродромов не летают... Но самолет, ревя мотором, сделал круг над свежими могилами пригорка, потом второй, третий и, покачав крыльями, скрылся за верхушками лесных сосен.

— Это летчику, его товарищи добились, — сказал один из могильщиков, кивая головой в сторону группы людей в недалеком соседстве. — Вон, хоронят. Командиром эскадрильи в войну был, орденов много. Ветеран. В газете, говорят, есть о нем...

Могильщик говорил твердо, — видно, знал, о чем сообщает.

«Какие молодцы, какие молодцы, — как в небо зовут... Там его жизнь текла, там воевал он за нее...» — последил за гудящим самолетом Соков. Еще какие-то горячие мысли высклились в голове, а одна отсеклась, — даже сердцу стало тепло: «И Сережке с неба дают салют... Ангелы его...»

Петр слушал, как тяжело падает в могилу песок с лопат могильщиков. Когда закончили дело и помянули покойного, он не пошел со всеми, — направился в лес. Там выкопал две рябинки, — для этого и лопатку складную захватил из дому, — и посадил по сторонам поднявшегося над ямой холмика, за деревянным крестом с приложенными к нему венками.

Долго какая-то неясная вина перед братом держала Петра возле могилы, — до тех пор, пока не стало смеркаться. Тогда уже, когда сузилось во взгляде поле погребенных и приумолк шум окружающей жизни, в одиночку, как и хотел, Петр двинулся к дороге в город. Отошел он немного: на торной, петляющей между редкими еще оградками тропе пропустил мимо двух женщин. Одна из них, постарше, несла под мышкой маленький, завернутый в материю гробик, — держала его обеими руками. Женщины — Петр оглядывался им вслед не раз — остановились на краю участка, — показалось, что около Сережиной могилы. «Последний ряд...» — прошла тихая мысль. Тут же что-то и укололо душу: «Какую же кроху несут... Родилась — и в землю?.. Свет ли белый видела?..»

Соков оглянулся в последний раз: женщины стояли на месте...

На второй день, придя на кладбище, Петр с удивлением увидел, что возле свежей, еще как бы не устоявшейся на собственной земле могилы брата вырос еще один холмик — чуточный, но, как и могила Сергея, ровненько примятый со всех сторон. И был он гол, как пустая земля, — без цветов и венков, без креста-охранителя в ногах. Правда, крест — скорей всего рукой, пальцами, — был промят на верхней части могилки.

«Ну, как же так они?.. — растеклось что-то горькое в душе Петра. — Впритык, вплотную... Ну, как же так...» Соков даже оглянулся на тропинку, где накануне столкнулся с двумя тихими женщинами, даже как бы увидел их в подсознании — безмолвных, в темной не запомнившейся одежде. «Куда закопали... Есть же у края места... Нет же... Может, и без плана хоронили, без заявки?.. И одна рябинка вот вместо креста оказалась...»

Первое время Соков приезжал на кладбище часто, — словно находилось дело. Сперва, разворошив тронутые изморозью цветы, вырыв ямку посреди могилы, ставил в нее купленную в часовне свечку, зажигал ее, что-то проборматывал вполголоса. Потом поправлял, что можно было: трогал крест, ровнял прислоненные к нему венки, перебирал увядающие цветы. Видел, что рябинки его приживаются, и та, что стояла у присоседевшегося холмика, была сильнее, листья держала крепче. Ему советовали сразу же обнести могилу брата колышками, если уж думает об оградке, что он и сделал; он даже натянул на них веревку, шпагат, — получилась четкая, отдельная площадка — свой островок среди других. Но вот тут, при разметке, и занялась досада: как же пойдет боковая сторона оградки, если шпагат повис над самым детским холмиком? А отвести ее ближе к братовой могиле — уже некуда, уже по венкам пойдет...

«Вот народ, вот турки!..» — бормотал Соков, поминая женщин в черном, что похоронили своего младенца так близко от Сережиной могилы... Правда, до этого, когда он подошел к ней и увидел с наружного боку ее чьи-то следы — кто-то уже проходил этим местом, — он поправил холмик, разровнял землю.

Дома, прикидывая на тетрадном листке план оградки, Петр так и не решил, как поставить ее. Получалось, что младенца похоронили просто без выделенного участка, — зачем бы иначе так плотно лепить одну могилу к другой?

...Зимой, когда намело много снега и из-под него остались видны лишь кресты да черные стоячие плиты, Соков обнаружил, что тропка, пробитая к окоему кладбища в рыхлом покрывале, опять пошла возле рябинки, прямо по малой могилке, которой и видно-то уже не было. Вообще-то, мимо не пройти было иначе, соседний сугроб подпирал. Это и сначала было видно, что так и будет, получится.

Но и осенью — и в желтую сушь, и в слякоть — ни разу не видел Сомов кого-либо у маленькой могилки. Издали однажды заметил темную фигуру возле Сергеевых деревцев, заспешил туда, но, подойдя ближе, увидел, что ошибся: не у их могилы горевала чья-то мать-старушка, не у их... Тогда уже он решил, какую оградку будет заказывать в похоронной мастерской. И тогда же положил на малый холмик завернутую в полиэтиленовый мешочек записку, прижал ее камнем. В записке всего несколько слов: «Отзовитесь, чья могилка...» И адрес свой приписал, и телефон. Никто не отозвался...

...А весной, когда все подсохло и рабочие из «Ритуальных услуг» привезли загородку, Петр Соков уже знал, как расположить ее. Установщики, сгрузив металл, оглядели место и, увидев, что и большая, и малая могилы, свободные от прелых цветов, одинаково обкопаны и прибраны, все же спросили, показывая на малую: «Эта ведь тоже ваша?» — «Угу...» — кивнул головой Соков и, очищая голос, кашлянул: «Рябинки я пересажу... За оградку...» — «Ну...» — согласился мастера. Делали они свое дело быстро и умело, Сокову понравилось. Даже приплатил им немного.

Скоро стало ясно, что вынесенные за оградку рябинки прижились как надо: ветки их поправились, почки набухли. На малой могилке Петр поставил сделанный им самим деревянный крест; на братовой стоял похоронный. И на том, и на другом в верхнем перекрестье укрепил дощечки: на Сергеевом — с указанием имени и лет жизни, на другом — пустую, чистую.

Первое время вместе с Петром на кладбище ездила и жена, Валентина, в общем-то не одобрявшая эти походы, — видела, как томится муж от неизбыточной горечи. Было раз, что даже попеняла ему, что — и надо, и не надо — ездит, тянет себе нервы, и так ослабелые. В руки, дескать, надо себя взять...

Жалела потом. Что же толкнуло-то на эти слова? Сама ведь, чуть закроет на сон глаза, а перед ними — его, Петровы — покраснелые, отчаянные, полные скрытых слез и вины: не сумел, не уберег самое дорогое — братову душу — добрую, да ломкую... И мать умирала — о ней, о душе, так говорила...

...Малой могилы и за долгое время так и не коснулась ничья другая рука. Прозрачный мешочек с запиской теребили ветры; укрывали, чередуясь, листья да снег; трогали в надежде бродячие собаки... А Петр, будто голос какой шептал ему: «Делай как знаешь...» — приходя сюда, всякий раз опускал руки на обе могилы и чувствовал, как явственно греет их обе еле ощутимое тепло. Сердце его замирало, пытаясь уловить в этом тепле что-то еще, что-то еще — неведомое, но сущее...

В середине осени

Молчаливая, невысокая, с круглым гладким лицом, она в первый день не вызвала у Минаева какого-то особого интереса. «Может, мне выйти?» — спросил он, понимая, что вроде бы мешает убирать комнату, но она пожала плечами. И все же он вышел.

Коридор был общий, на три комнаты, с заворотом на кухню. У стен стояли шкаф, узкий старый буфет, мусорные ведра. У первой от входа двери было свободней; с вешалки, прибитой вплотную к косяку, свисала заносенная куртка, как бы подтверждавшая, что и здесь — живут.

Галина выходила менять воду. Торопливо прошла мимо, обдав теплым духом:

— Уже скоро, потерпите.

Он не отозвался, не знал, что говорить. Уже в комнате — прибранной, влажно пахнувшей — сказал:

— Я бы и сам мог это делать.

— Еще не хватало, — ответила Галина. Она стояла за его спиной, причесывалась.

— А что? Я это умею. — Взгляд Минаева остановился у порога. Там, на полу возле двери, заметно выделялось темное пятно.

— Это не отмоешь, — посмотрела на пятно и хозяйка, — это краска такая. Разве что соскоблить как-нибудь. Буду ремонт делать, тогда уж попробую.

Приведя себя в порядок, Галина ушла. Минаев видел, как она коротко, но внимательно оглядела себя в зеркало. Оставшись один, он и сам подошел к нему, посмотрел на себя в отражении... Потом закрыл глаза, и в зыбком мареве перед ними выплыло другое лицо — хозяйки. Ровный овал, круглые

же, черные глаза, плотным венцом темные волосы. Лицо строгое, невеселое. Оно, как световой отпечаток, появилось и тут же истаяло.

Минаев снял комнату на полтора месяца, на всю командировку в эту несчастную Москву, которая незаметно и быстро из чистой и сильной превратилась в загаженную и больную. Давно ли встречал его светлый вокзал и бодрый голос в утреннем воздухе, приглашавший осмотреть красавицу столицу? Давно ли, выкраивая время, торопился он все успеть: и в музей какой-нибудь сходить, и на стадион, а то и в уличном кафе посидеть, наблюдая за текущим мимо людским потоком.

— Я буду приходить сразу после работы, поздно боюсь, — сказала Галина. — Поздно теперь никто нормальный не ходит.

Почти все вещи в комнате были старые, как из другого времени, и не оставляло чувство, что она долго была нежилой и вот только теперь здесь снова появились люди.

Галина объяснила, что здесь жила ее бабушка, одинокий человек. Бабушка и оставила ей комнату, прописав к себе как участница войны, нуждающаяся в родственной помощи. Но вообще была крепкой, до последнего часа была на ногах и ума не потеряла.

В следующий раз Галина пришла в выходной.

— Не поехала на дачу, там уже и делать нечего, — сказала, как бы оправдываясь, и принялась за уборку. Работала она быстро, приятно было смотреть. Подняла на диван стулья, собрала половик, отодвинула этажерку. В тазу мыла тряпку, которой протирала стол, подоконник; для половой вода была в ведре.

Минаев не ушел в коридор, а выбрал себе место у окна, где уже потрудилась хозяйка. Стоял, смотрел, как ловко делает она свое дело, поправляя изредка одежду, сдувая со лба упавшие волосы. Попытался помочь, когда Галина сдвигала этажерку, но она как бы выразила недовольство:

— Да ну зачем вы, Господи! Я сама...

А этажерка была тяжелой, с мраморными полками; он уже не раз трогал их рукой, собираясь при случае спросить, как она, а с нею буфет и овальное зеркало на стене, оказались в этой комнате. Буфет темно-орехового цвета, с точеными опорами, с резными дверцами и карнизом, занимал чуть не треть комнаты, закрывая от стены до стены всю ее глухую часть.

— Тоже наследство? — спросил он, когда Галина закончила уборку и — умытая, со спокойным дыханием — причесывалась у зеркала.

— Тоже.

Она не торопилась, как в предыдущие дни. Приведя себя в порядок, остановилась посреди комнаты, показала рукой на буфет:

— Вы не стесняйтесь. Там есть посуда, можете брать, что нужно. И на кухне я показывала, все, что в моем столе.

— Спасибо, — отозвался Минаев, думая о другом. Он смотрел на буфет. — Интересная штука. Это же еще, наверно, прошлый век, еще до революции сделан.

— До революции, — кивнула Галина. Ее лицо еще говорило о внутреннем жаре, яблочно розовели заметные скулы. Выделялись на лице черные скобочки бровей и такие же глаза. Кожа была чистой, как у ребенка; косметика словно была смыта недавним умыванием.

Минаев даже улыбнулся, снова подумав об этом; подумал и о том, сколько же лет ей: тридцать, чуть больше?

Когда он показал на диван: «Посидите, еще ведь рано», — она присела, и он как бы продолжил разговор:

— Так ваша бабушка из богатых людей? — Он показал на старую фотографию на стене. — Это она?

— Это ее мама, моя прабабушка.

На карточке в темной широкой рамке вокруг пожилой дородной женщины стояли и сидели дети — много, больше десятка. Подростки стояли за высокой спинкой кресла, взяв друг друга за руки, малыши сидели вокруг.

— А вот мой отец, — Галина поднялась и подошла к фотографии, — вот он.

Человечек, на которого она указывала, был лет пяти; в белой матроске, курчавый, с плотными пуговками глаз. Он сидел у ног бабушки, откинув руку на складку ее широкой пышной юбки.

— Это все только внуки, — сказала Галина, когда они отошли от стены и сели.

— Ничего себе, — покачал головой Минаев. Он смотрел на хозяйку, которая, как ему показалось, не только ничуть не напрашивалась на разговоры или вообще на какие-нибудь контакты, но и уходила до сих пор от них, и жалел, что нет у него сейчас бутылки вина. А соберешься сходить, Галина, безусловно, улетучится.

А она вдруг стала рассказывать о своей бабушке.

Вся эта квартира, и вторая половина ее, отсеченная после революции каменной закладкой со стороны черного хода, принадлежала одной семье. Глава ее, прадед Галины, был купцом, и лавка его находилась в этом же доме, на первом этаже. Время раскидало всю семью, квартира была заселена другими жильцами, семье прежнего владельца оставили две комнаты, одну из которых позже тоже отобрали.

— Вот эта одна и осталась, — обвела взглядом комнату Галина. — Бабушка и доживала в ней. У нее были хорошие гены, до глубокой старости дожила, несмотря ни на что.

— А что такое?

— Да нет, я говорю — жизнь у нее такая была. Отца убили, братья погибли, своей смертью почти никто не умер. А все равно не ныла и никого не ругала, никогда такой не была.

В дверь постучали; не сходя с места, Галина крикнула:

— Да!

Но стук повторился, и она поднялась, открыла дверь. За нею стояла соседка — худощавая женщина, почти старуха. Она прострелила взглядом комнату, увидела Минаева и отступила в коридор. Там стала говорить что-то вполголоса Галине. Когда та вернулась, Минаев увидел, что лицо хозяйки изменилось.

— Что такое? — спросил он. — Речь не обо мне?

— Нет, — посмотрела на него Галина и в первый раз, кажется, смягчила взгляд. — А вообще-то, о вас. Вещи, говорит, вы ее берете, посуду. Не на том месте, говорит, чайник стоит. Я же вам сказала, не подходите к ее столу.

— Я и не подходил.

— Значит, Илья. От комнаты у него ключа нет, а в квартиру заходит — ей звонит. Она открывает, он и шляется — в туалет, по кухне. Ред-

ко, но заявляется. Она деньги ему дает. Я ей говорила не давать, а она все равно. Знаю я. Попросит сходить купить что-нибудь и расплачивается.

— Ну и правильно, чего тут плохого?

— А-а... Вам рассказать, так... — Галина вздохнула и поднялась.

— Посидите еще, — Минаев тоже поднялся, засунул руки в карманы. — Еще ведь не поздно.

— Нет-нет. Надо идти.

Минаев и за эти короткие встречи увидел, что хозяйка его что говорит, то и делает, и пожал плечами. И Галина ушла. Ушла, оставив после себя какой-то невидимый след. Будто еще шуршали ее шаги, в ушах звучал голос...

Осень выдалась неровной. В середине нее день-два солнце сушило землю, грело стены и крыши, но вновь налетал ветер, разметывал листву, нагонял тучи, и мостовые покрывались грязными язвами луж. Но холод и тревога в лицах людей передавали больше не это ненастье — осыпались листья веры и надежды.

Минаева не особенно трогали внезапные перемены в жизни, выросшие на неведомых дрожжах; однако то, что он читал в газетах и слышал по телевизору, вызывало в душе непонятное удовлетворение, как бы утоление застарелой жажды, с которой, с другой стороны, вроде бы и давно смирился. «Так вам и надо, так вам и надо», — с легкой мстительностью за постоянную неуютность в душе как бы говорил он кому-то, кого считал виноватым в утеснении своей не очень крепкой воли. Скандалы в большой политике его мало волновали — все это было как-то далеко и неправдоподобно и его, в общем-то, не касалось. Чего он, при всем своем относительно равнодушии, все-таки и не принимал — так это иностранных букв на вывесках и телевизионной рекламы зарубежной мелочевки: жвачки, женских тампонов или парфюмерии. «Ну, придурки! Ну, придурки!» — повторял всякий раз, пока с экрана не исчезали опостылевшие картинки.

На неделе Минаев дважды столкнулся со старухой соседкой. Один раз в коридоре, когда в дождь вошел с улицы и протопал в грязных ботинках к своей двери. Старая не уходила, смотрела, как он, сняв с головы спортивную шапочку, роется в кармане, ищет ключ. Потом проговорила:

— Там же тряпка лежит.

— Серьезно? — Это просто вырвалось. Минаев уже вытер ноги об эту тряпку у входа, и старуха должна была это видеть.

На том их беседа и закончилась. Во второй раз она пришла на кухню, когда он грел чай. Потопталась у своего стола и, когда он уже взялся за чайник, спросила:

— Вы Галине платите или так живете?

— То есть как — так? — Минаев даже не сразу сообразил, что вопрос с подкладкой.

— А без денег. Или платите? У нее тут жил один — не платил.

— Да?

— Да-а. Не платил. Я у него спрашивала. На других условиях жил. Он молодой, она молодая...

— А я старый, — сказал Минаев. — Хотите зубы покажу?

— Да вы что!.. — Соседке не понравилась его выходка, но она продолжала:

— У нее ведь своя комната под Москвой. А эту что — так и будет сдавать? Бабка умерла, а она теперь будет сдавать? Еще каких-нибудь чучмечков пустит!

Минаев молчал. Он мало говорил и в очередную субботу. Смотрел, как Галина спокойно и быстро, не отвлекаясь ни на секунду, делает уборку, поднимает и опускает стулья, протирает пол и... любовался. Горький осадок от разговора с бабушкой забылся при первом же слове Галины: «Здравствуйте...».

В углу подоконника уже стояли в запасе бутылка вина и пакеты с закуской.

— Лучше поздно, чем никогда, — сказал Минаев, когда Галина закончила дела, и выставил на стол бутылку и пакеты.

— Это то есть что же? — посмотрела на них Галина.

— А то, что пора, так сказать, отметить наше вот это... — он повел руками вокруг. — Без этого нельзя, без этого вообще не положено.

Галина молча смотрела, как он откупорил бутылку, стал разворачивать свертки. Тут встала и достала из буфета маленькие тарелки, поставила на стол. Минаев оживился:

— Прошу, — показал он на стул. — Ты же не пьешь водку? — Он еще с прошлого раза стал называть ее на «ты» — дескать, возраст позволяет.

Галина покачала головой и, сощурившись, посмотрела на него. А он продолжил:

— Я же спросил прошлый раз: любите водочку? Нет, так вот — вино.

Да, да, было такое, он спросил — неожиданно, просто ни с того, ни с сего, и она сморщилась:

— Не люблю.

И все как бы встало на свое место.

Стол был круглый, и они сидели вроде бы и рядом, но и напротив друг друга. Минаев наполнил рюмки.

— Ну, давай. Чтоб все было нормально, все хорошо. За тебя...

Галина улыбнулась:

— Зачем за одну меня? В честь чего же?

Минаев поднял брови:

— Ну, давай за нас, за обоих. Пусть у обоих будет все хорошо.

Она выпила не все, и он, мягко отстранив ладонь, которой Галина прикрыла рюмку, подлил вина.

— Так нельзя, так вообще не положено, — подвинул он рюмку к хозяйке. — Особенно вот за этот тост.

Он поглядел ей в глаза:

— За радость и счастье, за молодость и любовь!..

— Ой — ничего нет, — усмехнулась Галина, но выпила. Свела брови, потянулась за ломтиком сыра.

— Как ничего? Быть такого не может, — помог ей, подвинул тарелку Минаев. — Радости нет?

Галина покачала головой.

— Ну, молодость... Она смотрела и молчала, Минаев не сдавался:

— Любовь, в конце концов! Любви все возрасты покорны...

Она ничего не успела сказать, повернулась на стук в дверь. И Минаев обернулся, поднял шутливо кулак. И тут же приложил к губам палец.

— Да ну, Господи...

Уже вставая, Галина усилила голос:

— Да!..

Стучала, конечно, соседка. Она опять успела разглядеть в комнате постельца и, видимо, стол с бутылкой и закусками. Шепот ее долетел в щель закрываемой двери.

Галина возвратилась с мокрыми глазами; постояла у двери, закрыв рукой рот.

— Что еще? — подошел, взял за локоть Минаев. — Ну-ка сядь. — Он усадил ее на место и тут же налил вина. — Выпей. Так что такое?

Рука у нее дрожала.

— Сын вчера приходил, — сказала, пригубив вина. — Может, даже в школе не был.

— Бывает, — попробовал успокоить и отвлечь ее Минаев. — В каком он классе?

— В восьмом.

— О-о!

— Что о-о? Он принес сюда презерватив. Соседка в ведре нашла.

— Ты смотри... В ведре?

— В мусорном. Стала выбрасывать что-то и наткнулась.

После короткого молчания Минаев хватился:

— Может, это не он?

Галина вздохнула:

— Он.

Потом остановила на Минаеве немигающие глаза, помедлила.

— Кому еще здесь?

Он подвинул тарелку, тронул еще что-то на столе, выпрямился. Хотелось протянуть руку и погладить голову Галины, коснуться чистого спокойного лица. Сделать это с единственным желанием — утешить. Но руке не хватило твердости, Минаев лишь произнес:

— Знаешь что? Не придавай значения. Это же пацаны. Один принес, второй — дай посмотреть, и пошло. Любопытство. В этом возрасте — это как контрразведка: где запрещено, там и жди, и ничего не спрячешь.

— Причем здесь прятать, они сами все покупают. Насмотрятся порнухи — надо попробовать. У них одна девчонка уже в вытрезвителе побывала. Просто жуть какая-то...

— У тебя ведь один сын?

— Один.

— Мало.

— Дура была — троих хотела.

Троих, Боже мой, подумать только! И обязательно дочку. И мечталось — чтобы она была первой, чтобы выросла и стала помощницей, то есть чтобы сразу учить ее всему нужному в жизни. «Сперва няньку, потом Ваньку», — говорила бабушка, когда заходил об этом разговор.

— Нас-то трое, я и два брата, вот и бабушка считала, чтобы и у меня было трое. Зацапкаешь одного, говорила все время, вырастет эгоистом. Да и не в этом дело. Мне с ним одним знаете, как? Знаете, что я могу сейчас на свою зарплату? Только питаться, ничего больше.

Галина смотрела на стол, где в старых тарелках лежали ветчина, сыр, апельсины. Чуть в стороне — еще не раскрытая коробка конфет.

— Конечно, не так питаться, как вот это, — кивнула она, — такое я вообще не знаю, когда покупала.

— У нас с тобой сегодня маленький праздник, — сказал Минаев. — Можем мы себе позволить это? Или уже совсем — ложись и помирай?

— Кончились праздники, — вздохнула Галина. — Сейчас вообще: живешь какое-то время спокойно, вроде бы что-то наладилось и дома, и на работе, и сразу беспокойство — уж больно хорошо, не к добру. И правда, раз, и стрясется что-то.

— Да что ты, елки-палки! — взялся Минаев за вино. — Такая молодая, сильная — я же вижу, какая ты, у тебя в календаре каждый день должен быть красным. Муж как у тебя, веселый?

— Нормальный.

— Не пьет?

— И не пьет, и не курит.

— Ты смотри! Какой же он нормальный? — Минаев рассмеялся.

— А вот так. Сейчас, конечно, это редкий случай. Можно сказать, никто и не поверит. Но — увы.

— А почему — увы?

— Да нет, это я так просто. Вообще-то мне все равно это — пьет, не пьет. Сейчас он, может, и пьет, его дело.

Минаев уже наполнил рюмки, отставил в сторону опустевшую бутылку. С последними словами Галины разогнулся, поглядел на нее.

— А где он сейчас?

— Далеко... Сама не знаю.

Галина, без чужого приглашения, как было до этого, взялась за рюмку, подняла, рассматривая вино:

— А мы пьем, и я уже пьяная. Как по городу пойду? Не милиция, так омон подберет — они сейчас все что хочешь делают.

— Я провожу, — сказал Минаев.

Галина закрыла глаза:

— Загуляла девушка, загуляла...

Он провел ее до метро. До этого, выходя из подъезда дома, попробовал взять под локоть, но не почувствовал ответного движения и отпустил руку. Шли мимо сцепившихся в сплошную ломаную связку разномастных ларьков. Внутренняя подсветка разукрашивала их лицевые стенки, заставленные, как патронными лентами крупного калибра, рядами разноцветных бутылок. Ларьки звукозаписи перемигивались цветными лампочками. На площади у станции метро толпились торговцы с рук, вытянувшись полосами, как водоросли в реке, по пути движения людей.

— Все, — сказала Галина, когда они одолели тугую входную дверь, — дальше я сама.

Она не дала возможности и слова сказать: дотронулась до куртки на груди и пошла в толпу, к спуску, и, не обернувшись, скрылась из виду.

Минаев выбрался наружу. Слева упиралась в небо громадина высотного здания, прожектора вырывали из полумрака верхушку с узкими темными окнами; по улице, спускавшейся к парку, густым потоком двигались машины. Напористо теснил их переполненный троллейбус, ползущий в сторону площади по узкому проезду у высотки.

Кажется, ни разу не услышал Минаев смеха или беззаботного веселого разговора, пока возвращался к старому дому в переулке, — люди шли

большей частью молча. Редко доносившиеся до слуха слова заглушались беспрерывным шумом моторов и шорохом колес на грязной мостовой.

Согревали мысли о Галине, все-таки согласившейся задержаться, побыть с ним, оставив на какое-то время свои заботы. Сегодня она была веселей, и не от вина, конечно, просто посмотрела открытее, доверчивей. У него-то от нее — какие тайны? Кому они нужны? О себе бы все мог рассказать. Понравится, не понравится — это другое дело. Рассказать о себе — это поверить человеку, понять его и — стать ближе.

Минаев вздохнул. Воздух был сырой, бензиновый. За поворотом к дому почти уткнулся в телефонную будку желтый автобус. Около него стояли люди в касках с защитными щитами. Были видны сложенные на задних сиденьях оранжевые щиты, какими пользуются при разгоне демонстраций.

— Омон? — спросил Минаев, поравнявшись с людьми у автобуса. Спросил с легким возбуждением, еще не оставившим его после прощания с Галиной. Ответили недовольно:

— Омон, омон. Чего тебе еще?

Минаев молчал, и тот же голос добавил:

— Вали давай...

В этот раз он долго не мог уснуть, все думал о проведенном с хозяйкой вечере. Часто зажмуривался, чтобы вызвать в памяти ее лицо, черные вишни глаз. Горький прикус губы, когда рассказывала о братьях. Один алкоголик, а второй рэкети́р. Это звучало не очень серьезно, Минаев нарочно погна́л в угол:

— Как это? Бандит что ли?

— Ну как сказать... Рэкети́р. Сам себя так называет. Все время под пулями ходит, деньги выколачивает.

— Здоровенный, наверно? Сильный?

— Сильный, до армии и в армии занимался... — Галина шурилась, будто сама опять вблизи рассматривала младшего брата. — Вернулся, связался с такими же и начал.

— В общем, мафиози.

— Да нет. Хотя, конечно, меня нищей считает. Женился, так и на свадьбу не пригласил: будешь, говорит, как нищая сидеть. Я говорю тоже: достукаешься, налетишь когда-нибудь с этими барыгами. Бесполезно. Надо, говорит, жить, пока живешь. Не трястись за копейку, не тыкаться носом, а захотел — имей возможность. Так рассуждает, ни о чем не хочет думать. С пистолетом в кармане все время ходит, и компания такая же, видела я их.

— Опасное дело, — самое мягкое, что нашел сказать Минаев.

— А им все равно, — Галина невесело усмехнулась, — как в карты играют: повезет, не повезет.

— Но зато шикарная жизнь...

— Ай... Питье да девки.

— Что же это за жизнь такая, — даже глаза закрыл Минаев, когда услышал от хозяйки о втором ее брате, алкоголике, лечившемся в профилактории. — Откуда все это?

— Детдом, наверно. Они, как вышли оттуда, сразу стали искать не то. Только чтоб им было хорошо. Просто эгоисты.

— Но ты-то вот — человек?... — Минаев приложил к груди ладонь. — Прости меня, пожалуйста.

Как бы действительно соглашаясь, Галина кивнула:

— Это бабушка. Я у нее жила. Когда она умерла, я несколько дней ревела, на работе даже домой прогоняли. Ничего не могла поделывать, ревела и все. Она мне все время говорила: ты у меня смотри! Ничего больше, а только погрозит пальцем и — ты у меня смотри!

Новая неделя началась нервно. На заводе, где Минаев сдавал бригаде сварочную машину, народ разделился: одни переживали за Верховный Совет, другие за президента. Случилась даже драка, и Минаев был ей свидетель. Не ладили молодой мастер с электриком. Разругались вконец, и парень, не выдержав, пнул старика ногой. Ссора вышла из-за того, что электрик нехорошо обозвал президента, а мастер сказал, что если бы как раз не президент, то такие люди, как старик, давно бы сидели в Соловках или еще дальше. В общем, получилась некрасивая история, Минаеву противны были оба — нашли, из-за чего собачиться.

Однако пришедшая среди недели Галина начала с того же самого, с политики, — правда, с другого конца.

— Вон как наша власть разворачивается, наш комбинат теперь частный, как при капитализме, — сказала, выкладывая на стол стиранные рубашки.

Вначале Минаев больше на рубашки свои и глядел, на руки Галины, распрямлявшие рукава и воротнички. Делала она это быстро, но аккуратно. А стирать взяла накануне, когда увидела на нем последнюю его свежую, но не выглаженную рубашку. Сказала коротко: «Я постираю» — и даже разговора на эту тему они не продолжили. Теперь вот принесла — выглаженные, сложенные как на выставку.

— Спасибо, — сказал Минаев, сдерживаясь, чтобы не подойти и не коснуться так же, как она его рубашек, ее рук — небольших, но ловких. И — заботливых. Он увидел это, почувствовал... Конечно, он за все ей платит. А пока: — Большое спасибо.

— Не за что.

Галина, словно спохватившись, отошла от стола и продолжила:

— Так что теперь у нас, как в Америке. Теперь обязательно надо хозяйину понравиться.

— Как это?

— А так. Теперь не пойдешь с заявлением — в профком, местком, куда там еще ходили. Теперь у нас есть хозяин, он сам и решит. Как у соседей на чулочной фабрике, у них теперь вообще условия такие: никаких прежних организаций. У них уже уволили половину, у кого не было акций. Все имеют по одной, а у директора сто, еще сто — у иностранной фирмы, она и поставила условия.

— Ну, так, как было, тоже нельзя было работать, — сказал Минаев, слыша в голосе Галины не то недовольство, не то сомнение. Они-то на своем сварочном, кажется, приспособились к жизни, по крайней мере пока. И всего-то — вышли на прямые связи с потребителями, и все. В этом и главное, считал и сам он, — ищи выгоду и не вяжи руки, как было при горкомах и обкомах.

— Не знаю, не знаю... — Галина не об этом сейчас думала. Она подошла к подоконнику. — Но у нас люди боятся, я сама боюсь смотреть вперед. Была бы одна, еще другое дело, мне самой ничего такого не надо.

— Ничего, все будет нормально, — сказал Минаев, чтобы только отговориться. Его волновало не это.

Он почувствовал, что в душе его уже нету покоя. И причина — в этой женщине. Он разглядывал ее, пока она стояла, смотрела в окно. Прямые плечи, некрупные бедра, которые спокойно облегла юбка, стройные крепкие ноги. Она была полна силы, полна жизни. Минаев ощутил, как в груди его пролилось тепло, губы сами сложились в улыбку. Он не ждал ее сегодня, это было как подарок.

— Я сейчас схожу в магазин, — взялся он за куртку.

— Нет, нет! — Галина быстро отошла от окна и даже взяла его за руку. — Не надо. Зачем?

— Ну как...

— Нет, нет!..

Тон был твердый, нужно было только ломиться, и Минаев вздохнул. Но перехваченную руку хозяйки не выпустил, приложил к щеке. Она не отнимала ее, только смотрела, не мигая.

— Я по делу пришла, а не так. И время уже — видите? — показала она за окно, где тьму разбавляли уличные огни.

Последние дни летели быстро. Минаев торопился домой и ждал, не стукнет ли входная дверь, не долетят ли до него знакомые шаги. Ужинал поздно, безо всякого аппетита.

На душе было смутно, не отпускало виденное в городе. У выхода из метро стояли омоновцы; люди рассматривали их и озирались, ища тех, для кого были приготовлены дубинки. И щиты, и черные палки до сих пор видели только в кино, да и группы хмурых, безмолвных омоновцев выглядели чуждо на привычной глазу площади.

Но это было не кино, и Минаев сразу понял это, когда попробовал пройти в сторону парка.

— Вон мой дом, — сказал он омоновцам, — вон там. — И показал рукой.

Ему не ответили и цепь не разомкнули, и Минаев почувствовал, как в груди разлилась горечь. Сердце сжала обида и за себя, и за всех, кого живыми сгустками выталкивало наружу метро. Усталый люд натывался на плотину из щитов и настороженных глаз и трудно заворачивал в сторону от привычного хода. Не пропускали к площади, где днем водометами разогнали большую толпу, пытавшуюся пройти к набережной. Говорили, что милиция избивала даже иностранку, снимавшую все это на пленку, а камеру разбили о камни мостовой. Минаев приблизился к ограде из щитов, повторил сипло:

— Вон мой дом, дайте пройти...

За спиной слышались выкрики: «Судить вас будут!», «На людей с дубинками!»

Минаев взялся за ближний щит, его владелец молча отпихнулся. Тут же подошел старший, сказал:

— Сюда нельзя!

В голосе было больше просьбы, чем предупреждения.

— Нельзя, — угрюмо повторил подошедший.

— Второй день Ильи нет... Где его носит?

Галина стояла у подоконника, слепо глядя на улицу, где в желтом тумане висела сеть огней.

— Найдется, — отозвался Минаев. Он сказал это уверенно и так же твердо взял Галину за руку и повел к столу, где был готов ужин.

— Вообще-то, он уже не в первый раз вот так, — вроде бы и успокаиваясь, сказала Галина.

— Исчезает?

— Да...

— Ну вот видишь.

— Один раз я его так лупила, так лупила... Думала, вообще убью.

— Правильно. Строгость — это хорошо.

— Хорошо... А толку? Где вот он опять?

— Найдется, найдется. Куда он денется?

Галина попыталась улыбнуться, взялась за рюмку.

— Я как в гостях, — сказала и поглядела на вино в руке, на Минаева.

— Пусть будет все хорошо, — поднял он свою рюмку. — За тебя...

На душе немного отлегло, они даже смеялись над чем-то. Сидели, пока не выпили все вино. Когда Галина собралась уходить, Минаев загородил дорогу и обнял ее. И почувствовал, как она напряглась и ослабила дыхание, а потом отвернула лицо.

— Не надо, — сказала, не освобождаясь из его рук. — Зачем? Обоим потом будет плохо.

— Почему? — Минаев прижался щекой к ее виску. — Что здесь плохого?

Галина не отстранялась, но то тепло, что в последний час связало их за столом, что вдруг повлекло друг к другу, вдруг же и ушло.

Галина повернула лицо и посмотрела на Минаева, а он, уже как-то невольно, коротко поцеловал ее. Она и тут не отстранилась, даже, кажется, легко ответила ему, и Минаев напярк руки.

— Не надо, — вздохнула Галина. — Я же сказала, обоим будет плохо.

Утром Минаев столкнулся на кухне с соседкой; в такую рань она до сих пор здесь не появлялась.

— Вы слышали, что происходит? — кивнула старуха сухонькой головой в сторону окна. — Просто ужас! На Смоленке вчера в людей стреляли, убили многих. Просто ужас! Баррикады, вы слышите? Баррикады стали делать, дома поджигать...

Старуха была неприбрана, руки ее дрожали. Всю ночь смотрела телевизор, подумал Минаев. Он сам чуть ли не всю ночь отгонял мысли о том, что творилось на улицах Москвы, стараясь больше думать о чем-нибудь другом — о Галине, о доме, о последних днях своих в столице. Долго, до самого забытья, память то и дело возвращала облик Галины, ощущение ее в объятиях, отчего сразу становилось теплее.

— Как-то должно все это кончиться, — сказал он соседке. — Уперлись как бараны друг в друга — и Ельцин, и эти...

— Да, да, — вздохнула та, — кто бы сказал, что так будет...

Какая-то сила вынесла Минаева на улицу... В вагоне метро привлек внимание пустой угол, куда никто не продвигался.

— Проходите, чего вы? — подтолкнул кто-то сзади, и Минаев тронул рукой впереди стоящего.

— Пройдем?

— Иди, — услышал в ответ и шагнул мимо посторонившегося человека. И тут же сам уперся ногами, увидев на полу кровь. Она темнела свежим пятном посередине прохода, ею были забрызганы сиденье и заднее стекло.

— Ничего себе... — пробормотал Минаев.

Никто не отозвался, громкий женский возглас раздался лишь при резком торможении, когда люди повалились друг на друга. Судорожно вскинула голову девчонка, упиравшаяся в плечо Минаева, ее вырвало.

— Омон... — повторил кто-то несколько раз.

В комнате Минаев ходил из угла в угол, останавливался у окна и смотрел в мутную глубину улицы, откуда в сумерках донеслось несколько выстрелов. Это были, конечно, выстрелы, а не так — какие-то хлопки; он не сомневался, он даже хотел, чтобы это была именно настоящая стрельба. Хватит ходить по ниточке, которая все равно оборвется.

Он слышал, как старая соседка ходила на кухню, замедляя шаги у его двери и повышая в бормотаньи голос, чтобы он проник-таки за эту дверь и на него отозвались. Потом постучала.

— Да, — коротко, как Галина, крикнул Минаев.

Свет коридорной лампочки упал на пол и высветил у порога темно-красное пятно. Минаев подошел к выключателю, зажглась лампочка под потолком.

— Это Галина краску бросила и ушла, а она пролилась, — объяснила старуха, увидев, что Минаев задержал взгляд на буром пятне.

— Как в метро... — не сразу отвел он глаза от порога.

Старуха не слышала, она показала рукой в сторону своей комнаты, где только что сидела у телевизора.

— Вы слышали, что делается? Просто ужас! Останкино хотели захватить. Кремль хотят бомбить с самолетов! Вы слышите — Кремль! Вы понимаете?

Минаев глядел на старуху и молчал.

— Это что же они, проклятые, делают? — продолжала, чуть не плача, соседка. — Нету им наказания...

— Какого наказания? Кому? — осканился Минаев.

Старуха раздражала его; он шагнул в коридор, чтобы и она вышла следом, и направился к кухне. Бабка пошла за ним, она не ответила на вопрос.

— Как кому? Этим... Они на мэрию напали, в Останкине вон что сделали...

— Да просто власть никак не поделят, — обернулся Минаев. — Горло друг дружке готовы перегрызть.

— Вот проклятые, вот проклятые, — повторяла тут же оставленная Минаевым на кухне бабка.

А он, закрыв за собой дверь, боком переступил через пятно на полу и снова всмотрелся в него, так похожее на кровь в вагоне. И цветом, и растеком...

Потом погасил свет и поглядел в окно; подошел ближе, больше напрягая слух, чем зрение. Далекий гул за окном, неясные звуки были другими, нежели обычно, — это он ощущал ясно. Но снова постучала старуха.

— Ну что?! — подошел он сам и распахнул дверь. — Что еще?

Она сморщила губы.

— Слушаю вас, — помягче сказал Минаев.

— Женья, — показала соседка на дверь, возле которой все время висела матерчатая роба, — прибежал, посидел у себя и опять куда-то бегом.

— Ну и что? — поглядел Минаев на то место, где вчера еще, да и сегодня утром, он помнил, свисала с гвоздя ношенная куртка.

— Он нож взял мой. Большой, с кухни, — сказала старуха, собираясь вместе с Минаевым пойти туда, удостовериться.

Но он не пошел. Если это тот, что висел над бабкиным столом, он видел этот нож — толстый, с черной ручкой. Им насквозь проткнуть можно... От последней мысли Минаев даже лопатками повел.

— Он же ведь без царя в голове, Женья. Ему выпить — и море по колену, — качала головой старуха.

— Он один живет?

— Один. То у матери, то тут. Так — нормальный, тихий, а выпьет — я говорю, море по колену. Тут лучше не трогай.

— Понятно.

— Вот куда его понесло? Даже дверь наружную не запер, грохнул — и все. Я закрывала.

— Понятно...

Бабка молча постояла немного и пошла к себе, вернулся в комнату и Минаев. Огляделся. Эх... Вот Галина бы — она бы сняла эту плиту, что легла вдруг на душу и давит. Вошла бы, улыбнулась устало, пусть бы одними глазами, и иди все к черту. Грызутся на самом верху, как волки, мутят народ с разных сторон, а это быдло — рогами вперед. А что толку? Кто-нибудь там подвинется? Скажет: иди, садись, где я сидел?.. Смех.

Минаев недолго сжимал зубы. Какие-то другие чувства холодком обволакивали сердце, заставляли посмотреть куда-то и в глубь себя, и за стены комнаты — в тревожную ночь за окном, и дальше, по следу того, кто, схватив на кухне нож, хлопнул дверью и убежал.

Из прихожей донесся длинный звонок; с секундным сбоем — снова, долгий, непрерывный, и Минаев заспешил в коридор. Там уже стояла соседка, трясущимися руками прикрывая рот.

— Илья? — на ходу спросил Минаев.

Она затрясла головой.

В приоткрытую дверь просунулось молодое бородатое лицо.

— Впустите, а? Ради Бога... — торопливо, одышливо проговорил человек и, увидев, что открывший ему дверь не противится, обернулся к кому-то за спиной.

Второй была женщина. Снизу доносились громкие голоса, гроыхнул выстрел — он прозвучал на мгновение раньше того, как Минаев захлопнул дверь.

— Гос-споди!.. Гос-споди!.. — испуганно повторяла старуха, глядя, как женщина, едва переступив порог, опустилась на пол. Обеими руками она держалась за живот.

Армейская куртка мужчины, без погон, была в крови. Кровь слепила и густые черные волосы на голове.

— Это ее ногой, — показал бородатый на женщину, тоже еще молодую, стонущую от боли. — Может, отбили что-нибудь...

За наружной дверью грохнул новый выстрел, слышались топот, возня и крики. Люди бежали выше.

— Можно ее куда-нибудь? — показал мужчина на девушку и на двери по сторонам прихожей. — Хотя бы с глаз?

— Может, к вам? — повернулся Минаев к соседке.

Та тут же кивнула.

Через какое-то время на лестнице все стихло. Отмытый от крови Сергей — так, во всяком случае, назвал себя человек с бородой — сидел около уложенной на диван девушки и рассказывал хозяйке комнаты и Минаеву о том, что с ними случилось и о событиях дня. Многое получалось не так, как показывали по телевизору.

Все вздрогнули, когда хлопнула дверь в коридоре и послышались быстрые шаги. Минаев выскочил из комнаты и увидел Галину, стоявшую уже возле своей двери.

— Ильи нет? — запаленно спросила она и, увидев, как пожал плечами и мотнул головой Минаев, привалилась спиной к стене.

— Так и не был? — подошел Минаев ближе.

В ответ Галина всхлипнула и закрыла глаза. Минаев повел ее в комнату, усадил на кровать и, сев рядом, обхватил рукой дрожащие плечи. Галина повернулась и сунулась лицом ему в шею. Кожей он чувствовал, как шевелились, выговаривая что-то, мокрые от слез губы.

— Ну, не надо... Не надо... — повторял Минаев и гладил плотные волосы.

— Его видели в самой гуще, а потом около стадиона, — выговорила наконец, успокаиваясь, Галина.

— Кто видел? — Минаев попытался даже слезы ей вытереть.

— Ребята из его класса. Я уже всех обзвонила, полдня у классной руководительницы сидела.

— Понятно.

— Ой, не знаю... Я и в милицию звонила, в наше отделение. Там и говорить не хотят.

Галина вернула ему мокрый платок, посмотрела опухшими глазами:

— Вам же сегодня уезжать...

Минаев развел руками.

— Скоро будет не пройти, — снова прерывисто вздохнула Галина. — Если только билет показывать. И поезда, говорят, многие задержаны.

— Я пойду позвоню на вокзал, — сказал Минаев. — Автомат на углу.

— Да, — подтвердила кивком Галина. Она вдруг скинула с одной ноги туфлю, подняла ее.

— Там кровь в подъезде, — сказала, осматривая подошву. — И красные следы. Громадные, во всю ступеньку. Я думала, тоже наступила...

Минаев пошел звонить и долго не возвращался. Так долго, что Галина забеспокоилась. Она уже выходила в прихожую, где соседка, как и Минаев, рассказала ей о неожиданных пришельцах. Старуха позвала зайти к ней в комнату, но Галина не пошла, она сразу же вернулась к себе и, погасив свет, остановилась у окошка.

Стояла, с трудом одолевая тесноту в груди, трудно дыша. Потом быстро направилась к выходу. Сбежала с лестницы, перескочив кроватное пятно на нижней площадке, и устремилась к телефону-автомату. Ни одного человека не попало навстречу, проехал только серый слепой фургон.

Она свернула за угол. Стекла телефонной будки были разбиты, трубки на оборванном проводе не было. Она огляделась, хотела крикнуть что-то

в густеющую темноту, но глаза остановились на красно-белой тряпке, примятой чьей-то ногой, у водосточной трубы. Галина наклонилась и подняла ее. Это была не тряпка, а шерстяная шапочка, которую она все это время видела на голове своего квартиранта. Шапочка была в крови...

Не своя воля

Ми-иленькая моя... Соба-аченька моя... — забываясь, повторял Генька и опускал ладонь на мягкую голову собаки. Собака поднимала морду, ловила быстрым языком его руку и возбужденно повизгивала. Потом Генька спохватывался, натягивал поводок и как можно тверже говорил:

— Рядом!.. Тише иди! Рядом!..

Собака морщила покатый белый лоб и дрожала. Всякий раз, когда ее вдруг цепко останавливал какой-нибудь знакомый набежавший запах и она тянулась на него, поводок обжигал ей шею. Дыхание перехватывало, у век будто лопались ядовитые пузыри — желтые, оранжевые, красные, — и глазам становилось холодно и больно.

— Тайфу-ун, Тайфу-ун... — говорил Генька.

Поводок стискивал горло, и пес, хрипя, подскакивал, разворачивался и прижимался к Генькиной ноге. Он уже понял, что теперь его будут называть так — Тайфун, хотя он на самом деле был не Тайфун, и даже не Отпор, как его последний месяц звали во дворе около базара, а... Не-ет, нет, и не Туман, конечно, — это было еще до базарных запахов, до тревожного, но в общем-то не очень опасного гула рынка, откуда его и увели и привязали потом около ящика в соседнем дворе...

А в этих краях он, кажется, не был. Собак не слышно, и редкое дерево известит о них. А кошки!.. От каждой завалинки тянет тошнотным запахом их ленивого жира. «Ага, собака!» Пес рванулся к близкой раките и, охнув, опрокинулся — повод снова перехватил горло, и в глазах растеклась радуга яркой цветной пелены...

Час назад дядя Илья обещал Геньке сшить ошейник для собаки. Дядя сучил дратву, перекидывал в прокуренных зубах обвисший окуроч и щурил глаза.

— Кобель? — спросил он.

Генька кивнул.

— Кобеле-ек, — сказал, совсем прикрыв от папиросного дыма один глаз, дядя.

Он подошел к собаке. Качнув бедром, вытянул деревянную ногу вбок и сел на маленькую скамейку. Все скамейки и табуретки в его доме были какие-то приземистые, плоские, и Генька все время думал о том, что неловко ведь ему, при такой ноге, всякий раз примащиваться на своих сиденьях и вздыматься потом на мертвую деревяшку.

Собака прижалась задом в угол и подрагивала, нервно приподнимала на всякий случай губу — показывала готовые к делу зубы. Однако тяжелая рука подсевшего к ней твердо легла на уши, прошла по спине, и пес подумал, что это она, рука, наполняет жилье таким крутым запахом смолы, курева, колбасы, пота и каких-то других незнакомых ему вещей. Запах раздражал, но в нем была тяжелая и теплая устойчивость, и пес, напрягая под жесткой рукой спину, молчал. Он скосил глаза на своего хозяина и даже шевельнул хвостом, поняв, что того ничуть не пугают действия хромого. Дядя подкинул тупыми пальцами опавшее ухо собаки, спросил:

— Висит?

Пес моргнул, переступил лапами, а Генька сказал:

— Подыметса, он еще молодой.

— Ты, это дело, удавишь его этой телефонкой, — сказал дядя, щупая провод на шее собаки. — Себе б накрутил... Горе луковое.

— Ошейник надо, — Генька отвернулся, чтобы не встретиться с дядькиными глазами. А тот подождал, пока он набегается взглядом по сторонам, снял с губы остаток курева и отозвался:

— Зайди когда, что-нибудь придумаем.

Потом ухватился рукой за печной стояк, тяжело поднялся и ковыльнул к окошку. Там, у низкого верстака, дядя Илья опустилса в обтянутое мешковинной промятое сиденье и поглядел на пса издалека.

— Конечно, молодой, еще выдурится, — согласился он. — А мать-то как приняла?

— Мамка ругается, — ответил Генька.

— Да ведь, это дело, не своя воля, — сказал дядя. — Его ведь и кормить надо. — Он отчего-то поморщился, потом добавил: — Но ты подожди, она перегорит, знаю я ее.

Под конец он обещал сшить ошейник из старого приводного ремня. Он даже показал его, порывшись в ящике с заскоруждыми опорками, и Генька с легким сердцем повернул домой.

Собака лизнула ему в коридоре руку, соскользнула с порога и потянула на улицу. В животе ее теплой звездой горел сахарный ломтик колбасы, который дал ей на прощанье хромой. Пес оглянулся, чихнул, отгоняя серые уличные запахи, и понял, что дух жилья хромого он запомнил и что хромой этот из тех, кто не часто встречается собакам. Чтобы незнакомый человек ни с того ни с сего дал такой колбасы?! Может, когда-то — еще до той жуткой зимы, когда посиневшие от мороза мостовые присасывали и жгли лапы, а шерсть все время топорщилась, — и было это золотое время, но ту пору даже старые, все знающие псы не помнили. «Оно было — это райское время», — грустно теплилось в робкой душе. Но пес не помнил его, а может, и не знал вовсе, и эту утеху-веру передала ему по наследству со своей кровью мать.

Где-то в самом далеком, глухом углу памяти сохранилось зыбкое воспоминание о розоватых пупырышках на животе у такой же, как он, вислой на левое ухо собаки. И как она с глухим плачем отпихивала его лапами, когда он — самый беспокойный в компании своих сестер и братьев — начинал в отчаянии грызть ее вялые соски. Вот и все прошлое.

А все остальное было всегда с ним, он всюду носил его в своем гулком теплом собачьем сердце: и по шумным базарам, и по густой росе, когда шлепаешь по траве, как по лужам, и по безжизненному, холодному и чужому снегу. Настоящее бежало с ним от угла до угла, от дерева к дереву; пугало грохотом оттаявшего в водосточной трубе льда, учило постоянной осторожности и наполняло душу извечной и неизбывной жаждой существования.

Генька едва успел перебежать с собакой улицу, как недалеко от них об землю стукнулся камень. Камень, не задев их, ударился в забор. Пес вздрогнул, тревожно огляделся, повернул морду к хозяину и испугался еще больше: он увидел, что и тот растерялся и опасно смотрит в сторону ближнего переулка. Оттуда, от угла, к ним подходила группа людей. Они

еще издали не понравились собаке. Она видела искорки беспокойства в глазах каждого из подходивших. Однако каждый старался казаться смелым, смелее другого — это тоже было видно, и это было особенно опасным.

— А ну, стой! — сказал один из них.

Это был Тишан — так его все звали. Пацаны с Генькиной улицы боялись попадаться ему на глаза. Тишан был небольшого роста и, наверно, такой же силы, однако все, кто его знал, старались обходить стороной те места, где появлялся он со своей компанией.

— Чья собака? — спросил Тишан.

Пес прижался к Генькиной ноге — он понял, что речь зашла о нем, — его мышцы сразу отвердели, а кожа натянулась. Он видел таких людей, это они пинали его при случае на базаре и вместо пищи бросали добрым жестом щепку или камень. У них у всех были одинаковые глаза...

Генька сказал, что собака его, что она у него уже давно и что он обменял ее на увеличилку — выжигательное стекло. От настоящего бинокля. Он добавил про бинокль, чтобы дело выглядело серьезней.

— Врешь, — сказал Тишан, оглядываясь, — ты ее увел откуда-нибудь.

— Нет, честно... Моя собака!

В груди у Геньки стало тесно и жарко. Он подумал, что Тишану ничего не докажешь, да и не ждет он никаких слов, но все-таки попытался что-то сказать. Но ему не дали говорить. Один из подступивших, высокий и худой, держа руки в карманах, сплюнул и сказал:

— А где у него номер? Он не зарегистрирован. Нету номера?

— Есть номер, он дома, — соврал Генька, — на ошейнике. Генька сказал про ошейник и подумал, что так оно и будет: будет ошейник, широкий, красивый, и на нем — блестящий номер. Как у тех собак — овчарок, догов — на которых он засматривался в бывшем детском парке, где по вечерам хозяева устраивают им игры.

Тишан пнул валявшийся у ног обломок кирпича. Камень угодил в собаку, она взвизгнула.

— Ну, ты! — крикнул Генька, пересиливая спазмы, сжавшие вдруг горло и грудь. — Ты!..

— Дай ему, — сказал вместо ответа Тишан длинному. Сухим кулаком долговязый ткнул Геньку в губы и хотел добавить еще, но не успел. Генька сам ударил его, и правой рукой и левой, он даже бросил поводок...

А собака струсила, особенно когда Тишан и остальные стали нагибаться за камнями. Она отскочила к забору и съежилась, заскулила, призывая на помощь. А потом бежала и глухо подвывала от досады и тянула, тянула хозяина подальше от злосчастного переулочка. Но бег разгорячил ее. Сердце частыми взрывами сотрясало все тело, кровь стремительно разносила по жилам огонь силы и отваги. И пес представил себе, как он яростно, слепо бросается на обидчиков, как они в страхе бегут прочь, а он, не прощая им трусости, рвет зубами самое опасное и ненавистное — их ноги. Жалобные вскрики только разжигают и ожесточают его еще больше, и лишь настойчивый голос хозяина заставляет его оставить врагов...

— Да с-стой ты! — сказал Генька, всхлипывая, и освободил стиснутые поводом пальцы. — Ссстой...

Собаке было горько, стыд заглушал даже острую резь на шее. Она хотела лизнуть Геньке руку, но промахнулась и лизнула себя в то место, где оставил след камень.

А Геньке опять сдавило горло, глаза набухли. Он молча погладил собаку и ощутил на своей руке горячий влажный язык. И он оглянулся назад и тоже увидел все, что было за минуту до этого, по-другому... Сильный и ловкий, натренированный в секции бокса или даже каратэ, он несколькими быстрыми ударами — раз! раз! раз! — сбивает с ног всех, кто только что бил его и куражился над ним и собакой. Он не трогает одного Тишана, потому что тот лежит на земле лицом вниз, и стонет, и закрывает цыпочными руками голову. А над ним, наступив на него передними лапами, стоит Тайфун и ожидающе смотрит на Геньку. А он небрежно кивает головой в сторону поверженных дружков Тишана и говорит их трусливому жожаку:

— Когда они очухаются, ты скажи, что я и руки марать об тебя не захотел... Но если еще раз тронешь кого из наших...

Около разбитой трансформаторной будки можно было набрать кирпичей — там, в зарослях лебеды, было много их обломков. Но Генька никогда не видел, чтобы конура была из кирпича. Он облазил сарай, перетряхнул в отсутствие матери все на чердаке, но ничего подходящего не нашел.

Чердак был его любимым местом. Тут всегда было тепло, особенно у бора — обмазанного глиной дымохода, где висели пересохшие пучки какой-то травы и связка старых чулок. В углу, с тех самых пор как Генька себя помнил, валялись два сломанных стула, посылочный ящик с пузырьками и бутылками, которые не принимали в ларьках, рамка от портрета. Посередине чердака, где можно было пройти не нагибаясь, мать вешала бельевую веревку, конец ее она свивала в кольца и набрасывала на гвоздь.

Она не сразу заметила, что кто-то отрезал часть веревки. Это было уже недели через две, перед праздником, когда она перестирала все до нитки и они вдвоем с сыном едва втащили по лестнице набитый доверху таз. Пройдя несколько раз взад-вперед по чердаку, мать нацепила веревку и набросила было остаток ее на гвоздь, но тут же, решив, что для белья не хватит места, растянула веревку полностью и увидела, что конец ее отрезан и самый хвост расплелся. Показывая его Геньке, мать сурово спросила:

— На нем собака бегают?

Генька кивнул. Он переступал по хрустящему шлаку и держал на весу тяжелый цинковый таз, прижимая ребром к животу.

— Я тебе сказала, чтобы ты убрал эту тварь? Мимо забора никому пройти нельзя — брехать начинает. Брешет на каждого встречного. А чего у нас сторожить? Ботву, что ли? — говорила мать.

— Она теперь меньше гавкает, — отозвался Генька. — И сад будет охранять...

Мать хотела что-то сказать, но вдруг остановила взгляд на трубе, потом повернула лицо к сыну:

— А паголенки где?

Может, пять, а может, и десять лет — так казалось Геньке — висел этот пук изношенных чулок, и никому не было до него дела. Иногда мать завязывала каким-нибудь паголенком мешки с картошкой — да и то не из этих, с чердака, а из комода, из нижнего ящика, где хранилось всякое тряпье. Но стоило ему взять их, как мать сразу это обнаружила.

— Паголенки где? — повторила она, отвернувшись, расправляя очередные жгуты белья.

Генька сразу решил признаться, сказать, что они внизу, в сарае, постелены Тайфуну — набросаны на холодную землю, но мать вздохнула, покачала головой, и он молча, руками и животом, приподнял таз навстречу ее нетерпеливым пальцам. Со двора донесся голос сестренки. Слышно было, как она открыла дверь в сарай и как радостно заскулила собака. Когда Генька с матерью спускались по крутой лестнице вниз, собака что есть мочи крутила хвостом и припадала на передние лапы. Через порог сарая червяком свисал наружу капроновый обносок.

— Уроки сделал? — спросила мать.

— Сделаю, — сказал Генька, — сегодня мало задали.

— У тебя всегда мало, — устало отозвалась мать и направилась к дому.

А Генька заторопился к Тайфуну.

Он все-таки натаскал кирпичей с развалин трансформаторной будки и сложил из них жильё для собаки. Потом сходил на станцию, принес оттуда несколько кусков ржавого железа — из него сделал крышу. Землю в конуре он утрамбовал половинкой кирпича и застелил фанерой.

— Лучше бы, это дело, в сарае его держал, — сказал, увидев Генькину работу, дядя Илья, — все равно дверь болтается.

— Мамка не разрешает, — сказал Генька без особой обиды.

— Ну-ну, — кивнул дядя и приладил собаке ошейник.

— Ну, хитер! — говорил он позже, глядя, как пес по Генькиной команде быстро шмыгнул под палку, вместо того чтобы перемахнуть поперех. — Ну, плут!..

— Алле! Алле! — повторял Генька, понукая собаку и опуская палку все ниже и ниже.

— Когда я пас коров в деревне, у меня был кобель — Грозный, — рассказывал дядя Илья, пока Генька готовил новое упражнение для собаки. — Лапа — во, в руку... Ей-Богу, не вру. Но главное — смысленный был как не знаю кто. Еще сказать не успею: Грозный, ну-ка... — а он пошел. Хвост положит и — в обход: либо отстала какая, либо в клевера наладилась. А он и голос подаст, и зубами хватит какую для памяти. Ну, хитер был!.. Исключительно все понимал, как будто кто учил его. А когда холод, — ляжет рядом и греет. Все понимал, ей-Богу!..

— Тайфун тоже такой, — оглянулся на свою собаку Генька, представляя себе, что это именно она по одному движению руки устремляется по большому кругу и собирает в стадо отбившихся коров...

Потом он волочил по земле чулок с вареной картофелиной, прятал его в саду и подводил собаку к началу следа.

— След! След! — повторял он, показывая рукой, куда надо двигаться.

Пес перебирал в нетерпении лапами и фыркал. Он глядел Геньке в глаза, и тряс головой, и виновато подвывал.

— Ишь ты какой, — сказал дядя Илья Геньке, — шустрой его. — Он кивнул в сторону собаки. — Это те не овчар...

— Он все понимает, только еще не умеет, — говорил горячо Генька. — Все-все понимает.

Он взял обструганную палку, поднял с земли камень и швырнул его в кусты и крикнул:

— Фас!

Пес залаял и кинулся к кустам. За ними притаились злые холодные тени; они зашевелились, но не успели вырваться наружу, и оружие Геньки хлестнуло по темным сгусткам зелени. «А-а-а!» — вскрикнул Генька, и пес испуганно отпрянул, но тут же тоже закричал по-своему и запрыгал, выплескивая из горячей груди удаль.

— На! На! — Точные удары Геньки повергали на землю коварного врага. В отчаянии враг выбрасывал ему навстречу сразу сотню рук, раскачивая землю под ногами, пытался вырвать у него страшное оружие, оглушал безумным шипением. — На! На! — ликовал Генька, и визжал, заливался лаем пес.

Потом Генька собирал головы врагов — сбитые ветки жирной крапивы — и куда-то уносил их; и пес, высунув язык, не отставал от него. Дядя Илья, забыв оживить схваченный зубами, уже потерявший тепло окурков, долго смотрел на племянника и на его собаку, потом потоптался, похромал по двору и, не заходя больше в хату, ушел.

Генька почти перестал убегать на улицу, где обычно проводил большую часть дня. Теперь он под трель последнего звонка торопился из школы домой. Он подбегал к калитке и, в ответ на радостный лай собаки, кричал: «Тайфун! Тайфун!» Пес подскакивал на привязи, вытягивался в струну, загребал воздух поднятыми лапами и лизал Геньку в нос и щеки. «Чужой!» — кричал Генька, оборотаясь к забору, и пес, щурясь от счастья, видя, что его разыгрывают, подавал голос и возбужденно скулил.

Первое время ребята подолгу кричали за воротами, вызывая своего приятеля на улицу. Собака лаяла на них. Генька выходил за калитку, что-то объяснял им, и они, пожимая плечами, уходили на речку, потом ребята почти перестали приходить к его дому, стали собираться в другом месте.

Дядя Илья опять приковылял к ним. Прижигая одну сигарку от другой, он спокойно слушал жалобные слова матери о тяжелой жизни, об усталости. И о собаке что-то сказала мать.

— Ну, ты, это дело, зря, — сказал дядя, отклеивая от губы окурков. — Мешает, что ль? Брехать перестал...

— Ага-а-а, — протянула мать. — Отлупцевала пару раз окамелком — перестал. — Потом, помолчав, добавила: — Вся зараза от них.

— Вот уж не скажи, — твердо произнес Илья. — У них, это дело, все имеет назначение: где едят, где возятся, где даже туалет. Да-да-да.

— Брось ты еще! — отмахнулась мать.

— Я тебе говорю! — махнул убежденно головой дядя.

— А что я, гоню ее? — пожала плечами мать. — Только бы уроки все делал. — Она вздохнула и покачала головой: — В школу никак не сходить. Слава Богу, хоть пока не вызывают.

— Цепку ему принесу на неделе, обещал один, — сказал дядя и пошел на двор.

Там он сел на сложенные у сарая дрова, вытянул поудобней нездоровую ногу и глядел, как Генька возится с собакой. Он видел, как тот порывисто притягивает ее к себе, что-то шепчет, прижимается щекой к ее трепещущему носу. Генька поднимался в рост и делал сердитое лицо. Собака тоже выпрямлялась, наклоняла голову и внимательно смотрела на хозяина. «Лежать!» — строго говорил он и взмахивал рукой, и приседал, чтобы со-

баке было яснее видно, чего он хочет. Собака припадала на передние лапы и лаяла, потом снова вытягивалась, напрягала поводок и склоняла голову в другую сторону. «Лежать!» — повторял Генька и придавливал рукой зыбкую спину собаки. Лапы ее надламывались, она нетерпеливо скулила и, царапая землю, выскальзывала, вырывалась из-под нервных Генькиных пальцев и тут же ловила их горячим языком. Она виляла хвостом, и повизгивала, и замирала вдруг на какое-то время, и весь вид ее выражал полную преданность и послушность.

«Ай, горе луковое... правда, что руки свербят. Собаку надо научать, а не ластить. Ну, куда это годится!.. Ай ты, горе луковое...» — Дядя торопливо выправил ногу, неловко поднялся и двинулся к Геньке, чтобы сказать все это.

А тот сам оборотился к нему и засмеялся.

— Вот, — сказал он, — уже все. Смотрите.

— Лежать! — крикнул он собаке и присел.

И пес присел, потом опустил ниже и положил морду на лапы. Он мигал и шевелил повислым ухом.

— Тайфу-ун, Тайфу-ун... — говорил Генька и гладил собаку. Он опять обхватил ее руками и притянул к себе...

Осень была длинной и сухой. А в первый же долгий дождь обнаружилось, что крыша в конуре протекает. Накинув на голову старую клеенку, Генька сидел на корточках и смотрел, как вода рваной струйкой пробивается в обжитой домик. Пес жался к сухому. Генька протянул руку, пес быстро поднялся и ткнулся в ладонь холодным носом. Цепочка капель упала на спину, битой ртутью побежали бисеринки по шерсти. Генька расправил клеенку и накрыл ею конуру.

— Это пока, — сказал он собаке. — Когда приду из школы, сделаю как надо. Ты потерпи, теперь не будет капать.

Еще до начала уроков дождь кончился. Солнце, словно возвращая долг, ровно разливало тепло по мостовым и крышам. Но пар не поднимался, как это было летом, от залубенелой земли, — синие лучи света будто скользили по ее поверхности. Деревья стояли сочные, разноцветные: одни едва тронутые янтарем желтизны, другие — налитые живым пламенем. Пышен был их убор, настолько пышен, что казался неестественным. Однако в безветренном трепете листьев уже видна была их обреченность.

Генька не видел деревьев, но видел солнце — и радовался. Он бежал, и на душе у него было светло и легко. Может, в школе дела шли хорошо или он что-то такое придумал... Он взялся за щеколду и хотел что-то крикнуть, но не крикнул и выпустил из пальцев холодную железку. Сердце его, которого он до этих пор никогда не чувствовал, тонким звоном отозвалось на щелк запора. И, совершенно отчетливо услышав этот звон и сильно испугавшись его, Генька шевельнул губами и произнес первое слово. Оно открыло латку, перенесло его во двор, к конуре, потом бросило к сараю...

— Тайфу-у-ун! — повисло оно над ущербными кустами и пожухлой травой, над выгоревшей и вымытой дождями толевой крышей сарая, над потертой на сгибах клеенкой, укрывшей собачий дом.

Генька несколько раз обежал сад. Одежда его намочла. Он долго всматривался в темноту под порогом, влез на чердак — он как-то втаскивал на

руках собаку туда, — сдвинул в сторону часть поленницы. Всякий раз, когда в сознании возникало место, где могла оказаться пропавшая собака, он с полной надеждой устремлялся туда и звал ее...

— Тайфу-у-ун... — сказал он наконец в последний раз и остановился. Он не плакал — плакал позже, на другой, третий день, — беда была горше слез. С трудом, со стоном втягивал в сжавшееся горло воздух. Горло словно перегородили чем-то, и эту перегородку никак нельзя было преодолеть.

— Да не я, Господи, пропади она пропадом. Не я... — говорила и утирала слезы мать.

Всю ночь она слышала всхлипы за перегородкой, где спали дети. Иногда ей удавалось забыться коротким сном, но всхлипы и шепот сдерживали тонкую пелену забытья, и она сама вздыхала, ворочалась и покашливала, чтобы за перегородкой утихли. Мысленно она уже много раз накричала на детей, прошла к ним и, как иногда это делала, отшлепала легкой рукой поднятые коленками одеяла. Но подняться так и не решилась. Утром, встав не вовремя, чего с нею давно не случалось, она забеспокоилась о сыне, но того уже не было дома. Он долго не возвращался с уроков, и мать отправила за ним сестренку. В школе Геньки не было, он и не приходил туда в этот день. К вечеру в калитку стукнул дядя Илья...

А Генька побывал в том месте, где впервые встретил свою собаку, обжегал соседние улицы и открытые дворы. Он все дальше и дальше уходил от своего дома. Ему казалось, что встречные люди, по крайней мере некоторые из них, могли знать о его собаке или даже видеть ее. Он спрашивал их, но люди, с видом, будто им ничего не известно, пожимали плечами и шли своей дорогой. И тогда он направился к Тишану. С тем был лишь один из его команды — длинный.

— Не видели мою собаку? — спросил у них Генька.

Тишан долго смотрел на него, что-то соображал, и у Геньки затеплилась отчаянная надежда. Он подумал, что Тишан, в сущности, может быть, совсем не плохой человек, совсем не плохой... Может быть, он даже человек добрый и честный... И зря он считал, что...

Тишан повернул голову и посмотрел на своего тощего дружка и — «ха-ха!» — вдруг засмеялся.

— Ха-ха-ха! — хохотал он, вытянув вперед палец и откинув голову.

— Своего кабыздоха ищет!.. Ха-ха-ха! Я увел!.. Скажи ему, — обратился он к длинному. — Собачеям отдал, на живодерню. Он же у тебя без номера, бродячий!..

«Он же без номера!.. У собачеев!..» — неслоь вслед побежавшему Геньке.

— Да не я, Господи... Не я... — говорила Илье и утирала фартуком глаза мать. Она сжимала в кулаке градусник и чувствовала, как он остывает в ладони.

Генька лежал на материнной кровати. Он шевелил губами и морщился. И мать морщилась и вытирала фартуком лицо. Дядя Илья сидел у окна, и трогал рукой нездоровую ногу, и глядел на улицу.

Жар у Геньки держался четыре дня. На пятый температура спала, и Генька вышел во двор.

Школа, где он учился, была старой. Окна их класса на первом этаже шли вровень с ростом Генькиной сестренки, так что она, привстав на носки, могла даже заглянуть внутрь помещения. В этот раз она так и сделала: вытянулась на цыпочках, прижалась подбородком к нижнему карнизу окна и, сдерживая быстрое дыхание, глянула в туманную глубину класса. Все были заняты делом, и никто не обратил на нее внимания, кроме брата. А он встрепенулся, вытянул шею и впился глазами в маленькое лицо за стеклом.

— Выйди! — поманила сестренка рукой. — Я тебе скажу... Выйди!

Она видела, как Генька поднял руку и встал, что-то говоря учительнице и показывая в сторону окна. Девочка пригнула голову и, крадучись, заторопилась ко входу.

— Собаку нашли! — выпалила она, едва Генька появился в дверях. — Мамка говорит...

Но брат не мог услышать ее дальше: теплая сила подняла его, и земля понесла как на руках — быстрее, быстрее!

«Миленький мой... Миленький мой...»

Он миновал калитку. «Та-ам...» — показала рукой мать, и Генька вбежал в комнату и увидел собаку...

Только это был не Тайфун. Это был маленький желтый щенок, с беззаботной, непуганой мордой. Он уперся дрожащими лапами в пол, потянулся, выгнув жидкую спинку, и зевнул.

...Из глаз Геньки текли слезы. Правда, это были другие, не вчерашние, не прошлые слезы, но они, как капли с горячей свечки, катились и катились на золотистую шерстку щенка...

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

**ПАСХА
ХРИСТОВА**

фоторепортаж
Людмилы
Ивановой

ПОЭЗИЯ

Татьяна ЕГОРОВА

ГРЯДИ, ГОСПОДНЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ!

Татьяна Петровна Егорова — родилась в городе Светогорске, Ленинградской области. В 1971 году окончила РГПУ им. А.И. Герцена. Печатается в православной прессе Санкт-Петербурга. Награждена дипломом и Почетным знаком межвузовского творческого конкурса, посвященного Дню св. Татианы. Автор четырех книг стихотворений. Член Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

ПАСХА

Наш узкий путь тяжел вдвойне,
В сем веке — грозном и суровом.
Но не погибнем мы, зане
Душа живится Божьим Словом.

И вновь распахнут свод небес —
Гряди, Господне Воскресенье!
Христос воскрес! Христос воскрес!
И нам обетовал спасенье.

* * *

Когда ты весенней порой
Идешь вдоль знакомых строений
И запах душистой сирени
Вдыхаешь, любуясь игрой

Изменчивой невской волны
И стройных мостов отраженьем,
И видишь с неясным волненьем,
Какого значенья полны

Земля и вода, и трава —
Простые явления и вещи.
Их смысл, символический, вещий,
Нам лишь приоткрылся едва.

Но чуткий внимательный слух
Воспримет, почувствует это:
В лучах из тончайшего света
Нисходит Божественный Дух.

Внезапен и неуловим,
Как легкая рябь на канале.
Но если бы только вы знали,
Как явственно он ощутим!

Звучит, как молитва в тиши:
Сокровище, жизни Податель,
Строитель, Творец, Созидатель,
Утешитель нашей души.

СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ

Только помолятся Богу
Русичи на войне,
Мигом летит на подмогу
Всадник на белом коне.

Снова наш край не спокоен,
Злобно кружит воронье.
Но православный наш воин
В змея вонзает копье.

Сгинут все вражие орды:
С нами Небесная рать,
Божий угодник Георгий,
Вера, любовь, благодать.

* * *

Зыбкая обманчивая дрема.
За окном дрожит луны фонарь.
В тишине Ипатьевского дома
Молится последний государь.

Сказано в Писанье: «Мне отмщенье...»
А Святая наша Русь должна
Покаяньем вымолить прощенье,
Выпить чашу горькую до дна.

Пусть трагичен миг его ухода,
Но, всем сердцем Господа любя,
Он грехи российского народа
Добровольно принял на себя.

И однажды, в майский день чудесный,
Вспыхнет ярким ассистом заря.
И, по благодати, Царь Небесный
Дáрует нам русского царя.

* * *

На смерть митрополита Иоанна (Снычева)

Любит Бог избранников своих, —
Им открыты горние чертоги.
Только нам, смиренным и убогим,
Слабым, грешным, не хватает их.

Я не убираю черный плат,
До конца печали не изведав.
За грехи — свои, отцов и дедов —
Сколько понесем еще утрат!

Кажется, что больше нету сил.
Есть ли доля русской доли горше!
А за Лаврой Невскою все больше
Дорогих оплаканных могил.

Скорбью переполнены сердца.
Только благ Господь и знает меру.
И Владыка завещал за веру
Нам стоять до самого конца.

РУСЬ

Мы до четвертого колена
Страдаем за грехи отцов.
Едва лишь выбрались из плена, —
Попали в сеть других оков.

В пустыне скорби и страданья
Бродить мы будем сорок лет,
Покуда рабского сознания
В нас жив хотя бы слабый след.

Обида, злоба, ссоры, драки
Нам закрывают благодать.
Как славно жить в одном бараке
И век бы воли не видать.

И мы идем покорно в стойло,
Прозреть не дав себе труда,

Лишь бы в корыте было пойло
Всю жизнь да сытная еда.

Нам слишком странно, непривычно
Свободы терпкое вино.
Нам вкус похлебки чечевичной
Желанным стал уже давно.

Где, Русь, твой подвиг знаменитый?
Где вера древняя твоя?
Где вы, Алеши и Никиты?
Где славный Муромец Илья?

Ужель на скорбном пепелище
Печальной Родины моей
Запляшет скоро и засвищет
Лихой разбойник Соловей?

Когда ж мы победим Мамая
И разорвем позорный плен?
И вера русская святая
Опять поднимет нас с колен?

Мы будем повторять молитву
Во храме, у икон святых.
Благослови же, Русь, на битву
Отважных воинов своих!

* * *

Я русская! — и этим я горжусь.
Не изменю вовек своей Отчизне.
Святая златокупольная Русь
Меня питает хлебом вечной жизни.

Она сама — как православный храм:
Над нею крест уходит в бесконечность.
И каждый миг с небес нисходит к нам
Нетленная Божественная Вечность.

Возьмем хоругви, свечи и кресты,
Иконы Божьей Матери Пречистой, —
И Сам Господь, а с Ним и Дух Снятый,
Нас поведут дорогою тернистой.

И станет иго Божие благим,
Когда пойдем великим крестным ходом,
И, трепеща, расступятся враги
Пред славным Богоизбранным народом.

РУССКИЙ ЯЗЫК

Пускай вековая усталость
Сгибает мне плечи, но все ж
От предков с тобой нам досталось
Не только паденье и ложь,

Не только невзгоды и беды,
Но мудрость Божественных книг.
А с ней передали нам деды
Великое чудо — язык.

Мы приняли это наследство:
Разящее остро, как меч,
Духовное, мощное средство —
Родимую русскую речь.

И в сердце горит и трепещет
Той речи горячая плоть,
Звенит, словно колокол вещей:
Мария, Россия, Господь!

И вечное Божие Слово
Нам благовествует о том,
Что церковь есть тело Христово,
Что Русь — Богородицы дом.

Живут в нашем русском народе
Бессмертные эти слова,
Как живы Кирилл и Мефодий,
Как вера и слава жива!

СВЯТОГОРЬЕ

Высокие старинные ступени
Приводят днесь паломника в собор.
Здесь некогда бродил российский гений,
Здесь тень его витает до сих пор.

На ярмарке, в толпе, среди народа,
И в храме Божьем не был он чужим.
В его твореньях русская природа
Заговорила языком живым.

И псковские широкие просторы,
И золото крестов над головой,
Могилы предков и Святые Горы —
Все обнимал он любящей душой.

Здесь оживают образы былого:
Походы, пенье нищего слепца
И монолог Бориса Годунова,
И мудрое сказанье чернеца.

С холмов высоких озирая доли,
Спускаясь вниз к извилистой реке,
Он слышал сердцем Божии глаголы
И воплотил на русском языке.

* * *

Мне песня, словно хлеб, необходима.
Пусть голос мой, как шорох ветра, тих.
Среди полей земли моей родимой,
Как ручеек, звенит певучий стих.

Гуляя утром по лугам росистым,
Я соберу густой словесный мед.
И тот, чье сердце остается чистым,
Печаль мою услышит и поймет.

Я не умею жечь сердца глаголом.
Чей дар важней — не нам с тобой решать.
Тебе, мой друг, оставляю я свой голос,
В котором будет жить моя душа.

* * *

Покуда есть святыни на Руси,
И служится во храмах литургия,
Мы воздыхаем: Господи, спаси!
И слушаем напевы дорогие.

И верю я, что Русь еще жива, —
Ведь мы с тобой ее простором дышим.
И самые заветные слова
О Родине когда-нибудь напишем.

Наша ИДЕОЛОГИЯ

Александр КАЗИН

РУССКИЙ КОСМОС

Александр Леонидович Казин — родился в 1945 г. в Смоленске. Окончил философский факультет ЛГУ. Доктор философских наук, профессор, автор многих статей, книг, посвященных проблемам философии искусства в русской и европейской духовных традициях. Член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

*Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб —
я червь — я Бог!*

Г.Р. Державин

Тема космоса для русской православной духовности совпадает с судьбой творения. Тварная вселенная, имеющая свой бытийный центр в человеке — таков религиозно-философский горизонт этого вопроса в России.

Космический масштаб человеческого существования заявлен, как известно, уже во второй главе Книги Бытия, где Адам призван дать имена всем зверям полевым и птицам небесным¹. Между Богом, человеком и миром устанавливается сущностная связь, не прерываемая даже грехопадением. По словам апостола, «тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих»². Космический статус человека есть прямое выражение его *онтологической центральности* в мироздании. В феномене человека символически представлены все его уровни — от богоподобного до ничтожного. Все, что есть на небе и на земле, имеет в человеке свое метафизическое соответствие, и потому судьба мира есть в конечном счете судьба антропологическая: как распорядится человек, так и будет.

Высота духовного чина тварного космоса подчеркнута в пра-

¹ Быт. 2,19.

² Рим. 8,19.

вославию таинством Евхаристии, где хлеб и вино (типично космические символы) пресуществляются в тело и кровь Христовы, преподаваемые всем крещеным мирянам — а не только клиру, как в католичестве. Православная Церковь освящает воду, злаки и плоды. Христиане хоронят своих усопших в земле, запечатывая гроб до второго страшного пришествия Христова, когда мертвые встанут из могил не чистыми духами, а *телесно*. Если, к примеру, буддисты рассматривают физическую структуру мира как иллюзию, майю, которую следует преодолеть в нирване, а тело сжечь в огне, то православие *любит* телесный космос как Божие произведение, на котором лежит его благодать. У одного из основоположников православного исихазма св. Григория Синаита читаем: «Совершающий в духе восхождение к Богу как бы в некотором зеркале *созерцает всю тварь световидною*, то ли в теле, то ли вне тела, пока какое-нибудь препятствие, возникающее в это время, не заставит прийти в себя»³. «Неподобным подобием» этой световидной — райской — твари является любая православная икона, или сам храм как «корабль, плывущий по морю существования».

Таким образом, русский космизм как мировоззренческая, художественная и научная позиция имеет свой источник в мощной православной духовной Традиции. Если говорить о Новом времени, то вся поэзия А.С. Пушкина, к примеру, представляет собой религиозный акт *благодарения* — «глубокий вечный хор валов, хвалебный гимн отцу миров». Гениальную поэтическую формулу русского космизма дал Федор Тютчев:

*Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.*

Буквальное продолжение этой мысли мы найдем в философской прозе Ф.М. Достоевского: «Всякая-то травка, всякая-то букашка, муравей, пчела золотая, все-то до изумления знают путь свой, не имея ума, тайну Божию свидетельствуют, непрерывно совершают ее сами. Все создание и вся тварь, каждый листик устремляется к Слову, Богу славу поет»⁴. Со своей стороны, Лев Толстой эпически описывал Войну и Мир именно как вселенский *хор* одушевленных и неодушевленных существ, образующих собой многоголосое и вместе с тем согласное и стройное звучание.

Особую главу в русском космизме представляет собой так называемая «софиология». В концептуальном плане она близка евро-

³ Житие преп. Григория Синаита. М., 1904. С. 51.

⁴ *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы // Полн. собр. соч. Л., 1976. Т. 14. С. 267.

пейскому романтизму, с той, однако, существенной разницей, что идея Софии-Премудрости развивалась русскими мыслителями на почве православной мистики, а не протестантского рационализма. У Владимира Соловьева, например, София есть замысел Божий о творении, душа мира, осознающая себя в человеке, в то время как в германском идеализме в человеке осуществляет себя сам божественный разум. Во многом Соловьев предвосхитил современную идею коэволюции — совместного развития природы и культуры на почве общего их метафизического истока. Если на Востоке, с точки зрения Соловьева, преобладает традиционно-страдательный (пассивный) тип подчинения человека природе, а на Западе, наоборот — «фаустовское» завоевательно-победительное начало, то единственно в православии утверждается идеальное состояние природы — такое, каким оно должно стать через человека⁵. У о. Павла Флоренского и о. Сергея Булгакова образ Софии расширяется до пределов всего космоса, так что Булгаков даже называет свое учение «христианским материализмом», вплоть до эстетических и эротических аспектов последнего. В этом же ключе развивается о. Сергием Булгаковым «Философия хозяйства», задача которой состоит именно в обосновании *любовного выхаживания* природы со стороны человека, а вовсе не «питания» ее в целях грубого корыстного использования. Наконец, уже в советское время крупнейший русский мыслитель XX века А.Ф. Лосев разрабатывал всесторонний религиозно-философско-культурологический синтез указанной темы. Я приведу здесь только один образец его полемики с позитивистским сознанием по поводу видимой «картины мира»: «Кто во что влюблен, тот и превозносит объективность соответствующего предмета своей любви. Вы влюблены в пустую и черную дыру, называете ее «мирозданием», изучаете в своих университетах и идолопоклонствуете перед нею в своих капищах. Вы живете холодным блудом оцепеневшего мирового пространства и изувечиваете себя в построенной вами самими черной тюрьме нигилистического естествознания. А я люблю небушко, голубое-голубое, родное-родное, синее-синее, глубокое-глубокое, ибо и сама мудрость, София, Премудрость Божия голубая-голубая, глубокая-глубокая, родная-родная. Ну, да что там говорить...»⁶

Так или иначе, космическая составляющая может быть выделена почти во всех направлениях русского миропонимания. Философия, искусство и наука в этом пункте безусловно поддерживают друг друга. Особенно характерна в этом плане культура Серебряного века. Один из основателей отечественного символизма, В.Я. Брюсов, поэтически выразил в свое время не что иное, как теорию *иерархически устроенного космоса*:

⁵ См.: Соловьев В.С. Собр. соч.Т. 1. М.,1988. С. 427.

⁶ Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Из ранних произведений М., 1990. С. 530.

*Быть может, эти электроны —
Миры, где пять материков.
Искусства, знанья, войны, троны
И память сорока веков.*

*Еще, быть может, каждый атом —
Вселенная, где сто планет:
Там все, что здесь, в объеме сжатом.
Но также то, чего здесь нет.*

*Их меры малы, но все та же
Их бесконечность, как и здесь...*

Сколь ни фантастична эта картина, ничто не мешает ее логически (и физически) мыслить. Согласно теории Большого Взрыва (в концепции креационизма — это акт творения), при возрасте нашей вселенной в 10^{23} секунды ее размер равнялся примерно 10^{23} сантиметра (диаметр атомного ядра). Более того, масштабы *макромира* (к примеру, человеческого тела) обладают приблизительно теми же степенями превосходства над масштабами *микромира* (например, того же электрона), какими *мегамир* (например, галактика) превосходит человека. Все сказанное является отчетливой естественнонаучной параллелью идеи *метафизического соответствия* природы и человека (на языке современной космологии это называется антропным принципом). Выше я уже говорил о религиозных корнях такого воззрения — теперь следует остановиться на его цивилизационных и даже технологических выводах.

Самым решительным сторонником космизма как «общего дела» в России был, конечно, Николай Федорович Федоров. Скромный библиотекарь-аскет создал всеобъемлющую теорию, согласно которой человечеству во избежание Апокалипсиса необходимо с помощью интегральной науки воскресить умершие поколения («отцов»), и бежать вместе с ними от новоевропейского (новоязыческого) буржуазного уклада на другие планеты⁷. Его концепцию продолжил К.Э. Циолковский, преддрекавший эволюцию человечества по направлению к «единому виду лучистой энергии», что принесет ему, по мнению этого учителя из Калуги, нескончаемое счастье. Пророчества Циолковского простирались до того момента, когда «люди посетят и изучат все планеты, несовершенные миры ликвидируют и заменят собственным населением. Окружат солнце искусственными жилищами, заимствуя материал от астероидов и планет»⁸. Как у Федорова, так и у Циолковского имел место несомненный сдвиг в сторону проективного

⁷ С христианской точки зрения, подобная концепция есть требование бессмертия для грешной плоти.

⁸ Циолковский К. Монизм Вселенной // Антология русского космизма. СПб., 1995. С. 41.

конструирования космоса, своего рода космического дизайна, подчас прямо с нехристианским титаническим пафосом. В определенных отношениях эти ветви русского космизма идейно соприкасались с теософским наследием Елены Блаватской и оккультизмом Н. и Е. Рерихов, перекликавшихся, в свою очередь, с мистической антропософией Р.Штейнера. Парадоксальным образом почти все указанные течения пересеклись в первой четверти XX века в творчестве (и в самой личности) главного теоретика русского символизма Андрея Белого. Вот характерный фрагмент его размышлений 1921 года: «Тело телес наших — звездно. Оно — всюду и зримо только внутренним зрением. Силовой организм возводится к организму из света; из светочей сотканы силы; они — светосилы; из сил соткан мир»⁹. Коперник грядущих столетий докажет: то, что мы живем в вещественном теле, есть лишь «болезнь», иллюзия нашего сознания¹⁰.

При всей мистической заманчивости подобных утверждений, они представляют собой типично оккультное истолкование фундаментальных христианских истин. Согласно современным физическим представлениям, в нашей вселенной вещества примерно в миллиард раз меньше, чем излучения, да и сами вещи (рождающиеся в процессе саморазличения квантового вакуума) трактуются как непрерывная реализация возможностей электронных состояний атомов¹¹. С позиций православного вероучения, подобное состояние материального мира, произведенного Богом из ничего, есть отнюдь не иллюзорное, а именно закономерное положение твари в условиях первородного (и личного) грехопадения. Взгляды отечественных космистов-«энергетиков», от Циолковского до Белого, по существу представляют собой разновидность древнего гностицизма, согласно которому «частицы божества» (пневматики) заключены в материальную тюрьму враждебного им начала, откуда они должны бежать всеми доступными им способами. С этой точки зрения, приход Спасителя в мир не только не улучшил, но наоборот, ухудшил его, так как способствовал указанному отрицательному онтологическому исходу.

Своего высшего развития эта вторая — условно говоря, мистико-технологическая — линия русского космизма достигает у В.И. Вернадского и в учении Рерихов. В первом случае мы имеем дело с дифференциацией научного знания, во втором — с интегральной внеконфессиональной проповедью. Николай и Елена Рерихи стали основоположниками оккультной школы мысли, обещающей своим adeptам «чудесный ключ от Врат сокровенных». Вы не знаете границ вашего духа — пишет Рерих; «не знаете, через какие пре-

⁹ Белый А. Утопия // Антология русского космизма. СПб., 1995. С. 433-437.

¹⁰ Идею «звездного» состава человека разделяли с Андреем Белым и другие отечественные модернисты первой трети XX века — например, Малевич и Татлин с их проектированием «виртуальных» летательных аппаратов («летатлин» и др.).

¹¹ См.: Бернал Дж. Возникновение жизни. М., 1969. С. 213.

пятствия возносит вас собственный дух, чтобы опустить на землю невредимыми и вечно обновленными... Поэтому расширяйте сознание ваше путем очищения от губительных маленьких мыслей, от обычности, от стандарта. Маленькие мысли — достояние рабов. Будьте царями духа и раздвигайте пределы мышления вашего вплоть до планетарного»¹². Нет в космосе рычага сильнее мысли, насыщенной психической энергией. Единственное, что привлекает авторов подобных призывов — это *сила*, магическая власть над землей и небом, люциферианское могущество. Следует помнить, что Люцифер в переводе на славянский — это Светоносец, Денница, звезда вечерняя и утренняя, падшая в искушении с неба и увлекшая за собой до трети ангелов и значительную часть людей. На этом пути нет различения духов — наоборот, есть тождество просветления и наваждения, падения и полета.

По форме далекую, но по существу близкую к рериховской позиции теорию космического *ноогенеза* сформулировал Владимир Вернадский — при том, что Рерихи жили в эмиграции, а академик Вернадский был общепризнанным авторитетом советской науки. Ключевая идея Вернадского — это учение о ноосфере как области воплощенного общечеловеческого разума, обретающего сверхпланетарные масштабы. По образованию Вернадский был геохимик, поэтому его трансцендирующие проекты направлены, так сказать, снизу вверх — от тяжких вещественных «планов бытия» ко все более утонченным квазиматериальным носителям разума. «Впервые в истории — писал Вернадский — человечество становится мощной геологической силой. Перед его мыслью и трудом становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого»¹³. В условиях геополитического господства СССР эта доктрина трактовалась как космологическая сторона коммунистического мировоззрения, в то время как в современных условиях она может квалифицироваться как интеллектуальный аспект мондиалистского «нового мирового порядка». К сожалению, из поля зрения Вернадского (как, впрочем, и Циолковского, и Рерихов) практически полностью выпала проблема *религиозного качества* (духовного выбора) космического ноогенеза. Между тем разум (мысль как энергетический источник) сам по себе может служить самым различным метафизическим целям — прямо говоря, как Богу, так и сатане. *Трагедия духа в мире разума* — это фундаментальная проблема человечества (как и отдельного человека) на пороге третьего тысячелетия христианской эры. Вселенский масштаб деятельности современного Homo Sapiens, помноженный на его греховную волю — вот что составляет ныне камень преткновения для всякой космологии, не отделяющей

¹² Письма Елены Рерих // Сердце Азии. Приложение № 1. М., 1993. С. 7-8.

¹³ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. 1988. С. 509.

правого от левого и верха от низа. Достаточно сказать, что половину информации, циркулирующей по спутниковым каналам Интернета, составляют сообщения порнографического характера, а электронное и биологическое клонирование любой человеческой особи (киборг) грозит в недалеком будущем осуществить предельную цель «грешного бога» — получить в свое распоряжение вечность.

Не следует, однако, думать, что в XX веке русская мысль полностью распрощалась с образом мира как любимого (хотя и согрешившего) творения Божия, ради которого он не пожалел собственного Сына. Наоборот, на фоне технологических достижений современных людей — вплоть до атомной бомбы, сияющей ярче тысячи солнц — еще более возросла значимость православного мировидения как единственной духовной защиты, способной уберечь нас от внутренней и внешней катастрофы. Совершенно прав наш великий современник архиепископ Сан-Францисский Иоанн (по рождению князь Дмитрий Шаховской), писавший в 1965 году, что «дар науки и техники — это помощь земной жизни. Но искусственные спутники земли, ракеты и вычислительные машины не есть еще прогресс добра, доброй воли и правды. Мы знаем — пользуясь усовершенствованной техникой, люди умерщвляли миллионы других людей. Польза техники всегда будет определяться уровнем нравственности. И научное достижение, не сопровождаемое равным ему достижением духовной ответственности человека, будет обращаться в оружие, несущее страдание и гибель»¹⁴. Американские «томагавки» с космическим наведением, несущие смерть православной Сербии — яркое тому подтверждение.

Истинно христианская версия космической темы дана в XX веке в трудах выдающего авиаконструктора Игоря Ивановича Сикорского. Этот «отец» русской (и во многом американской) авиации, награжденный государем Николаем Вторым почетным орденом Империи, был глубоко верующим православным человеком. Более того, он был духовным сыном архиепископа Иоанна (Шаховского). Именно по приглашению Сикорского будущий архиепископ Иоанн прибыл в Америку, где занял архиерейскую кафедру. В дальнейшем из-под пера Сикорского выходят несколько замечательных религиозно-философских православных книг, где глубинное проникновение в метафизику бытия сочетается с профессиональным знанием в области естественных наук: «Молитва Господня», «Невидимая встреча», «Эволюция души».

Во всех этих работах Сикорского занимает внутренняя таинственная связь между духовным миром Бога и человека и законами вселенной. «Я твердо верю, что идея Неба и Царства Небесного, кроме того, что они относятся к состоянию ума и тесной связи между

¹⁴ *Архиепископ Иоанн (Шаховской)*. Биосфера и ноосфера // Избранное. Петрозаводск. 1992. С. 453.

человеком и его Создателем, имеет совершенно конкретное наполнение, отсылая к территории Небесного Царства, которое есть вся вселенная»¹⁵. Наряду с этим, в отличие от того же Циолковского или Вернадского, Сикорский нигде не отождествляет естественное и сверхъестественное, соблюдая в этом принципиальном вопросе тонкий духовный реализм, свидетельствующий о высоте и зрелости его религиозного опыта. «В начале сотворил Бог небо и землю» — вот ключевые слова Книги Бытия для автора «Эволюции души».

Чрезвычайно плодотворен, на мой взгляд, основной метод религиозно-философского мышления Сикорского — символическая аналогия. Бог есть свет, и нет в нем никакой тьмы. И.И. Сикорский развивает эту мысль путем указания на бесконечность света и конечность тьмы в видимом творении. Реальность света в мире звезд и галактик решительно превосходит паразитическую реальность тьмы. Понятие бесконечной тьмы не имеет физического смысла, так как тьма не имеет собственного онтологического источника. Кроме того, эта якобы бесконечная тьма находится буквально под рукой — достаточно, например, спуститься в погреб. Высшего света, в отличие от тьмы, человек в своем падшем состоянии вынести не может. То же самое — относительно температуры. Выражение «миллион миллионов градусов» имеет конкретное астрофизическое значение, тогда как нижняя шкала температур ограничена так называемым «абсолютным нулем» ($-273\text{ }^{\circ}\text{C}$). Все это значит, что тьма и холод близки на Земле к своему пределу, в то время как свет и тепло только слегка касаются ее. Мы живем на маленькой планете на краю галактики, однако Солнце все же заботится о нас, не отпускает Землю далеко от себя. Постоянно подчеркивая, что «мы пытаемся постичь вечное с позиций временного и относительного»¹⁶, Сикорский вместе с тем находит удивительно емкие сравнения (символы) между тем и другим. Так, например, если представить себе, что Солнце удерживает около себя Землю на стальной проволоке, то диаметр этой проволоки должен быть примерно равен диаметру всего земного шара. Между тем материального носителя гравитации так до сих пор и не обнаружено...

Подводя итог всему сказанному, можно утверждать, что в трудах Игоря Ивановича Сикорского произошло в высшей степени знаменательное совмещение православной веры и научного видения творения. Не следует думать, что религия, философия и наука несовместимы между собой: это всего лишь выдумка европейского позитивизма XIX столетия. В отличие от утопическо-технологической линии Федорова — Циолковского — Вернадского (равно как и от оккультной тенденции Блаватской — Белого — Рерихов), Сикорский в качест-

¹⁵ Сикорский И.И. Эволюция души // Вестник Русского Христианского Движения (РХД) № 141. Париж — Нью-Йорк — Москва. 1984. С. 112.

¹⁶ Там же. С. 113.

ве верного сына православной Церкви подтвердил глубинную связь между религиозно-онтологическим состоянием мыслящего духа и его космическими плодами. Для него было ясно, что «человек должен идти вперед, не забывая о нравственной эволюции своей личности. Забывая об этом, человек вступает в противоречие с одним из фундаментальных законов мироздания, и эта ошибка может стать роковой»¹⁷.

Итак, в лице архиепископа Иоанна (Шаховского) и Игоря Сикорского русская православная цивилизация XX века имеет своих выдающихся представителей в сфере духовной космологии. Быть может, как раз по их молитвам именно с русской земли был выведен на орбиту первый искусственный спутник, а первым человеком в космосе оказался смоленский паренек Юрий Алексеевич Гагарин, воплотивший в своей личности лучшие качества православно-русского духовного типа.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

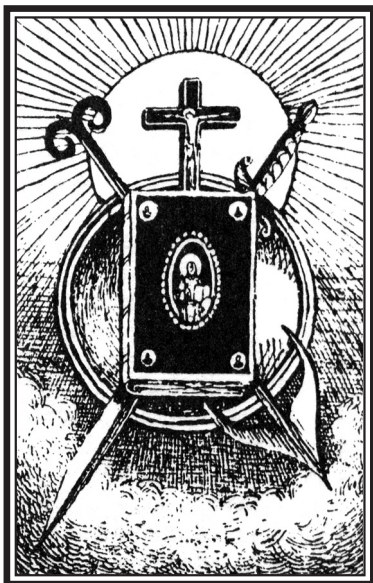
ПАСХА
ХРИСТОВА

фоторепортаж
Людмилы
Ивановой

¹⁷ Сикорский И.И. Эволюция души // Вестник Русского Христианского Движения (РХД) № 141. Париж—Нью-Йорк—Москва. 1984. С. 100.

ДОСЬЕ

Кавад РАШ

ЯДЕРНАЯ СТРАЖА

Кавад Багирович Раш — родился в 1936 году в Армении, в курдском селе Акко. С 1943 года обучался в русской школе в Кахетии. Окончил ЛГУ, факультет журналистики. Работал в Новосибирске журналистом. В Академгородке создал фехтовальную школу с целью органично соединить дух Царско-сельского Пушкинского лицея с лучшими традициями кадетских корпусов, где проработал 10 лет. Историк, публицист, секретарь Правления СП России, капитан 1 ранга запаса. **Живет в Москве.**

1. ГРОЗНЫЙ ГЛАВК

Накануне отправки на Ялтинскую конференцию, президент США Рузвельт наставлял свою делегацию, как вести себя со Сталиным, и требовал: «Дайте ему все что он ни попросит, и раньше чем он это попросит!». Сталин, вскормленный на масштабах мировой революции, «попросил» пол-Европы и получил ее. Но когда он уже вступил в войну с Японией, по просьбе американцев, и предложил союзному командованию учсть план Советской армии по оккупации северной части острова Хоккайдо, то получил от Трумена, сменившего Рузвельта, ледяной отказ.

Давать вчера пол-Европы, а сегодня в оскорбительной форме даже не обсуждать предложение о клочке японского острова?..

Ответ жесток и прост. У американцев уже есть атомная бомба. Янки испытали ее, когда союзники собрались на конференцию в Потсдаме. Превосходство в оружии исключает сантименты.

Суть не в том, что заимев север Хоккайдо, Россия делала самое богатое в мире Охотское море своим внутренним морем, и мимо Хокайдо получала доступ в открытый океан. Вчера Америка смирилась бы с этим, но атомная бомба кардинально изменила мир.

На следующий 1946 год Сталину пришлось, стиснув зубы, вывести наши войска из северного Ирана, который был незыблемой зоной влияния России с царских времен.

У США имелось к этому времени уже 30 атомных бомб. У нас — ни одной.

Но Сталин не был бы самим собой, если смирился с подобными обстоятельствами. Он мобилизовал на решение Атомного проекта ресурсы всей державы, хотя половина стра-

ны еще была в развалинах. Но дух победителей самой страшной в истории военной державы — нацистской Германии еще не остыл. А это был ресурс всех ресурсов. Фронтовики снова станут в строй. Но теперь они будут готовить полигоны для испытаний грозного оружия, охранять его и учиться эксплуатировать ядерные боеприпасы.

На этой суровой волне и возник 4 сентября 1947 года самый тайный и самый грозный на земле Главк — хозяин всего ядерного оружия России, оружия, способного много раз не только стереть с лица земли любую сверхдержаву, но даже испепелить весь земной шар.

4 сентября 2007 года 12-е Главное управление Министерства обороны РФ торжественно отметило свое 60-летие в главном зале воинской славы Храма Христа Спасителя.

12-й главк, назовем его «Ядерным», возник за год до испытания в СССР первого атомного заряда, и первый год именовался Специальным отделом Генерального штаба. Именно Специальный отдел Генштаба, ставший позже 12-м Главком, создавал первый ядерный полигон в Семипалатинской области, где в краю доблестных семиреченских казаков заново, после каторги — («Мертвого дома») зарабатывал офицерские эполеты Достоевский, там же он написал «Село Степанчиково» и замыслил сюжеты почти всех великих романов, начиная с «Преступления и наказания».

Начальником Специального отдела назначили легендарного генерала Виктора Болятко. Впоследствии в анналах 12-го Главка за ним закрепилось звание: «Первый атомщик Вооруженных сил», как и с генералом Николаем Павловичем Егоровым прочно связано определение: «Пионер эксплуатации ядерных боеприпасов». Н. Егоров, инженер «от Бога», стоял у истоков зарождения и становления системы эксплуатации ядерного оружия. Оба генерала Болятко и Егоров в 30-е годы были лихими кавалеристами. Обоих отличала высочайшая ответственность, внутренняя дисциплина и честность.

Ядерный 12-й Главк, родился вместе с атомным оружием.

Как только грозное «изделие» (так на языке ядерщиков называются ядерные боеприпасы) готово, кто-то должен его испытывать и эксплуатировать. Представитель того же Главка должен подготовить полигон к испытанию, и его же коллега повернет ключ, и раздастся первый в истории страны атомный взрыв. Произошло это в августе 1949 года на Семипалатинском полигоне. Взорвали бомбу РДС-1 мощностью около 20 Кт тротила. Кнопку тогда нажал Сергей Давыдов, ныне полковник в отставке, живущий в Москве. В сентябре 2007 года, в юбилейный для Главка месяц, С. Давыдову исполнилось 90 лет.

Но испытание, хотя явление грозное — оно только начало. Бомба никогда не спит и живет своей таинственной жизнью. Атомное «изделие» исключительно «физично», как говорят ученые. Бомба, быть может, по своим физическим параметрам — самое сложное изделие на земле. От офицеров Главка на всех этапах требовались высочайшие инженерные знания, дисциплина и интуиция. Именно люди Главка из военной приемки ведут бомбу от заводских цехов до объектов «С», где она хранится, следят день и ночь за ее состоянием и готовят к применению. Потому вряд ли есть в стране люди, которые заняты более ответственным и государственно значимым делом, чем безвестные народу офицеры грозного и важнейшего Главка державы. Именно офицеры Главка следят за состоянием каждого заряда, будь то

авиационная атомная бомба, ракета на подводной лодке или головная часть наземной или шахтной ракеты «Тополь-М» с разделяющейся головной частью (РГЧ).

Прежде чем заряды доставят в боевые порядки войск и силам флота, их хранят и готовят к эксплуатации в специальных помещениях. Для этого в сплошной горной скале в уральском Заполярье или в гранитах Кольского полуострова пробивали тоннели с высокими сводами, по сравнению с которыми даже метро игрушка. Поначалу тайные подземные города прорубали «зэки», подведомственные всемогущему маршалу госбезопасности Берии, который отвечал перед Сталиным за весь Атомный проект. Затем место заключенных заняли военные строители.

Эти скальные хранилища не может пробить прямым попаданием ни десятитонная фугасная бомба, ни атомный заряд. Вход в хранилище прикрывали многосложные двери из брони.

Первое время Главк выполнял роль второго эшелона в атомном противостоянии. Его назначение было готовить заряды к эксплуатации и хранить их. Но вскоре логика состязания с внешним врагом выдвинула Главк и на передний план борьбы. Офицеры Главка и готовили, и хранили заряды, и доставляли их в передовые части, и «привинчивали» к головной части каждой ракеты на суше и на море.

Здесь мы подходим к главному стратегическому свойству 12-го Главка Министерства обороны. Первыми носителями ядерных бомб стали бомбардировщики. На нашем Дальнем Востоке сделали вынужденную посадку американские бомбардировщики из класса аппаратов, которые янки использовали для удара по Хиросиме. Мы таких мощных машин не имели, хотя до войны не уступали в авиации Дальнего действия. Но перед войной Сталин не оценил Дальней авиации, посчитав ее обременительной роскошью. К началу атомной эры мы не имели самолета, способного поднять и доставить атомную бомбу.

Так вот, в 1945 году на нашем Дальнем Востоке приземлились четыре американских «летающих крепости» Б-29. У американского бомбардировщика четыре двигателя, каждый по две тысячи лошадиных сил. Прозорливый Сталин один из четырех Б-29 под разными предлогами не выпустил в США и велел скопировать его один к одному. Девятьсот предприятий СССР засадили за воссоздание лучшего в мире бомбардировщика. Эта грандиозная задача была выполнена, качественно усилив нашу авиационную промышленность и подстегнув инженерно-конструкторскую мысль. К испытаниям первой советской атомной бомбы носитель ядерного заряда был готов и получил название Ту-4. К середине 50-х годов СССР располагал уже 800 тяжелыми бомбардировщиками Ту-4. Никаких сантиментов. Захватили в открытую самолет союзника и скопировали. Сталин до старости не изменил своим юношеским склонностям к «эksam» (экспроприациям). Так или иначе, самолеты тяжелые у нас появились. А вот ракет межконтинентальных еще не было, а атомные подводные лодки к середине 50-х годов только готовились осваивать мировой океан.

Главк лучше других ведомств в стране был подготовлен к обеспечению и созданию «стратегических ядерных сил» (СЯС). Офицеры Главка уже на практике, по сути, со своего зарождения, не мыслили ядерной мощи родной страны без их единства на суше, в море и небе.

После распада СССР изменилась и география объектов Главка. Теперь мы располагаем единственным ядерным полигоном, он же, центральный, на Новой Земле. Гарнизон полигона со дня основания составляют моряки.

Сегодня в мире действует запрет на испытания ядерного оружия. Тем не менее, гарнизон живет напряженной жизнью. Совместно с учеными Росатома гарнизон полигона участвует в неядерно-взрывных экспериментах.

2. СТАНОВЛЕНИЕ

Для разработки и производства ядерного оружия было создано сверхмощное министерство со скромным и малозначимым наименованием, а именно — «Министерство среднего машиностроения». Первое время этот монстр — «Среднемаш» готовил бомбы к применению сам и имел свои воинские части для этих целей. Постепенно эти функции перешли в Министерство обороны. Слияние двух структур Министерства обороны и Минсредмаша произошло в 1958 году. С тех пор с каждым годом ядерный Главк укреплял свои позиции.

В 1959 году заместитель министра обороны по специальному вооружению маршал артиллерии Митрофан Неделин предложил министру обороны В.Я. Малиновскому слить Шестое управление Министерства обороны с 12-м Главком МО, сохранив за последним его наименование. Так 12-й Главк принял на себя ответственность за реализацию ядерно-технической практики в войсках (силах).

Отныне Министерство обороны могло проводить самостоятельную техническую политику в вопросах боевого применения ядерного оружия и защиты от его поражающего воздействия. В том же 1959 году маршал артиллерии Неделин возглавил основанные им же Ракетные войска стратегического назначения (РВСН).

В 1953-1959 годы шло бурное внедрение ядерного оружия и одновременно централизация его управления и применения. Войска начали учиться ведению боевых действий в условиях применения ядерного оружия, на чем настоял тогдашний министр Вооруженных сил маршал Г.К. Жуков.

Изготовление и внедрение новых ядерных вооружений и средств их доставки сотрясали до основания экономику великой страны, но чрезмерная секретность оставляла в неведении о подвигах офицеров, ученых и работников промышленности сами народные массы, не заряжая их гордостью за величие подвигов сограждан. Даже беглая хроника тех деяний потрясает величием достижений.

В 1955 году принят на вооружение первый советский тяжелый четырехмоторный бомбардировщик ТУ-95Ф, способный доставить ядерный заряд на территорию Соединенных Штатов Америки. Строго засекреченный после модернизации, он и сейчас стоит на вооружении нашей Дальней авиации.

Первые образцы ракетно-ядерного оружия приняты на вооружение в 1956-1959 годах. В 1955 году на вооружение принята ракета Королева Р-5. Автор ее существенно модернизировал, и его ракета Р-5М стала первой в мировой истории ракетой-носителем ядерного заряда. Она находилась на вооружении до 1968 года.

В августе 1957 года успешно испытана королёвская, первая в мире межконтинентальная баллистическая ракета. 4 октября 1957 она выведет на

орбиту на глазах ошеломленного мира первый в истории искусственный спутник. Эта же королевская «семерка» «Р-7» унесет в космос через четыре года Юрия Гагарина.

С середины 50-х в СССР идет бурное строительство атомных субмарин для океанского ракетно-ядерного флота.

Решение о строительстве первых центральных баз хранения ядерного оружия принято Советом министров еще в октябре 1950 года. Они должны были появиться на основных оперативно-стратегических направлениях вдали от крупных городов, преимущественно в Заполярье — ближе к Северному и Тихоокеанскому флотам, а главное ближе к США, которые были особенно уязвимы через Северный Полюс. Ударными темпами были рекогносцированы площадки под базы, которые именовались объекты «С» т.е. «секретные объекты». В составе каждого объекта «С» возводилась подземная производственная территория, жилой городок и перевалочная база. По штатам, ресурсам и мощности каждая база приравнивалась к воинскому соединению, т.е. дивизии. Ремонтные же базы соответствовали бригадам. Так, по существу, 12-й Главк приравнился к особому роду войск с ярко выраженной спецификой и боевым назначением.

Строительство двух первых объектов «С» завершили в 1955 году. Их начальниками были назначены решением Политбюро довольно крупные работники Госбезопасности.

17 сентября 1954 года принято считать днем открытия испытательного полигона на Новой Земле — «Объект 700». На первые испытания прибыл Главком ВМФ адмирал С.Г.Горшков. Первый подводный ядерный взрыв произведен на Новоземельском полигоне 21 сентября 1955 года.

В некоторых отношениях 12-й Главк развивался как особая закрытая цивилизационная система со своими порядками, традициями, специальными хранилищами, особыми механизмами и специальным транспортом. Для него изготовили специальные автомобили с отапливаемыми металлическими кузовами для перевозки ядерных зарядов. Со сборочных заводов для перевозки ядерных боеприпасов сделали изотермические вагоны грузоподъемностью в десять тонн и с внутренним микроклиматом. В состав Главка входят и другие уникальные военные организмы.

4-м марта 1954 года можно датировать начало создания службы специального контроля (ССК). Служба специального контроля создана для наблюдения за испытанием ядерного оружия на иностранных полигонах. Для ее создания задействовали четыре отряда ОСНАЗ, которые базировались в разных местах нашего Дальнего Востока, чтобы фиксировать американские ядерные взрывы. Со временем, расширившись, Служба Специального контроля стала составляющей 12-го Главка. Станции ССК расположены по периметру всех границ России и чутко прослушивают весь земной шар.

В том же 1954 году началось серийное производство ядерных боеприпасов РДС-3 и РДС-4.

Но наше отставание от США все еще было удручающим. К примеру, к 1956 году у США было на вооружении 3700 атомных боезарядов, у нас не более 100 единиц.

Даже в 1962 году, во время Карибского кризиса, мы сделали отчаянный, в духе Хрущева, бросок на Кубу с ядерными ракетами (операция «Анадырь»). Мы уступали США в ядерных боезарядах как 1 к 17! И чтобы

привести нашу ракету к боевому применению, надо было затратить один час и двадцать минут. Между тем, как подлетное время американских бомбардировщиков равнялось 20 минутам. Мы могли не успеть произвести ни одного выстрела. Хрущеву видимо кружили голову несколько наших первых баллистических межконтинентальных ракет в Плисецке. Но при соотношении 1:17 янки могли стереть с лица земли и Кубу, и Плисецк, как минимум. Однако богатым, сытым и цветущим США эта ядерная перебранка была ни к чему. Думается, именно за свой «большевистский задор» на Кубе Хрущев через год поплатился властью.

Вне зависимости от рискованных и порой сумасбродных действий политиков, военные во время Карибского кризиса с честью выполнили свой долг. Безукоризненны были действия офицеров 12-го Главка. Командовал советскими войсками на Кубе один из известных военачальников времен Отечественной войны, генерал армии Плиев. Среди окружавших Плиева генералов едва ли не самой важной фигурой был скромный полковник Н.К. Белобородов — представитель ядерного Главка. Его офицеры сумели доставить через Атлантику ядерные заряды, обеспечив их боевое применение. Позже Белобородов закончит свою карьеру генерал-лейтенантом и заместителем начальника Главка. Во время Карибского кризиса Главк впервые проявил свою мощь и самостоятельность.

Карибский кризис только подстегнул американцев, и в 60-е годы у них начался бурный расцвет ракетно-ядерной техники. Они первыми создали боеголовки с разделяющимися головными частями (РГ) и многое другое.

После снятия (1964) Хрущева, последующие 20 лет страна переживает самое героическое время в XX веке после Отечественной войны. За эти годы СССР добьется паритета с США в ракетно-ядерном деле и построит самый мощный в своей истории океанский флот. К примеру, Россия вступила в Первую мировую войну в 1914 году, уступая «владычице морей» Великобритании в боевом тоннаже в семь раз. В 1991 году перед «беловежской баней» и расчленением СССР, мы превосходили недостижимую для нас двести лет на море Англию в боевом тоннаже в десять раз!

Достигнув паритета с Соединенными Штатами накануне появления у власти Горбачева, мы одновременно исполнили вековую мечту России, пробив параллельный путь к океану и создав грандиозную Байкало-Амурскую магистраль. Это героическое время почему-то называли «застоем».

3. АСКЕТИЗМ — ОСНОВА КУЛЬТУРЫ

Вскоре после Отечественной войны в создаваемые первые ракетные бригады и будущий 12-й Главк стали отбирать цвет фронтового офицерства. Отбор был строжайший. Причастность к сверхоружию требовала особых свойств характера. ГосТайна формировала всю жизнь офицерства. Требовались строжайшая самодисциплина, готовность к лишениям, честность и подвижническая аскеза. Когда смотришь на групповые фотографии офицеров Главка, где строго и прямо смотрят стройные мужчины с боевыми орденами на груди, кажется, перед тобой люди исчезнувшей великой породы и до конца осознаешь, что действительно, **аскетизм — основа любой культуры**, и, прежде всего, культуры военной и военного дела вообще. Все лучшее в человеческом обществе создано подвижниками аскетического типа.

Не случайно офицерское служение чаще всего сравнивают с монашеским, с его дисциплиной, иерархией, духовностью и послушанием. Последнее сродни военному приказу. Святые отцы даже говорят «послушание выше святости».

Главк, это сугубо офицерская корпорация. Потому офицер Главка в новых обстоятельствах демократической России служит полноценно, так как знает, какую историческую миссию перед Родиной выполняют Вооруженные силы и ее офицерство.

Весь XX век бесспорно является веком офицерским. Он вобрал в себя две страшные мировые бойни, а для России еще Японскую войну, затем гражданскую братоубийственную резню, Финскую кровавую кампанию, и завершился Великим Афганским Походом. Таковым он воспринимается в сравнении с вторжением американцев в Ирак и Афганистан. Добавьте к самому концу века беспримерное боевое подвижничество российских офицеров в военных кампаниях на Кавказе.

Таково время офицеров для России в XX веке. Именно офицеров, ибо он, офицер, по Суворову, — «сердце армии».

Ни один наш писатель не осмыслил два великих фактора века. Во-первых, практически, сто процентов офицеров в Отечественную войну были выходцами из народа. Из десяти командующих фронтами в 1945 году восемь — чисто крестьянские дети, во главе с Жуковым.

Второй фактор в том, что все без исключения офицеры Отечественной войны были подготовлены русскими офицерами еще императорского производства. Тысячелетняя боевая и духовная связь времен была сохранена. У большевиков, как известно, к 1917 году не было своих офицеров. Все офицеры 12-го ядерного Главка — выходцы из того же простого народа. Известно, что без офицера ни одна рота под пулями не поднимется в атаку. В среднем, жизнь фронтового лейтенанта длилась одну атаку. По безжалостной военной статистике — 1,1 атаки.

Один из самых заслуженных и типичных офицеров 12-го Главка, Алексей Иванович Смирнов, отдавший ядерному Главку 25 напряженных лет, видимо, относился как в советско-финскую, так и в Великую Отечественную войну к тем лейтенантам, которые жили больше одной атаки на десятую долю процента. Он закончил две войны с четырьмя ранениями, выжив в самых кровавых мясорубках. За всю Отечественную войну на всех фронтах выделялись два самых кровавых участка — это Мамаев Курган в Сталинграде и Невский Пятачок под Ленинградом. Смирнов выжил даже на Невском Пятачке.

В 1954 году его вызвали в ЦК партии из Высшего Ростовского инженерного училища Ракетных войск и назначили руководителем объекта «С» в Министерстве среднего машиностроения, где его принял сам министр Авраамий Павлович Завенягин.

Смирнову было поручено построить в Уральском Заполярье подземный объект «С», т.е. секретный, и организовать на нем эксплуатацию ядерного оружия. Энергия, деловитость и строгая преданность делу сделали Смирнова авторитетным офицером 12-го Главка. Позже его назначали на самые ответственные посты в Главке. Он руководил и Семипалатинским полигоном. Вспоминая свои действия на объекте «С», он напишет, «к этой работе мы допускали специалистов высшей квалификации, так как помимо ответствен-

ности и абсолютной честности требовалась ювелирная квалификация». Речь идет о регламентной работе над ядерными авиабомбами. Здесь характерно определение «абсолютной честности», ибо только на честности достигаются победы в бою и строятся государства и уникальные Главки. А здесь без аскетизма не обойтись. Завершил свою службу в 12-м Главке Алексей Смирнов начальником Семипалатинского полигона и в звании генерал-лейтенанта. Ныне он руководитель группы советников начальника 12-го Главного управления Министерства обороны Российской Федерации.

Из общего числа 456 ядерных взрывов на Семипалатинском Полигоне было проведено 340 ядерных взрыва под землей горного массива Дегелен. На долю Смирнова приходится 78 испытаний. Вдоль левого берега Иртыша вырос город испытателей, которому дали имя «Курчатов». В 1978 году на полигоне был открыт памятник Игорю Курчатову.

На Тихоокеанском флоте первым начальником отдела Специального вооружения флота стал Герой Советского Союза А.И. Кисов. Командовал 11 лет. Первый ядерный боеприпас поступил на ТОФ в 1957 году и предназначен был для авиабазы.

Первая база ядерного оружия на Северном флоте начала действовать в 1958 году. Первая ядерная база с пунктом выдачи оружия на корабли сформирована в январе 1960 года. Приказом Главкома ВМФ адмирала С.Горшкова 15 февраля 1961 года командиром этой базы назначен Герой Советского Союза Б.Т. Павлов. В войну он командовал звеном торпедных катеров.

Первая авиационная атомная бомба РДС-3 поступила на Балтийский флот в 1956 году. Первую морскую базу ядерного оружия на Балтике создали в Лиенае (Либава до 1917 г.).

Первые смертельные риски во время испытаний выпали на долю летчиков. После ядерных взрывов их самолеты садились с облеслой и висящей лохмотьями краской на корпусе. Во время испытаний на Новой Земле самой мощной в мире термоядерной бомбы в 50 Мт в кабине летчиков, задрапированной черной плотной тканью, было светло, как в солнечный день. Тогда ядерная волна трижды облетела вокруг земного шара. Выражение «испытатель — профессия героическая» была в будничном обиходе даже среди самих испытателей ядерного оружия.

Нам сейчас трудно понять это подвижническое аскетическое поколение, которое было счастливо причастностью к великой тайне государства и к великому сверхоружию.

70-е годы были периодом наибольших усилий страны в создании и накоплении всех видов вооружений. В этот период СССР добился примерного равновесия с США в ядерном вооружении. Теперь на первое место выдвинулась проблема устойчивости баланса ядерных сил по отношению к возможностям средств первого удара и обеспечению гарантированного ответного удара. Необходимо было в любых условиях обстановки быть готовым к доставке в войска в установленные сроки ядерных боеприпасов, а с другой стороны, обеспечить их сохранность.

Решение этих задач связано с именем Героя Социалистического Труда маршала артиллерии Е.В. Бойчука, назначенного начальником 12-го Главного управления Министерства обороны в феврале 1974 года. Бойчук стал инициатором реорганизации ядерного обеспечения Вооруженных Сил. Вы-

росли статус и эффективность ядерного Главка. По сути, был создан новый род войск, основной задачей которого была эксплуатация, доставка и выдача ядерных боеприпасов войскам и силам флота в любых условиях складывающейся обстановки. И все же Россия выдерживала и более трудные испытания. Нет сомнения, что и с современными проблемами она достойно справится. И, как мы видим, справляется уже.

4. ТРИ «К» — КУРЧАТОВ, КЕЛДЫШ, КОРОЛЕВ

Когда-то главный маршал артиллерии В.Ф. Толубко, многолетний Главком Ракетных войск стратегического назначения, заметил: «На каждой межконтинентальной ракете должно быть выведено три буквы «К» — «Курчатов, Келдыш, Королев». Тем самым Толубко навсегда как бы хотел исчерпать всякие спекуляции позднейшие по поводу первенства и приоритетов. Игорь Курчатов — общепризнанный отец всего российского ядерного оружия. Он физик-теоретик и великий практик. Отец нашей ракетной техники — бесспорно, Сергей Королев. Отец бывает только один. Двух отцов родных в природе не бывает. Мстислав Келдыш — глава всех теоретиков. Эту триаду каждый офицер должен усвоить твердо и навсегда, воздавая должное и другим труженикам атомно-ракетного проекта.

В мирные годы нигде так ярко не проявил себя XX век — век офицерский, как в ядерной и аэрокосмической среде. Прорыв в космос, по преимуществу, дело русских офицеров. Когда в 1945 году Королев приехал в Германию для охоты за наследием Вернера фон Брауна и его ФАУ-2, на плечах недавнего колымского зека мерцали подполковничьи звезды.

Кузнецов, Бармин, Пилюгин, все трое — будущие Главные конструкторы, академики, генералы, тогда в Германии носили полковничьи погоны. Все, практически, космонавты-офицеры. Что до авиаконструкторов, то почти все выдающиеся конструкторы — Туполев, Лавочкин, Мясищев, Ильюшин и другие носили генеральские мундиры. Здесь дело не только в милитаризме режима, но и в древней традиции государства, столетиями воевавшего на три фронта и воспринимавшего себя военным лагерем.

Особая роль в государстве принадлежит так называемой «военной приемке». Название размытое и неопределенное. На самом деле это сугубо офицерская приемка, ибо кроме офицеров там никто не служит.

Высокий уровень качества военной приемки и степень принципиальности приемщиков характеризует тот факт, что предъявленные офицерам для проверки в 1951 году первые изделия РДС были забракованы. Это та «исключительная честность», о которой писал генерал А.И. Смирнов.

Особенно ярко качество офицерской приемки проявилось в наши дни, когда мы по договоренности с США взаимно уничтожали свои ракеты средней дальности. Американские ракеты то и дело в полете не взрывались. Когда пришла наша очередь взрывать в полете «Пионеры», делегация янки настроилась на злорадно веселый лад в ожидании и наших провалов. Но чем больше запускалось наших «Пионеров», тем мрачнее становились американцы. Они не дождались ни одной нашей бракованной ракеты. Мы уничтожали совершенное и лучшее в мире оружие. Дело в том, что и у американцев есть подобие военной приемки. Но они принимают, как правило, конечный продукт.

Насколько ошеломляющее впечатление произвели на американцев пуски наших ракет, убедился нынешний начальник ядерного Главка генерал-полковник Владимир Николаевич Верховцев. Один из американских наблюдателей даже через пять лет не мог скрыть свое волнение, рассказывая о потрясающей силе стрельбы ракетами 941-го проекта с борта подводного крейсера типа «Акула». С глубины пятьдесят метров, вздыбив море в небо, с ревом одна за другой уходили двадцать наших ракет. И ни одного брака. Уничтожение этих бесценных ракет было для наших специалистов почти непереносимым зрелищем.

Офицеры нашей приемки дежурят день и ночь, сменяя друг друга, и зорко следят за изготовлением ядерных зарядов. Такая же бдительность у нашей приемки во всех отраслях военно-промышленного дела страны.

Американцы, осознав это, признали, что мировым успехом своего оружейного дела русские в наибольшей степени обязаны своей военной приемке. Так «время офицеров» пронизывает все сферы жизни страны. Вот почему никакое гражданское общество не может состояться без славного офицерского сословия — стержня державы.

Существена роль военных и в непосредственном создании первой атомной бомбы в «Арзамас-16».

В 1942 году на стол Берии легло письмо с фронта, где некий капитан Г.Н. Флеров требовал немедленно создавать «урановые бомбы», иначе враг нас опередит. Шеф Лубянки уже с 1941 года знал, что американцы работают интенсивно над урановым проектом. Флеров оказался гениальным физиком, уже в 30-е годы сделавшим ряд открытий в ядерной физике. Позже он попадет в «Арзамас-16», станет академиком и трижды Героем Социалистического труда. После письма капитана Флерова с фронта были отозваны две тысячи физиков. В числе первых в «Арзамас-16» попал необыкновенно одаренный физик Евгений Иванович Забабахин. Перед войной он сделал в Военно-Воздушной академии имени Жуковского дипломный проект. Его руководитель не до конца понял идеи диплома, но интуицией почувствовал незаурядность работы и показал диплом физику Зельдовичу. Последний по окончании Академии немедленно взял офицера Забабахина к себе в институт. Забабахин тоже станет академиком и трижды Героем Социалистического труда. Он же создаст «Челябинск-70» в Снежинске, двадцать лет будет руководить им и сделает наибольшее количество разновидностей ядерных изделий; по продуктивности превзойдет «Арзамас-16».

По личному требованию Сталина к работе над конструкцией первой бомбы был привлечен генерал-полковник Духов, создатель сильнейшего танка начала войны КВ. Немцы называли этот тяжелый танк «духов — панцер». Духов тоже станет трижды Героем Социалистического труда.

Сталин дал согласие на испытание первой атомной бомбы, и Берия в августе 1949 года выехал на Семипалатинский полигон. До этого Лаврентий Павлович сказал с характерным акцентом физику Самвелу Качаряну, будущему дважды Герою Социалистического труда и академику:

— «Нэ получится — расстреляем!»

Берия явно нервничал. Он лучше всех знал, что в случае провала Сталин может пощадить ученых, как-никак бомба ему нужна во что бы-то ни стало, а вот главному надзирателю не избежать расправы.

К определенному дню узкоколейка не была проложена до конца по причинам, не зависящим от строителей. Берия принимал рапорт у генерала-строителя, стоя на подножке своего вагона. Разгневанный, он ударил сапогом в лицо докладывающему генералу-строителю, пожилому и заслуженному инженеру.

Ужас перед Сталиным нарастал, и Берия сказал ученым во главе с Курчатовым:

— «Нэ получится, всех в подвал спущу!»

Имелись в виду пыточно — расстрельные подвалы его страшного ведомства, на палаческом языке «тюрьподы».

Семипалатинский полигон шел под номером два и в обиходе именовался «двойкой». Наконец на «двойке» пробил час испытания.

Перед этим в Москве Курчатов долго молился перед иконой Божией Матери Одигитрии (Путеводительницы).

Тем августовским днем на полигоне были все: начальник «Арзамас-16» генерал Зернов, научный руководитель Харитон, Курчатов, Флеров и другие.

Теперь они с Берией и Курчатовым в одном блиндаже и ждут первого взрыва бомбы РДС-1 в 20 кт тротила.

Все в крайнем напряжении. Курчатов и Флеров понимают, что «изделие» может не сработать, и тогда вместо ядерного взрыва раздастся чуть слышный хлопок.

Берия кожей почувствовал сомнения ученых и мрачно изрек:

— «Ничего нэ получится...!»

Курчатов стал его разубеждать, но сам весь напрягся.

Время истекало.

Три секунды...две...одна — взрыв!

Курчатов, не выдержав, выбежал вон из блиндажа, не помня себя. Увидев вспышку и дымный гриб, уходящий в стратосферу, он раскинул руки и закричал:

— Вот она...!

Прямо на него, судя по прилегающей траве, неслась ударная волна. Флеров затащил Курчатова в блиндаж и захлопнул дверь. Курчатов попал в страшные объятия Берии, который радостно тискал его.

Успокоившись, Берия задумчиво заметил:

— «Было бы большое несчастье, если бы нэ вышло...»

Берия, выяснив, что взрыв не уступает американскому по мощи, бросился к телефону, чтобы доложить Сталину.

5. ВЕРА И ВЕРНОСТЬ

Под таким же прессом бериевского ведомства работала дружина Королева, совершенствуя носитель ядерного заряда, пока команда Курчатова готовила сам заряд.

Для самого Королева гнет Лубянки был почти привычен. Как-никак за ним были уже тюрьмы, лагеря и Колыма. На Бутырке Королеву сломали челюсть, а после пыток повредили шею, да так, что создатель звездных кораблей до конца жизни не мог поднять, как следует, голову и проводить глазами свои ракеты.

Так мы подошли к духовной основе ядерного Главка, уже шестьдесят лет безукоризненно служащего государству. Что давало им силы переносить суровые условия быта, перегрузки, напряжение и оторванность от очагов культуры? В чем черпали силы люди типа Курчатова? Почему и после пыток и унижений Королев с удесятеренной силой взялся за изготовление ракет? Не все утратили веру. Мы помним, как молился Курчатов перед иконой Одигитрии.

Но даже те, кто поддался атеизму, заменив веру социальными лозунгами, они все равно сохранили традиционную верность Отечеству. Патриотизм всегда был основой российского офицерства. Два века до 1917 года тоже были временем офицеров, хотя мы эти столетия называем «дворянскими». Но дворянство и офицерство, после Петра I, были на Руси почти синонимами.

Должны ли мы стыдливо и малодушно умалчивать о репрессиях и пытках. Нет. И тысячу раз нет...

Может это самое ценное и спасительное для будущей судьбы государства. Офицеры выдержали ниспосланное сверхиспытание, чтобы проявить сверхверность России.

Этого страшного и бесценного опыта лишен Запад.

Маршал Рокоссовский прошел через пытки и 24 июня 1945 года вопреки всему командовал парадом Победы на Красной площади.

Маршал Мерецков вел за собой на параде один из фронтов. Он тоже прошел через пытки, как и генерал армии Горбатов.

Каждый день в Арзамасе-16 проводили мимо монастырских стен (где молился преподобный Серафим Саровский) длинные и серые колонны угрюмых эзков — строителей ядерного центра. Такие же колонны эзков рубили в граните подземные хранилища для ядерных зарядов. Когда их миссия на сверхсекретных объектах закончилась, чтобы сохранить тайну, их отправляли на гиблую Колыму, откуда никто не вернулся.

И что же нам теперь стыдливо умалчивать о них? Ведь это братья по лагерям и несчастью того же Королева, Рокоссовского, Горбатова и тысячи других. Это не только эки, а и великомученики, прославление которых еще, быть может, впереди. Во всяком случае, эти сгинувшие на Колыме эки сегодня для нас более живые, чем «новые русские». По высшему счету все эти эки — достойные труженики великого ядерного Главка. Все кайла и тачки позолочены Богом, души их бессмертны, а стопы их сосчитаны.

С первого часа действия Атомного проекта его предводители с большевистским знанием природы власти не забыли своего главного соперника на земле, а именно Русскую Православную Церковь. Даже поверженная, с обезглавленными храмами, она тревожила сознание захвативших власть над Россией. Ядерное оружие, призванное вернуть власть над миром, они разместили в двух святынях России.

Саров в 1903 году при стечении миллиона богомольцев встречал императорскую семью во время канонизации преподобного Серафима Саровского, ставшего покровителем царской семьи.

Центральный военный научно-исследовательский институт 12 Главка по атомной энергии разместили в зданиях Гефсиманского скита, построенного в 1842 году при императоре Николае I в Сергиевом Посаде.

Так были напрочь перекрыты основные пути целых поколений, паломников.

При безмерных средствах, отпускаемых на Атомный проект, Кремлю ничего не стоило в укромном лесу построить ядерный центр и институт, и жилье для ученых атомщиков.

Но преподобный Серафим не давал покоя воинствующим безбожникам.

Сами атомщики-начальники были высокого мнения о своей миссии. По началу вместо скромного «Арзамас» предлагали наименование «Кремлев», или «Москва-300», но остановились на «Арзамас-16», куда Ю.Б. Харитон приезжал в вагоне убитого царя, подаренного ему Берией. По-видимому, работа над оружием невиданной доселе мощи волновала не только умы, но и души ученых. Заслышав в беседе слова «слава Богу» или «не дай Бог», Евгений Забабахин со смехом прерывал говорившего словами: «Простите, но мы по другому ведомству».

Но Бог поругаем не бывает, а зло действительно лишено бытийности. Где теперь Берия и его заплечных дел подручные? Они вместе с шефом провалились в преисподнюю, а Королев и Курчатов окружены народным почитанием.

Не боясь тавтологии, можно сказать: Главный Главк страны — держатель всего ядерного оружия державы отмечает свой 60-летний юбилей в главном зале воинской славы Храма Христа Спасителя, храма, посвященного победе русского воинства в 1812 году, а значит, прежде всего, победе русского офицерства. Знаменательно, что главный храм страны, по-существу — воинский собор. Ядерный Главк уже получил приветствие Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, в котором сказано «Отрадно отметить, что несмотря на все трудности, по Вашей инициативе в закрытых городах создаются условия для возрождения основ духовной жизни, возводятся православные храмы и часовни, а в Сарове — центре ядерного оружейного дела, восстановлена всероссийская святыня — первый в мире храм во имя преподобного Серафима Саровского. Так пусть же он отныне будет небесным покровителем всех вас и ядерного оружейного дела в целом».

За 60 лет, пройдя путь от Специального отдела Генерального штаба до центрального органа военного управления, 12-е Главное управление Министерства обороны объединило в единое целое воинские части, научно-исследовательские учреждения, полигоны, учебные центры и материально-технические базы. Как составная и неотъемлемая часть Министерства обороны Российской Федерации, оно является, по-существу, связующим звеном между Росатомом и Вооруженными силами, обеспечивает эксплуатацию практически всего запаса ядерных боеприпасов, изготавливаемых на предприятиях Росатома, подачу их во все виды и рода войск Вооруженных Сил.

Убедительным подтверждением значимости 12-го Главка является установление профессионального праздника специалистов по ядерному обеспечению, который указом Президента Российской Федерации от 31 мая 2006 года отмечается ежегодно 4-го сентября.

Ядерный Главк знал и свои трудные времена, но благодаря мужеству и стойкости своего руководства и его тогдашнего начальника генерал-полковника И.Н. Вальнкина, твердо поддержанного Генеральным штабом Вооруженных Сил Российской Федерации, ядерный Главк не только сохранился, но и значительно окреп. Ядерный Главк не отворачивался и от запросов

родной страны. Во время катастрофы в Чернобыле его научно-исследовательский институт внес серьезный вклад в разработку программ защиты от радиации. Горячей порой для Главка стал период после распада СССР и роспуска Варшавского договора. Главк обеспечил вывоз из стран Варшавского блока и ряда союзных республик находившиеся там ядерные боеприпасы. Операция эта проводилась в строгом соответствии с международными договоренностями. На западе то и дело появляются провокационные статьи о том, что якобы советская армия с распадом СССР, покидая места дислокации, оставила после себя по безалаберности тактическое ядерное оружие.

Между тем, период от роспуска Варшавского пакта и ликвидации СССР является по сей день временем особой гордости офицеров Главка. Во время неразберихи и смуты в государстве, Главк показал себя эталонной офицерской корпорацией со своим аскетическим укладом, незыблемой дисциплиной и верностью государству. Из десятков тысяч единиц тактического ядерного оружия не был утрачен ни один заряд. Сначала в срок было вывезено все ядерное оружие из стран Варшавского договора. Затем, не смотря на смуту, а то и прямое противодействие и даже саботаж со стороны руководителей иных республик и стратегическое, и тактическое ядерное оружие оказалось в России. Решение этих задач выпало на долю начальников Главка генерал-полковников В. Герасимова и Е. Маслина. Офицеры Главка действовали даже с опережением на шаг. Порой руководителю республики давали договор на подпись о сдаче ядерного оружия, когда эти заряды находились уже в России. Ни одна структура страны в то время не работала с такой безукоризненной надежностью, как ядерный Главк. У Главка свои вагоны и составы. К эксплуатации ядерного оружия допускаются только офицеры. Они же несут вахту в караулах во время перемещения оружия. Каждый день Главка полон особого напряжения. Ядерное оружие всегда в движении. Часть его, полученная в Минатоме, движется на объекты «С» Главка, другая после определенного регламентного срока возвращается в Главк и Минатом. Потому Главк не только осуществляет техническое обеспечение, но и боевое обеспечение родов и видов войск. Только благодаря Главку ядерное оружие становится боевым.

За шесть десятилетий управляли Главком шесть человек. Сегодня Главком руководит седьмой начальник — это генерал-полковник Владимир Николаевич Верховцев. Надо отметить, что среди руководителей Главка не было за 60 лет ни одного заурядного генерала. Да и не могло быть, судя по кругу сложнейших и ответственных задач, которые он решает.

Мы знаем, что в нашем Отечестве напрямую Президенту подчиняется только одна военная структура — это «Спецстрой». На такую же роль мог бы претендовать 12-й Главк, ввиду исключительной важности его для самого существования государства.

Президент, имеющий при себе неотлучно ядерный «чемоданчик», лучше всех должен знать, кто и когда может получать ядерное обеспечение.

Руководство страны хорошо осознает исключительную роль 12-го Главка в системе безопасности страны. Свидетельством тому явилась встреча Президента России В.В.Путина с командирами соединений и воинских частей 12 Главного управления Министерства обороны РФ. Подобная встреча была впервые.

ПОЭЗИЯ

стихотворения ПОЭТОВ ПСКОВА

Игорь ИСАЕВ

* * *

Не умеют русские сдаваться,
Не сгибаем бронзовый солдат.
Современных прибалтийских наци
Даже в смерти русские страшат.

Показалось в Потсдаме и в Ялте,
Гром войны немного поутих.
Разоряют кладбища прибалты —
Как же, демократия у них!

Чтобы в красной, поминальной розе
Не ожил победных флагов шелк,
Танковой атакою бульдозер
По могильным холмикам прошел.

Сколько их осталось, этих статуй,
Позабыто на полях страны!
Свой посмертный бой вели солдаты
Шестьдесят шестой весной войны.

* * *

Отче наш! Во гневе и любви
Я молюсь Тебе во искупление,
Чтобы все свершения мои
Не служили скудости и лени.

Славят: книголюб и книгочей.
Я молюсь и в праздники, и в будни,
Чтоб гордыне суетной моей
Не отдать и крохотной секунды.

Изречение сирое мое
Так ли уж кому-нибудь и нужно?
Слова заостренное копье
Слишком уж опасное оружие.

И во дни короткие мои
До тех пор, покуда кровь не стынет,
Дай мне, Боже, веры и любви
И избавь от гнева и гордыни...

Вита ПШЕНИЧНАЯ

Крещение

Смутно помню — небо синее,
Шепот людя за спиной,

Купола в пурпурном инее
Возвышались надо мной.

Все, что было мной загадано,
Что сбылось давно уже,
Терпким ароматом ладана
Разливалось на душе,

На молитву приглушенную
Отзывался сердца стук,
Я несла свечу зажженную
На последний, третий круг.

* * *

Петляй, авось удастся скрыться!
Беги, гонимый сворой мук,
Очертит время полный круг,
Но прошлое не повторится,

Тебе оставив страх и боль
Неутоленных откровений,
Что в краткости земных мгновений
Могли бы стать *твоей* судьбой.

Татьяна ГОРЕЛИКОВА

Крыпецкий монастырь

Озера трепетна гладь.
Рядом болотная гать.
Клюквы нетканый ковер,
Неба лазурный шатер.

Прячут обитель леса:
Окна — как старца глаза.
Замер в тиши монастырь,
Хмуρο глядит на пустырь, —

Словно поставлен в дозор.
Слышен молитвенный хор,

И, как дыханье души,
Тихо шуршат камыши.

Ловкий узор на избе
Взгляд привлекает к себе.
Здесь молчаливый народ
Крест свой покорно несет.

А под могильной плитой —
Первый игумен, святой —
Савва. Прохожий пройдет,
К лику святого прильнет.

* * *

Высокий берег, глубока вода,
Как кружева кругом ложатся тени.
Березы моют ноги у пруда,
Подставив солнцу белые колени.

К воде сбегает стайей стебельки
Испить глоток серебряной водицы.

И первые над лугом мотыльки,
И по кустам пернатые певички.

Куда ни глянь — такая благодать,
А в томной тишине такая сила,
Что хочется от радости рыдать
У ног твоих, любимая Россия.

Затерялось детство

Затерялось детство, где его искать?
Дом родимый буду вечно вспоминать.
С маминой молитвы начинался день,
И смотрела в окна белая сирень.

Суетились птахи в кружеве ветвей,
Распевал о счастье песню соловей.
Вечер опускался — тихо, не спеша,
Чтоб не испугалась детская душа.

Чтоб смогла услышать сказки тополей, —
Мне шептал их ветер, принося с полей.
С маминой молитвы начинался день,
И смотрела в окна белая сирень.

* * *

Могильный холмик на угоре.
Хлебов несжатых полоса.
Солдаты спят, за них в дозоре
Стоят угрюмые леса.

Куда ни глянь — как на границе.
До облаков подать рукой.
И неумолчно в небе птицы
Для них поют «За упокой».

Валентина АЛЕКСЕЕВА

* * *

Редет строй. Как мало их осталось...
Цветы алеют, майский воздух чист,
Но целит в грудь жестокий снайпер — старость,
Последний недобитый их фашист.

Весенний гром, как той войны раскаты,
И облака, как поля битвы дым.
Уходят поседевшие солдаты
К своим однополчанам молодым.

Страна Карамазовых

Мы с этой землею корнями повязаны —
Без крови, без мяса уж не оторвать.
Россия, Россия — страна Карамазовых,
Вот только Алеши нигде не видать.

И как разгадать то явление странное?
Быть может, в скиту не встанет он с колен?
А, может, в лице Алексея Романова
В Ипатьевском доме он был убиен?..

Куда же теперь, без ветрила и правил?..
Толпой смердяковых Алтарь окружен.
Россия, Россия — колодец-журавль,
Все рвешься ты в небо, да камень тяжел.

Вера СЕРГЕЕВА

* * *

Заломили рученьки осины,
Опустились руки у берез, —
Не избыть нам горюшка в России
Ни мольбами, ни ручьями слез.

И за что нам это наказание:
То война, то мор, то воровство,
То в святой Руси — святынь изгнание,
То — вогнание люда в бесовство...

Испоконно Русью помыкая,
В царедворцах — плут да казнокрад...

А заря течет, как мед, густая,
А снега алмазами кипят.

И от русской светлости безбрежной
На душе растаивает лед.
И встает разбитая надежда
На крыло, чтоб ринуться в полет.

Потому средь бед и выживаем,
Что нас укрепляет, как — крестом,
Наша ширь и наша синь без края,
Наша даль в сиянье золотом!

Ларина ФЕДОТОВА

Солнышко

Я росла, как деревце, на воле,
Непоседой, озорной была.
Помню, в детстве —
 за веснушки, что ли...
Мама солнышком меня звала.

И о том прослышали подруги,
Взяв словечко это в оборот,
Возвестя однажды всей округе:
Посмотрите, солнышко идет!

Нет, не пережить такого срама!
Дома, я и плачу, и кричу:

Никакое я не солнце, мама,
Не зови так больше, не хочу!

От обиды не понять мне было
Самых нежных и хороших слов.
А со мной в то время говорила
Мамина великая любовь.

Но теперь, когда, мне трудно очень,
Той далекой нежностью живу.
И сама я маленькую дочку
По наследству солнышком зову.

Кто мы?

То песок, то чернозем, то глина.
И, как стражи поля, валуны.
Мирная бескрайняя равнина
С золотой подвескою луны.

Ситником заросшее болото,
Черные колонии ворон.
Тишина, как зыбкая дремота,
Только это кажущийся сон.

В рощи, как в незапертые сени,
С ветром полуночным голоса,
Прошлого проскальзывают тени,
И не их ли это голоса

Нас, живых, чуть слышимо спросили:
«Может, вам не дорого ничто?
Что же вы содеяли с Россией?
Кто же вы такие?»

Кто мы? кто...

Иван ИВАНОВ

* * *

Вдруг завьюжило, занепогодило
И куда-то погнало снега!
А до этого тихо на родине
Белым пухом дымились луга.

И душа, что бедою засеяна,
И душа, что покуда молчит,
Только в крае родимом уверена,
В отчем доме и в теплой печи.

В смуте лет, до которых мы дожили,
Оттого, что не думая шли,
Что, скажите, осталось надежного?
Только краешек отчей земли.

Да в любви, что окошком селянина
Ярко светит в полях сквозь пургу...
И в душе засветлела проталина,
Без которой я жить не могу!

* * *

Красивых городов в стране немало,
Но скобарю милее старый Псков.
Который как река берет начало
В седых горах промчавшихся веков.

Он видел храмов «белые одежды»,
Добротные купецкие дома.

И Кром его, и башни, и палаты,
И Троица, сверкая в небеси, —
Все говорит о том, что был богатым
И славным город Плесков на Руси.

И проходя кончанским закоулком
По черным плахам, что являли гать,
Он знал, что призовет сполошный гулко
И надо будет город защищать.

Для скобаря он был лучом надежды,
Властителем и сердца, и ума,

И после уж напишет иннок: В лето
Был отражен ливонцев злой набег...
Не зная, что проносит эстафету
Из тьмы веков в наш 21-й век.

* * *

Зажгу свечу, пусть пламенеет
Пред ликом кроткого Христа.
И сразу, будто даль виднее,
И будто вновь душа чиста.

Зажгу свечу во мраке ночи,
Пусть светит слабым огоньком,
Чтоб каждый, кто спасенья хочет,
Был к вере праведной влеком.

Зажгу свечу и помолюся,
В молитве буду славить я
Величье Бога, Иисуса,
В тиши — родимые поля.

Зажгу свечу, да не погаснет
Над бытием высокий свет.
Все в мире бренном в Божьей власти —
Издrevле до скончанья лет.

Владимир ЦВЕТКОВ

«ПОСОХ» ДЛЯ ПРЕДПРИНИ- МАТЕЛЕЙ*

Владимир Георгиевич Цветков — родился в 1946 году в г. Горьком. Окончил Всесоюзный заочный юридический институт по специальности «Правоведение». Работал руководителем органов внутренних дел. Православный публицист, историк, литературовед. Автор книг и многочисленных публикаций в российской периодике. **Живет в Нижнем Новгороде.**

* Печатается в журнальном варианте.

Трудна и опасна ныне жизнь предпринимателя. Современное предпринимательство неизменно ассоциируется с повышенным риском и экстремальными условиями. Причиной всему — искусственно привнесённый и чуждый русской истории и национальному духу «дикий капитализм». Лишённый прочных духовных опор и цели, он сеет лишь губительные соблазны, поощряемые лукавыми поговорками: «Бери от жизни все!» или «Один раз живем!».

Но эти призывы к бездумной разнузданности и вседозволенности устраивают далеко не всех. Большинство деловых людей мучительно ищет своих путей в предпринимательстве, привнося в него привитые с детства нравственность и мораль, остро ощущая личную ответственность за будущее России. Все это подвигает к добрым делам, которые совершаются в основном не столько по Закону РФ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» от 7 июля 1995 года, сколько по зову души. Не случайно в Обращении Оргкомитета по созданию Русской ассоциации содействия развитию национального предпринимательства прямо говорилось: «Гражданин, обладающий частной собственностью, может проявить, развить и направить во благо своих близких, своего народа и своей страны такие

лучшие свои качества, как милосердие и желание реально помочь бедным и нуждающимся»¹.

К сожалению, шаги эти во многом наивны, духовно неграмотны и не приносят той неоценимой пользы, которую могли бы приносить каждому конкретному благотворителю-предпринимателю. Еще хуже, что слепой щедростью последних зачастую пользуются кто попадо, в том числе и враги Божии, а значит и враги родного Отечества. Отсюда ненужные издержки или моральные и материальные потери, а также негативное мнение о благотворительности в целом. И в этом нет ничего удивительного, ибо, как однажды заметил Его Святейшество Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, что сложность нашей ситуации заключается в том, что за годы советской власти выросли поколения, которым «не к чему возвращаться», так как в отличие от своих бабушек и дедушек они не имели живого представления о Православной вере, этого неиссякаемого источника жизни, силы и славы русского народа и России.

Тем не менее вера живуча. Она подсознательно действует почти в каждом православном человеке. Пусть только крещеном.

Так что же это за феномен? Откуда и почему среди разлившейся жестокости и зла, ставших скорбной приметой нашего времени, находится место добру? Какова его роль в жизни человека? Как относиться к добрым делам и есть ли какие-то рамки, формы или порядок их совершения в окружающей нас действительности?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, отнюдь не исчерпывающе, а кратко, затрагивая лишь суть, и предпринята попытка создания этой скромной работы.

Немного истории

Богатые! Не уповайте на богатство неверное, но на Бога живаго благодетельствуйте, богатейте добрыми делами, щедростию и милосердием.

1 Тим. 6: 16-18

Богатство никогда не порицалось Церковью. Хотя говорить о нем в современных условиях резко полярного разделения общества, да еще на фоне ограбившей всех пресловутой кучки олигархов, весьма проблематично. Тем не менее люди относительно имущие, состоятельные как бы получают преимущество в возможностях благотворения. Христианская же благотворительность — понятие религиозное. В «ней больше всего отражается свет Богоподобия», — говорит святитель Феофан Затворник. Поэтому христианская благотворительность являет собой важную составляющую духовной жизни пра-

¹ «Русь Державная» 2001. № 7.

вославных мирян, в число которых входят и нынешние предприниматели. Она служит вспомогательным средством спасения бессмертной души человека.

Христианская благотворительность берет свое начало с Первого Пришествия нашего Спасителя и Искупителя Господа Иисуса Христа, то есть две тысячи лет назад. Благотворительность древних христиан носила сугубо внутрицерковный характер. Благотворение осуществлялось опосредованно через церковную общину, которая брала на себя все заботы о нуждающихся. Пожертвования были как бы свидетельством веры и членства в Церкви.

Постепенно с падением веры меняется характер и направление благотворительности. Она становится по преимуществу частным делом и охватывает собою уже не только Церковь, но и другие сферы жизни общества, в частности, науку и искусства.

В то же время, заметим, что постоянная посильная благотворительность основной массы церковного народа в своем общем объеме, как правило, всегда превышала пожертвования имущих классов.

Милостыня и милосердие нужны прежде всего благотворителям, а не тем, кому они благотворят. Именно поэтому совершенно особый характер христианская благотворительность приобрела в России. Впитав в себя учение Христа, русские люди воспринимали благотворение как органичную и неотъемлемую часть своей повседневной жизни. Этому способствовало христианское отношение к имуществу, богатству, накоплениям. К ним всегда относились как к чему-то переходящему. Не зря в ходу была поговорка: «Бог дал, Бог взял!» Эти религиозные устои несли прочность в деловую сферу и быт, умиротворяли душу.

Активными и щедрыми благотворителями были практически все известные в России предприниматели, такие, как основатели московских мануфактур Прохоровы, костромских — Коноваловы, ярославские заводчики Оловянишниковы, петербургские магнаты Путиловы, брянские стекольщики Мальцевы и петербургские — Бахметьевы, знаменитый производитель русского фарфора М. С. Кузнецов, известные издатели И. Д. Сытин и А. С. Суворин, крупные чаеоторговцы А. С. Губкин и А. Г. Кузнецов и многие другие.

«В рай входят святой милостыней, — говорили на Руси, — нищий богатым питается, а богатый нищего молитвой спасается»².

Причем шло это с древних времен и пример для подражания являла сама власть.

«Всего же более убогих не забывайте, но насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте, и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильному губить человека»³, — наставлял в

² Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России // Российский образ жизни. М., 2001. С. 12.

³ Там же. С. 13.

своем завещании Великий Киевский князь Владимир Мономах. А благочестивейший Царь Иоанн IV Васильевич Грозный внес в 1551 году на рассмотрение исторического Стоглавого Поместного Собора Русской Православной Церкви сразу три «благотворительных» вопроса: «О нищепитательстве», «Об искуплении пленных» и «О милостыне»!

«Если в нас живет слово Христа, оно заставит нас помогать другим»⁴, — писала в дневнике и святая Государыня Императрица Александра Федоровна.

И уж совсем уникальным русским явлением можно смело назвать выдвижение из среды предпринимателей выдающихся православных подвижников, прославленных Господом Богом святых, почитаемых всей Россией. Это прежде всего Преподобный Серафим Саровский, выходец из семьи Мошниных, занимавшихся в Курске торговым делом; великий Оптинский старец иеросхимонах Анатолий Младший, выходец из семьи старых московских купцов Потаповых, и, наконец, в прошлом сам крупный предприниматель-миллионер и благотворитель, Преподобный Серафим Вырицкий, с детства мечтавший о монашеской жизни и служении Богу. Господь наделил Своего Угодника многими дарами благодати Духа Святого. Серафим Вырицкий прославился как прозорливец и врачеватель телесных и душевных недугов. Все его предсказания с точностью исполнялись.

Христианская благотворительность и благотворители

Лучше умереть от недостатка, чем принимать подаяние от безбожных и злых.

Апостольские постановления

Многие наивно полагают, что благотворить легко. На самом же деле это не так просто. Христианская благотворительность предъявляет строгие требования, как к средствам, так и к личности самих благотворителей, что видно уже из эпиграфа главы.

Например, в древней Церкви категорически запрещалось принимать пожертвования от отлученных и еретиков. Проникшие от них средства возвращались или использовались на топливо — уголь или дрова, ибо считалось, что дары безбожников должен поедать огонь.

Конечно, сегодня трудно реализовать на практике столь жесткую избирательность. В древности все было на виду и каждый член церковной общины хорошо знал остальных. Тем не менее и забывать о ней нельзя к пользе самих же благотворителей. Об этом неоднократно напоминают поучения и наставления Святых Отцов и подвижников веры, а также множество примеров из жизни Право-

⁴ «Слова добрые». Дневниковые записи 1908-1915 годов Государыни Императрицы Александры Феодоровны Романовой. М., 1998. С. 19.

славной Церкви. Ведь и сами случаи и возможность благотворения предоставляет нам Господь Бог. Об этом однажды хорошо сказала известная актриса Екатерина Васильева, что не мы творим милостыню, а Господь через нас. Непонимание этого крайне важного обстоятельства лишь тешит нашу гордыню и представляет большую угрозу для спасения души, о чем предупреждает один из толкователей Священного Писания, Блаженный Феофилакт, архиепископ Болгарский: *«Гордость есть как бы пренебрежение Бога, когда кто, сделав доброе дело, приписывает его не Богу, а собственной силе»*⁵. Не случайно Господь Сам предупреждает нас: *«без Меня не можете делать ничего»*⁶.

Еще пронзительнее об этом говорит великий столп Церкви, Святитель Иоанн Златоуст:

*«...прошу, непрестанно помните то, что не уделять бедным из своего имущества, значит — похищать у бедных и отнимать у них жизнь, и что мы владеем не нашею, но их собственностью»*⁷.

Великий святой детально разъяснил как надо относиться к личному имуществу и благополучию, предупреждая об ответственности за пренебрежение христианским отношением к нуждающимся: *«Бог попустил тебе иметь больше других не для того, чтобы ты тратил на блудодеяние, и пьянство, и пресыщение, и дорогие одежды, и на другие предметы роскоши, но для того, чтобы ты уделял нуждающимся»*⁸. *«...богач, — продолжал святой Златоуст, — есть как бы приемщик денег, следующих к раздаче бедным... если он истратит на себя сколько-нибудь сверх необходимой нужды, то подвергнется там жесточайшей ответственности...»*⁹.

«Там» — это в будущей вечной жизни, которая следует сразу же за гробом и не минует ни одного человека, живущего на земле.

Оказывая помощь нуждающимся, важно заботиться о чистоте помыслов, искренности намерений, чистоте личной жизни и чистоте средств для благотворения.

Помогать «нуждающимся» нас зачастую заставляют и изъяны духовной жизни, о которых еще в XIV веке говорил знаменитый основатель «Северной Лавры» Преподобный Кирилл Белозерский своему современнику, князю Андрею Можайскому. Святой, мягко обличая последнего, наставлял его словами, что, мол, поститься вы не можете, молиться — ленитесь, так милостыня ваш недостаток восполнит.

⁵ Святое Евангелие от Марка с толкованием текста. М., 1997. С. 101.

⁶ Феофан Затворник, епископ. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из Слова Божия. М., 1991. С. 33.

⁷ Иоанн Златоуст, святитель. Творения. Т. I. Кн. 2. СПб., 1898; М., 1991. С. 809.

⁸ Там же. С. 805.

⁹ Там же. С. 806.

Трудолюбие, простота и благотворительность — отличительные черты православного христианина.

Благотворительность, основанная на православном благочестии, предполагает четкую, совершенно определенную линию поведения конкретного человека — благотворителя.

«Не можете служить Богу и маммоне»¹⁰, — предупреждает Священное Писание. Поэтому Святые Отцы из любви к нам порой буквально умоляют: *«Уклоняйся от зла и делай добро»¹¹*, — возглашает в одном из своих посланий святой Первоверховный Апостол Петр.

Христианская благотворительность открывает перед человеком широкий спектр милосердия, дает возможность творить добрые дела, т.к. они вслед за благотворителем пойдут в вечность.

Разнообразие христианской благотворительности

*Алчущего накорми, жаждущего напои, как повелел
Господь, накого одень, странного введи в дом,
больного посети, дойди до темницы и узнай беду
тамошних, чего требуют, подай, поскорби, вздохни,
прослезись с ними; вспомни, что многие из них
страждут за один какой-нибудь грех, а мы постоянно
грешим и, однако, живем счастливо.*

Преподобный Иосиф Волоцкий

Даже из этого короткого наставления знаменитого Волоколамского игумена хорошо видно насколько многообразной может быть благотворительность православных христиан.

«Монастыри и дома святых пусть будут тебе пристанищем; — продолжает святой, — прибегай к ним, прими в них участие и утешь их в нищете их. Если есть у тебя нужное для них, принеси им: ты отдашь это в руки Божию. Пойми, что требует Царь Небесный от твари своей? Малой и легкой милости. Подай же малость и получишь вечное; подай немного и возвратят во сто раз. Милующий убогого дает заем Богу»¹².

«Отдавайте не ища ничего взамен, не рассчитывая выгоду в будущем; отдавайте детям, старикам, умирающим, тем, кто не сможет отблагодарить, и тем, кого вы больше никогда не увидите, иначе это будет не благодеяние, а торгашество; старайтесь помочь даже вашим врагам. Не доверяйте раздачу своей милости сомнительным посредникам, иначе само деяние, которое апостол назвал "Труд любви" (1 Сол.1,3) будет под сомнением. Своей собственной рукой творите

¹⁰ Мф. 6,24.

¹¹ 1-ое Петра. 3,11.

¹² Московский патерик. Жития святых. М., 1991. С. 14.

то, что подсказало вам сердце. Так вы познакомитесь с жизнью и нуждами бедняков — созданий Христа»¹³, — писала в начале прошлого века в своем дневнике святая Царица Александра Федоровна и дополняла: «Мы должны оказывать помощь не только, когда нас об этом просят, но сами искать случая помочь»¹⁴.

Благотворить доступно каждому человеку. Например, духовная милостыня не носит материального характера. Она заключается в совете, сочувствии, слезах, радости. В последних случаях всего-то надо вместе всплакнуть или порадоваться, что способен сделать каждый. В сущности диапазон христианской благотворительности необычайно широк. Он напрямую связан с духовной грамотностью человека. И чем она выше, тем многообразнее способно быть благотворение, где значительно большие возможности для добрых дел предоставляются современным предпринимателям. Все вышесказанное заставляет, не только последних, а всех без исключения, помнить наставление Преподобного Нектария Оптинского, не раз повторявшего: *«Бог не только дозволяет, но и требует от человека, чтобы тот возрастал в познании»*¹⁵. Разумеется, в духовном. И, Боже, упаси нас отсиживаться за лукавой поговоркой: «Меньше знаешь, лучше спишь», — толкающей в погибель.

Исходя из поучений Святых Отцов Церкви Христовой, надо стремиться к тому, чтобы вся наша деловая, общественно-политическая и личная жизнь были проникнуты светом милосердия, сострадания к нуждающимся, которых сегодня день ото дня становится все больше и больше.

По обетованию Божию любое наше доброе дело не останется без воздаяния свыше. Это прямо показано на примере чаши простой воды, о которой говорит Священное Писание: *«Кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей»*¹⁶.

Творить добрые дела можно где угодно. Тем не менее благотворение для Церкви имеет неоспоримое преимущество, ибо она возносит ежедневно молитвы к Небу, к Престолу Божию, о «благотворителях и делателях», «создателях храма (или обители — В.Ц.) сего». В результате земная жизнь конкретного благотворителя завершилась несколько веков назад, а за него идет молитва в «Вечную Вечность», доставляя неизбывную радость и утешение человеку, ибо у Бога все живы.

¹³ «Сад сердца». Духовный дневник Государыни Императрицы Александры Федоровны Романовой. М., 1997. С. 24.

¹⁴ Там же. С. 13.

¹⁵ Вениамин (Федченков), митрополит. «Божьи люди». Мои духовные встречи. М., 1997. С. 165.

¹⁶ Мф. 10,42.

Вера

*Чтобы достичь какой-либо цели,
чтобы переплыть бурное море жизни,
необходимо ступить на корабль веры.*

Эмиль Кастелар

Вера является не только основой христианской благотворительности, но и основой всей жизни человека, ибо, повторимся, Сам Господь сказал: *«без Меня не можете делать ничего»*¹⁷. Тем не менее зачастую мы сталкиваемся с неверием.

Святитель Феофан считал неверие чем-то непостижимым. И, действительно, как русскому человеку, который по Ф.М. Достоевскому есть православный, быть неверующим в России — стране Православия?! Неверием фактически отрицается многовековая история Отчизны, которая неотделима от святости. Ведь ее представляют Великая княгиня Ольга и Великий князь Владимир, крестивший Русь в конце X века; Великие князья Андрей Боголюбский, Александр Невский и Дмитрий Донской, былинный богатырь Илья Муромец, дивный Нестор-Летописец, великий Печальник и Игумен Земли Русской Сергей Радонежский, последний Государь Император Николай II со своим Августейшим Семейством! А ведь они все — святые, канонизированы и почитаются Церковью!

Не случайно непобедимый А. В. Суворов считал неверующего солдата никуда не годным и, будучи человеком глубокой веры, постоянно напоминал подчиненным: *«Бог нас водит: Он нам — генерал!»*¹⁸

Выдающийся современник Александра Васильевича адмирал Ф.Ф. Ушаков, на кораблях которого по существу действовал монастырский устав, и который не знал поражений ни на море, ни на суше, экзаменовал своих офицеров не знанием тонкостей военного искусства и Устава, а знанием трех псалмов святого Царя-Псалмопевца Давида. Ныне Федор Федорович за воинские заслуги перед Россией и личное благочестие также канонизирован Русской Православной Церковью и является небесным покровителем военных моряков.

Поэтому как бы кто ни строил свою жизнь и как бы ни был добр и отзывчив в общении с окружающими, живет и трудится впустую, ибо *«...без веры угодить Богу невозможно»*¹⁹. Более того такой человек уже осужден на земле своим же неверием, потому что *«все, еже*

¹⁷ *Феофан Затворник*, епископ. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из Слова Божия. М., 1991. С. 33.

¹⁸ *Головин Н.Н.* Суворов и его «Наука побеждать». Серия «Антология отечественной военной мысли». М., 2000. С. 123.

¹⁹ Евр. 11,6.

не от веры, грех есть»²⁰. Тот же святой Апостол Павел говорит: «Мы Им живем и движемся и существуем»²¹.

Однако, голословно заявленная вера не достаточна для человека. По словам святого Апостола Иакова, брата Господня, она мертва без дел, подтверждающих ее. Исповедники, например, свидетельствуя веру, шли на муки, помня евангельские слова, что не надо бояться убивающих тело, но не могущих убить душу.

Только вера дает нам истинное понимание драгоценности человеческой жизни, которая вне веры бессмысленна и пуста. В этом случае человеческая жизнь невольно упирается в тупую безысходность или становится гибельной праздностью, далекой от спасительного благотворения.

Христа ради

*Просящему у тебя дай,
и от хотящего занять у тебя не отвращайся.*

Мф. 5,42

Наверное, нет человека, который бы не слышал выражения: «Христа ради». Особенно часто его повторяют старые люди. Однако не все вдумываются в глубочайший смысл этих слов. Не все понимают, что в столь привычном сочетании заключена великая народная мудрость, привитая Православием. Не все знают, что эти слова по существу являют собой ключи в Царствие Небесное.

Стремясь угодить Богу, наши благочестивые предки все свои добрые богоугодные дела посвящали Ему. Это шло из поколения в поколение и из века в век. И за тысячу лет дошло до нас.

Посвящение Христу Спасителю и упование на Него естественно и понятно, ибо, по словам Преподобного Иоанна Лествичника, нет имени выше ни на Небе, ни на земле. Сыну Божию отдана судьба мира и последний Страшный Суд над падшим человечеством, «живыми и мертвыми», как возглашает Православная Церковь в своем Символе Веры. Поэтому только Христа ради совершаемые в нашей жизни добрые дела будут зачтены и получают небесное воздаяние. В результате по духовному невежеству можно раздать все свое имущество напрасно и остаться ни с чем. И только Христа ради делаемое требует всяческого поощрения и будет вознаграждено.

Спасительная сила имени Господа нашего Иисуса Христа была известна подвижникам христианского благочестия с древнейших времен. О ней говорил еще основатель монашеского пустынножителства Преподобный Антоний Великий.

От Святых Отцов упоминание спасительного имени нашего Искупителя перешло к православным христианам, распространилось и

²⁰ Рим. 14,23.

²¹ Деян. 17,28.

укоренилось в поколениях верующих. Особенно подробное разъяснение по непремennomу упоминанию и призыванию заветного имени Иисуса Христа и обязательное посвящение Ему своих богоугодных добрых дел дал наш великий православный подвижник и Угодник Божий, Преподобный Серафим Саровский чудотворец в знаменитой беседе о смысле христианской жизни со своим «дружкой», дворянином Н.А. Мотовиловым: «...всякое Христа ради делаемое доброе дело *суть средства для стяжания Святого Духа Божия*, — говорил он. — *Заметьте, батюшка, что лишь только ради Христа делаемое доброе дело приносит нам плоды Святого Духа. Все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, но мзды в жизни будущего века нам не представляет, да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает. Вот почему Господь Иисус Христос сказал: “**Всяк иже не собирает со Мною, тот расточает**”. Доброе дело иначе нельзя назвать, как собиранием, ибо хотя оно и не ради Христа делается, однако же добро. Писание говорит: “**Во всяком языке бойся Бога и делай правду приятен Ему есть**”.*

Иногда человек жалуется, что добро его не пошло в дело. Этого не бывает никогда только при делании какого-либо добра Христа ради, ибо добро, ради него сделанное, не только в жизни будущего века венец правды ходатайствует, но и в здешней жизни преисполняет человека благодатию Духа Святого и при том сказано: «Не в меру бо дает Бог Духа Святого. Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его». Так и в стяжании этого-то Духа Божия и состоит истинная цель нашей жизни христианской, а молитва, бдение, пост, милостыня и другие Христа ради делаемые добродетели *суть только средства к стяжанию Духа Божия*».

Ссылаясь на святого Антония Великого, о. Серафим показал своему «дружке», что в человеке действуют три воли: «Первая Божия, всесовершенная и всеспасительная, вторая собственная своя, человеческая, т. е. если не пагубная, но и не спасительная, и третья бесовская — вполне пагубная. И вот эта-то третья вражеская воля и научает человека или не делать никаких добродетелей, или делать их из тщеславия, или для одного добра, не обращая внимания на благодать, им приобретаемую. Первая же — воля Божия и всеспасительная — в том только и состоит, чтобы делать добро единственно лишь для стяжания Духа Святого, как сокровища вечного, неоскудеваемого и ничем вполне и достойно оценить не могущего»²².

Беседа Саровского чудотворца и Н. А. Мотовилова длилась очень долго и дивное толкование святого Серафима о стяжании благодати Духа Святого как цели христианской жизни стало сегодня непреходящим сокровищем Вселенского Православия и дано было через

²² Вениамин (Федченков), митрополит. Всемирный светильник, Преподобный Серафим Саровский. М., 1996. С. 117.

великого русского православного подвижника для всего мира, о чем сказал сам Преподобный: *«Если рассудить правильно о заповедях Христовых и апостольских, так дело наше христианское состоит не в увеличении счета добрых дел, служащих к цели нашей христианской жизни только средствами, но в извлечении из них большей выгоды, т. е. в ящем приобретении обильнейших даров Духа Святого»*²³.

Привычное словосочетание «Христа ради» чаще всего слышится из уст нищих, которых с каждым днем становится все больше. Да и вообще помощь им, а это, как правило, милостыня, является, как известно, самым массовым видом благотворения. Вместе с тем здесь больше всего возникает всевозможных соблазнов, т.е. кривотолков и предубеждений в нашем отношении к просящему, к «попрошайкам», что сидят у кладбищенских ворот, много их встречается у храмов и на церковной паперти, да где угодно. Спрашивается, как относиться к этим нищим? Подавать или не подавать им? Причем этот вопрос не праздный, а одинаково волнующий многих. Тем не менее разногласия в ответах на этот вопрос не устранена даже в духовной литературе. То есть сама Церковь вроде бы не дает однозначных рекомендаций на этот счет, указывая лишь на то, что нельзя давать деньги в качестве милостыни детям, но только родителям или взрослым.

Старец Сампсон в свое время был категорическим противником подачи милостыни на паперти, возведя это в непреложное правило.

Примерно той же позиции придерживался священник В.А. Черкасов в своей «Настольной книге для пастыря Церкви и православно-русской семьи» (Москва, 1910). *«Спаситель указал нам людей, — писал он, — которым мы должны помогать милостынею, только в лице голодающих, нагих, иначе говоря, в лице вынужденной и действительной бедности. Безразборчиво же давать милостыню каждый раз всякому, — продолжал о. Черкасов, — даже пьяному нищему, значит безрассудно сорить деньгами, значит нетрезвого поощрять к пьянству, что было бы совсем не по-христиански»*. Казалось бы все правильно. Но только «казалось бы», потому что уж точно «совсем не по-христиански» оценивать, а значит судить о человеке, в нашем случае, нищем, лишь по обманчивой внешности, не в силах приоткрыть для себя непроницаемую завесу его духовной жизни. Не потому ли Святое Евангелие, не вникая в сопутствующие обстоятельства, однозначно и недвусмысленно предписывает: *«Всякому просящему давать»*²⁴!

И Святитель Иоанн Златоуст говорит: *«Милостыня потому так и называется, что мы подаем ее и недостойным»*.

²³ Вениамин (Федченков), митрополит. Всемирный светильник, Преподобный Серафим Саровский. М., 1996. С. 121-122.

²⁴ Лк. 6,30.

К «недостойным», как мы видели выше, старец Сампсон относил нищих на паперти храма. Но это, возможно, оправдывалось в какой-то мере в его, советское время. Сейчас оно другое, предантихристово. Поэтому, безусловно, прав Ю. Маркеев из «Православного слова», говоря: *«Кто такие папертники? Это люди, которые нуждаются... в куске хлеба, в добром сочувственном слове, в признании и уважении в них Человека. По большому счету, каждый из нас — это папертник. Ведь каждый из нас хоть в чем-нибудь, да нуждается!»*²⁵

Тайна благотворения

Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного.

Мф. 6,1

Очень жаль, что щедрые благотворители из предпринимателей ныне стали как бы элитарной частью церковной паствы. Их с почтом встречают, рассыпаясь в любезности и оказывая всяческие знаки внимания: для них и откроют двери храма или ворота монастыря, и отведут лучшее место на клиросе и даже введут в святая святых любого храма — алтарь.

Окруженные столь подчеркнутым вниманием предприниматели-благотворители зачастую не полагают, как это опасно и лишено той высокой духовности, которая присуща искренней вере. Это, пожалуй, то, что ни в коем случае не допустимо в духовной жизни конкретного человека и Церкви в целом. Все дело в тщеславии, которое съедает любые наши добрые дела, почему Евангелие буквально обрушивается против него рядом предупреждений:

*«...когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры... чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою»*²⁶.

*«...когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно»*²⁷.

Тайное благотворение надежно сохраняет за человеком награду небесную, ограждая его от тщеславия. Почему мы и имеем массу примеров такого благотворения из жизни святых и благочестивых мирян.

Например, общеизвестно как тайно подбрасывал обнищавшему отцу узелочки с золотом Святитель Николай-Чудотворец, чтобы уберечь несчастного и его дочерей от губительного грехопадения.

²⁵ Маркеев Ю. «Подать или не подать?» // «Православное слово», Нижний Новгород. 2001, № 18. С. 3.

²⁶ Мф. 6,2.

²⁷ Мф. 6,3-4.

Точно так же, переодеваясь в рубище, выходил для тайного благотворения ночью Святитель Иоасаф Белгородский, о чем повествует его «Житие».

Мало кто знает, что тайным и щедрым благотворителем был великий русский полководец А. В. Суворов. Среди его бумаг обнаружались заметки и записи, приоткрывающие эту неизвестную страницу биографии Александра Васильевича. Он платил долги за совершенно незнакомых ему людей и этим выручал их из тюрьмы, куда они попадали как несостоятельные должники.

Тайное благотворение является надежной гарантией получения награды небесной, которая в других случаях может быть проблематичной из-за собственного тщеславия или неосторожной людской благодарности. Не зря Преподобный Серафим строго-настрого запретил в своем завещании инокиням Дивеевского монастыря называть кого бы то ни было на «вы» и благодарить, чтобы не лишить благотворителя награды небесной, которая намного желаннее и выше всех земных наград и почестей. Почему вместо принятых светских выражений благодарности в Православии допускается единственное: «Спаси тебя Господи!», что является лучшим, что можно пожелать ближнему.

Забудь сделанное

У Бога все определено прежде помышления человеческого
Блаженный Феофилакт Болгарский

Страшным злом для человека является гордость, так называемая «гордыня» или «самость», которую Святые Отцы нарекли «демонской твердыней», источником всех бед и несчастий в жизни. Ведь предоставляющиеся случаи для совершения добрых дел возникают не сами по себе, а даруются Господом, о чем уже говорилось выше. Нам же «по праву» принадлежит лишь зло, причиняемое другим, и безконечное множество грехов. И чтобы преодолевать свою греховность, надеясь на будущую милость Божию, необходимо, в постоянном стремлении к добру работать Богу. Отсюда непреложным законом является забвение сделанных добрых дел. О них не следует ни вспоминать, ни тем более рассказывать кому-либо, теша свое тщеславие. Самое лучшее здесь все время нелицемерно, всерьез считать, что мы никогда и ничего доброго никому не делали и, что находимся еще только в начале пути на поприще добродетели. На этом пути, как уже сказано, собственная гордыня способна все хорошее, сделанное нами, обратить в прах. Ведь, придя в мир не имеющими ничего, мы и уйдем из него в Вечность точно такими же, оставив на земле все имевшиеся блага и личные сокровища. Поэтому полезно вспомнить предостережение: «*Смотрите, берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имени*»²⁸.

²⁸ Лк. 12,15.

«...трудясь, надобно поддерживать слабых, — наставляет святой Первоверховный Апостол Павел, — и памятовать слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: «блаженнее давать, нежели принимать»²⁹.

Высказывания Святых Отцов и непреходящие в веках слова Священного Писания говорят о том, что самый совершенный и точный учет наших дел в земной жизни ведется на Небе, почему и нет нужды помнить и пересчитывать их здесь, рискуя утратить награду и милостивое прощение Божие.

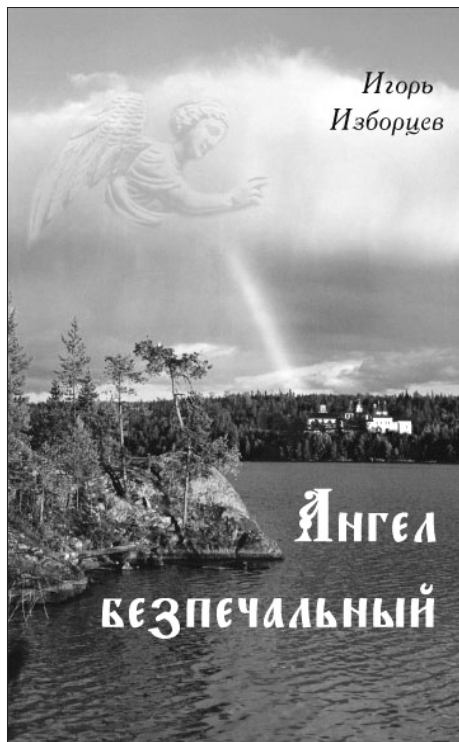
Аминь.

ВЫШЛА КНИГА

*Игорь Изборцев
«Ангел безпечальный».
Москва. Изд-во «Риза»,
2007. — 528 с.*

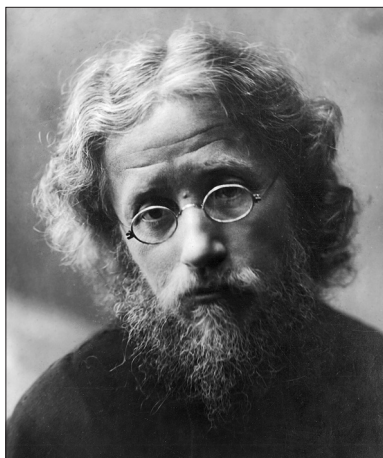
Не многим из нас дано видеть своего Ангела-хранителя. Главный герой романа «Ангел безпечальный» получает этот дар. Но прежде ему и его друзьям предстоит мучительный путь чрез океан человеческой лжи, коварства и предательства. Это — путь преодоления: себя, своей немощи, драматических жизненных обстоятельств, но главное — путь духовного пробуждения; понимания того, что счастье не во внешнем благополучии, но во внутренней чистоте, безкорыстности, щедрости сердца, в вере, надежде... и в Любви, той самой, которая не ищет своего, но все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит (1 Кор. 13, 5, 7): Любви, дарующей счастье и здесь на земле, и за вратами смерти, благополучно преодолеть которые без ее благотворящей, удерживающей силы невозможно.

В других произведениях настоящего сборника продолжается тема духовного поиска, разрешения смысла человеческого существования. Герои рассказов, совершая ошибки, падения, но и духовные открытия, ищут свой путь к Богу, к вечности, к примирению с собой и ближними, обретая самые важные ответы в глубинах собственной души и собственной совести.

²⁹ Деян. 20,35.

НАСЛЕДИЕ

**Протоиерей
Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ**

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884-1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Лесном. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед».

«Духовные беседы» подготовлены к публикации С.Н. Корытиным и Н.Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Продолжение. Начало
в № 1.2008 г.

Исповедь кающегося грешника

31 января 1948 года

Я не верю ничему религиозному.

Я не верю в бессмертие.

Как ни страшно сказать это, но это — так и есть. Если бы я был твердо убежден и несомненно верил, что за гробом есть жизнь вечная — с возмездием за дела земные, то я непрестанно размышлял бы об этом; сама мысль о бессмертии ужасала бы меня, и я проводил бы земную жизнь, как странник-путешественник, которому нужно скоро вернуться в свое отечество.

А я и не думаю о вечности, и о конце жизни своей не думаю... Такая мысль гнездится во мне: «Кто знает, что будет за гробом?» Если говорю, что верю в жизнь загробную, то только по разуму, а сердце мое далеко от этого...

Ясно это из поступков моих. Я постоянно забочусь об устройстве земной жизни: заботы о квартире, об одежде, о запасах пищи, о деньгах, о хорошо оплачиваемой работе, о комфорте жизни — открыто свидетельствуют, что все сказанное — правда, пусть страшная, безрадостная правда, но все же правда!

Господи, пощади меня!

Я не верю в Евангелие.

Ты, Господи мой, заповедал: *Покайтесь и веруйте в Евангелие* (Мк. 1, 15).

Я же... не умею уверовать... Когда бы Евангелие, как Слово Божие, было принято в мое серд-

це — я бы беспрестанно занимался Им, изучал бы Его, наслаждался бы Им и с глубочайшим благоговением смотрел бы на Него.

Премудрость, благость и любовь Божия, в Нем сокрытые, приводили бы меня в восхищение, я наслаждался бы поучением в Нем день и ночь; питался бы Им, как ежедневною пищею, и всем сердцем стремился бы к исполнению Его правил. И ничто земное не в силах бы было отклонить меня от Него.

А я?.. Книга «Евангелие» у меня есть, и не одна, но я не читаю ее...

Прочитаю газету, прочитаю книгу, чаще всего совершенно мне не нужную, а иногда и вредную, возбуждающую страсти мои. А Евангелие все лежит на столе, ожидая какого-то «удобного» времени... А будет ли это время?

Голова седая, силы уходят, смерть за мной ходит, а я все чего-то жду...

Господи! Избави меня от этого неразумия, нерадения, забвения и окамененного нечувствия!..

Ты, Господи, заповедал веру живую, являемую и в мыслях, и в делах моих (Мк. 11, 22—26). Нет у меня такой веры, Господи! Читаю, говорю о вере, а сам я так далек от такой веры... И как мне хочется иметь эту веру!.. Господи! Дай мне ее; нигде, кроме, как у Тебя, я получить ее не могу!.. *Верую, Господи: помоги моему неверию!* (Мк. 9, 24).

Я не люблю Бога.

Это страшно, но это так и есть.

Пощади меня, Господи!

Если бы я любил Бога, то непрестанно размышлял бы о Нем с радостью, с сердечным удовольствием, каждая мысль о Господе доставляла бы мне отрадное наслаждение (ведь с какой радостью мы думаем о любимом человеке).

Напротив, я гораздо чаще и гораздо охотнее размышляю о житейском, а помышление о Боге составляет для меня труд и сухость... И я скорее стараюсь оставить такие мысли и перехожу на другое...

Если бы я любил Господа, то с какой радостью я стремился бы беседовать с Ним. (Как я рад всегда увидеться и поговорить с любимым человеком!..)

Беседа с Господом — это молитва. Причем Господь совершенно определенно и ясно заповедал нам усердную, все учащаемую молитву. *Просите и дастся вам...* (Мф. 8, 7—11). *Молитесь и не унывать* (Лк. 18, 1).

А я должен заставлять себя молиться, насилловать себя, ибо душа и сердце с радостью молиться не умеют, не хотят молиться. И дремота нападает, спать хочется, все тело болеть начинает, везде ломит, и все болит, а лень подсказывает: «Оставь сегодня, в другой раз, сегодня устал, отдохни, полежи», а только стоит на самом деле оставить молитву — тотчас и сон, и болезни исчезли, и я могу и час, и

два просидеть и проболтать о каких-либо пустяках, или пролежать с книгой пустой и ничтожной и час, и два, и больше.

Если так прервать разговор с человеком, это считается непристойностью, грубым, неприличным оскорблением собеседника, а если этот человек выше меня в общественном положении или старше по возрасту, — то считается дерзостью дикой. Если мы прерываем беседу с Господом — молитву, то какое страшное оскорбление Великому Отцу Небесному, Творцу, Промыслителю и Судии!

Как горько тоскует Ангел Хранитель и как радуется лукавый враг наш, видя такую дерзость нашу!

И мы — все еще живы, еще Господь терпит и жалеет нас, хотя за дерзость такую сразу уничтожить бы надо!..

Если я кого люблю, то беспрестанно думаю о нем. При всех занятиях любимый друг не выходит из головы моей, воображаю его, мечтаю о встрече с ним, — а я в продолжение дня едва ли час один выделяю для мысли о Боге, чтобы погрузиться в размышление о Нем, воспламенить себя любовью к Нему, — а 23 часа в сутки служу усердно своим идолам... О чем угодно размышляю, только не о Боге, не о душе, не о спасении своем. Мало того, такое размышление, такую заботу считаю чем-то несущественным, маловажным, побочным занятием моим, которым я должен заниматься разве только «на досуге», когда со священником встречусь, или на беседе в воскресенье.

А дни, недели, годы летят, листки с календаря жизни моей отрываются быстро-быстро...

А там — суд и...

...иди от Меня, проклятый...

...Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет... (Ин. 14, 23).

...Не любяй Меня, слов Моих не соблюдает (Ин. 14, 24).

...Аще кто во Мне не пребудет, извержется вон (Ин. 15, 6).

...Аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей (Ин. 15, 10).

Как страшно слышать все это мне, тяжкому грешнику! Выходит, я совсем никогда не любил и сейчас не люблю своего Господа и Спасителя! Я не только не соблюдаю заповеди Господа, а даже мало и стараюсь о том, и не знаю заповедей Евангелия, и не стараюсь узнать.

По истине и честно я должен сказать, что не люблю Тебя, Господи! Что может быть ужаснее и горестнее моего положения! Господи, пощади меня! Пожалей меня! Не уничтожь меня сейчас! Дай мне время покаяться и принести плоды покаяния!

А так величественна и беспримерна любовь Твоя, Господи, ко мне, несчастному грешнику! Для меня Ты на землю сходил! Для меня Ты страдал на Кресте! Для меня Ты Кровь Свою проливал! И сейчас Ты, Господи, питаешь меня Своею Пречистою Кровию и Пресвятым Телом Твоим — этою страшною дивною пищею Ты очищаешь меня, освящаешь, радуешь...

Я часто отвергаю Тебя, горько оскорбляю Тебя, часто бегу от Тебя, — а Ты ищешь меня, зовешь, обещаешь радость и прощение!

Я часто отвергаю любовь Твою — а Ты не перестаешь любить...

Я склоняюсь к сатанинским внушениям, с усердием бегу к делам злобы, — а Ты все ждешь и зовешь!

Зовешь меня всегда, везде и всюду —

И в предрассветном сиянии зари,

И в тихом мерцании звезд полуночных,

Зовет к Тебе и яркий румянец утра,

и тихий отблеск заката.

И в грохоте бури, и в тихом шелесте листьев,

и в нежном шепоте предутреннего ветерка.

И в ясной улыбке младенца,

и в дивной красоте человека —

везде слышен чуткому уху христианина

призывный голос Божества!..

Господи мой! Великий и Дивный в любви Твоей! Поистине дивна любовь Твоя, которая все еще не устает звать и ждать! И велика радость бывает на небеси, когда один хотя, один только услышит, поймет и... заплачет с горькой тоской о грехах своих.

Господи!.. Пусть это буду я!

Нет надежды на Тебя, Господи!

Придет горе-испытание — я ищу среди людей и думаю: вот тот мне поможет, этот мне устроит, а к Тебе, Господи, обратиться и на мысль не приходило... Между тем, Ты хранишь меня с детства лучше матери родной. Сколько благодеяний Твоих надо мною было!.. А я и не благодарил Тебя и даже не думал об этом.

В деле спасения моего надеюсь на себя, на свои силы, — когда каюсь, говорю: «вперед не буду», и снова то же делаю. И все потому, что я неразумен и просто глуп, не трудился над выполнением заповедей Евангелия и потому не имею опытного познания своего бессилия, не имею смирения...

Нет у меня страха Божия (начала премудрости).

Сколько раз в разговорах пустых и ничтожных я Имя Твое, Господи, упоминал без благоговения, без страха и трепета!

Прости меня, Господи!

Я — еще хуже — когда божился и лгал, — знал, что лгал, но божился, желая уверить людей в своей правоте.

Окаянный я человек!

Я не имею любви к ближнему.

Я из людей люблю только своих родных, и только тех, кто меня любит, а других людей любить — и думы не было. И даже странным мне такое дело представляется... И это так и есть на самом деле.

Ведь если бы я людей любил, как самого себя, то несчастье их поражало бы меня, а благополучие их меня восхищало... А на деле — я с большим любопытством выслушиваю несчастные повести о близких, не сокрушаюсь, а остаюсь равнодушным, или, что еще преступнее, — доволен бываю этим.

Недобрые поступки ближних я не умею покрывать любовью, а еще с осуждением их разглашаю.

Благосостояние, честь и счастье ближнего меня не восхищают, как собственное, не производят радостного чувства, а наоборот — или я остаюсь равнодушным, как ко всему чужому, или даже чувствую зависть и как бы презрение к ним.

Никому и ни в чем я не верю, всех подозреваю, все кажется мне, что окружающие меня какую-то гадость мне готовят. Какая тут любовь!..

Врагов любить заповедано мне. За них молиться, хорошо отзываться, благотворить им. А я готов им мстить, злорадствую, когда им худо бывает. «Так им и надо», — говорю и так думаю... Пощади меня, Господи!

Человек всякий — образ Божий, а я унижал в нем образ Господень, заставлял людей служить моим прихотям и страстям, — стремился использовать их для себя и даже злился на них, когда они уклонялись от того...

Грешен, тяжко грешен я!

Сердился на окружающих, что они мало ценят меня, не понимают, какой я великий человек. Казалось иногда, что весь мир для меня существует и все служить мне должны. Стыдно и вспомнить теперь об этом... Судить людей — это мое постоянное занятие: и тот худой, и тот скверный — лучше меня никого нет...

Не боялся я суда Твоего, Господи! И Благодать Твоя отступала от меня...

Безрассудно нарушал я заповедь Твою! Есть ли прощение мне окаянному!..

Спорил с людьми, все хотел на своем поставить, упрямо не принимал никаких резонов и спорил только для того, чтобы на своем поставить...

Прости, Господи, дикую глупость и дерзость мою!

А сколько людей я на грех соблазнил! Господи мой Милостивый, и словом, и делом, и жизнью своею я подал пример скверный, особенно малым детям! Знаю, как велик и страшен грех этот, знаю, какое страшное последствие он за собою несет... Страшно и вспомнить теперь. Ужас леденит сердце мое!

А что сделаю?..

Решаюсь опять прийти к Тебе, Господи! Ради Христа, ради Крестных заслуг Господа Иисуса Христа — прости меня!

Ты, Господи, заповедал мне и всем: *Вы есте свет миру* (Мф. 5, 14). Вы должны жить так, чтобы показать людям, как жить надо,

как поступать надо во всяком деле... Должны распространять кругом ласку, доброе слово, любовь христианскую, чтобы люди, видя жизнь христианскую и благочестивую, прославляли Тебя, Творца и Вседержителя, даровавшего такие прекрасные заповеди.

А я жил... стыдно сказать, хуже неверных; никто из них не сделал миру столько зла, как я, несчастный... И говорили они: «Вот они — в церковь ходят, в церкви служат — а что делают?» И хулилось Имя Твое! Милостивый Господи! Есть ли мне прощение!..

А главное — часто мне Ангел Хранитель подсказывал и совесть говорила: оставь, не делай, не надо, нехорошо, грех, это грешно. А я презрел их предостережения и сознательно всякий грех делал. Тяжкий я грешник, Господи!

Я преисполнен гордости и чувственного себялюбия.

Все мои поступки это подтверждают: видя в себе доброе — желаю его поставить на вид всем и превозношусь перед другими или люблю себя; хотя и показываю наружное смирение, но приписываю все своим силам и считаю себя лучшим всех — по крайней мере не худшим...

Замечу в себе недоброе, порок — стараюсь придумать и подыскать извинение ему, покрыть его личиною необходимости или невинностью; стараюсь оправдать себя в сердце своем. Если и стремлюсь к чему-либо доброму, то имею целью или похвалу, или своекорыстные духовное, или светское утешение.

Словом: я непрестанно творю из себя собственного кумира — и служу ему непрерывно, со всем усердием, ища во всем услаждения чувственных и пищи для сластолюбивых моих страстей и похотений...

О себе самом, о спасении душевном — как мало я думал и заботился!.. Чтобы Господу угодить, чтобы всю жизнь мою, и тело, и душу Тебе целиком отдать — и мысли у меня не было.

Несчастный грешник я!..

Ты, Господи, заповедал хранить *ум чистым, как око, и тогда вся жизнь наша чиста будет* (Мф. 6, 22—23). А я даже не знаю о такой заповеди, а если и слышал, то пропускал мимо ушей, как что-то, не стоящее внимания... Мысли — одна другой сквернее, мысли греховные, мысли суетные, как река полноводная, текут в голове моей, и это всегда, и я часто даже услаждаюсь ими. Прости меня, Господи!

А мечтания какие!.. Мечтания об успехах в мире, о славе, об обеспеченности — глупые и дикие мечтания наполняют мою голову, и нет того (как завещают святые подвижники), чтобы *бросить в среду их Имя Твое — молитву Именем Твоим, чтобы разогнать их*.

А ведь я знаю это, часто читаю, но сам не делаю. Другим говорю, других учу, читаю им слова святых отцов... Словом: *Возлагаю*

на них бремена тяжелые, а сам и пальцем не хочу двинуть. И в результате: ум — нечистый, и жизнь темна... Что может быть горестнее такого состояния!...

Живу я так, точно мне и умирать не придется, о смерти, о загробной участи моей — ни заботы, ни думы нет...

Сам я не читал и не искал книг Божественных, и речи о том скучны мне казались, я их мимо ушей пропускал, точно это меня совсем не касается.

И сколько лет в таком нерадении прожито!..

Люблю похвалы от людей.

Радуюсь им, так они приятны мне. Бежать от них — я никогда и не думал. Сам собою услаждаюсь, хвалю себя, придумываю в себе такие добродетели, которых во мне никогда не бывало... Знаю, что такое честолюбие и тщеславие губит во мне и то небольшое, что, быть может, во мне иногда бывает...

И, следовательно, одной рукой я созидаю, а другой рукой — разрушаю, а жизнь проходит, а смерть не ждет, она здесь — вот она...

Раздражительный я!

Иногда вспыхнет раздражение, а почему? — и сам не скажу... Толкнут в трамвае — я уже ошетинился, иногда сдержусь, а чаще наговорю колкостей, грубостей. И самому потом стыдно...

Ты, Господи, в Евангелии (Мф. 5, 21, 22) первые Твои Слова устремил против страсти гнева как одной из начальных причин греха. Кто гневается, тот не имеет основных добродетелей: любви к ближнему и смирения. А на них все здание христианской деятельности утверждается. Все это я знаю, понимаю всю тяжесть греха гнева, и все же все это делаю.

Вспылю, сердце закипит, ум помрачится, и закричу непристойно, и жестокие слова обидные, было, что и толкнул кого, и ударил... Прости меня, Господи!

А после и обида на сердце живет, возмущение и вражда, — и, конечно, вместе с тем и пересуды, и осуждение...

Дома на внука непослушного закричу, и бил его, и обзывал по-разному — и этим жестоко обижал и жену, и дочерей...

Научи меня, Господи, терпеливо переносить это постоянное искушение. Дай мне терпение, великодушие и кротость.

Чревоугодник я!

Люблю вкусную пищу, услаждаюсь лакомствами: и сам их покупаю, и не отказываюсь, когда меня угощают...

Вспоминаю, как раньше (в Варшаве) пил дорогие вина и часто прискорбно бывает, что этого нет сейчас...

Ем и пью часто лишнее: объедаюсь, и вино пил, часто тайно ел и пил, посты не хранил — нарушал правило воздержания.

Любил покой излишний (негу).

В выходные стараюсь спать больше, чем надо: «отдохнуть», как говорить принято.

Чтоб спать на мягком, чтоб тепло было в квартире, даже излишне тепло. Чтоб одежда была удобная, красивая, добротная, равно и обувь... Чтоб работой не утруждаться и прочее... А слышу Твои слова, Господи: *Внидите узкими вратами* (Мф. 7, 14). А я... Будет ли пощада мне, Господи?

Осквернял себя мыслями о срамных предметах.

О них же и говорить совестно... И речи слушал такие, анекдоты мерзкие, книги читал такие — слушал и читал с удовольствием. И делом совершал срамный грех!

Господи! Пощади раба Твоего!

Сквернословил — и слушал чужие сквернословия...

И проходил мимо, не останавливая ругателя — и душа моя осквернялась этой поганью...

Воровал я!

Чужое присваивал, особенно пищу тайком брал, деньги присваивал, работал кое-как, а плату требовал, как за добротную работу, — и, следовательно, воровал средства государственные.

Лгал я часто — обманывал.

Сознательно и бессознательно говорил неправду, для красного словца, желая себя возвеличить или собеседникам угодить, сочинял истории, которых в природе вообще не бывало; желая прикрыть свои грешки, выдумывал различные истории; желая удовлетворить страстям своим, придумывал и говорил ложь, неправду; желая корыстно обмануть и воспользоваться состоянием чужим — обманывал других людей и по другим различным причинам лгал и обманывал. Грешен я, Господи!

Любил праздные речи!

И говорить, и слушать. Рассказывал всякие смешные анекдоты, желая казаться веселым и общительным человеком, чтобы понравиться людям, болтал и говорил пустое, стараясь быть остроумным, стараясь поддержать веселое настроение собеседников.

Передавал в этой болтовне чужие недостатки в смешном виде и тем самым судил и осуждал людей.

Смеялся над людьми и находил в этом удовольствие и вовлекал людей в этот грех пустого времяпровождения и осуждения!.. И сколько часов в жизни моей прошло в таком безобразии!

Завидовал я!

Сознательно и бессознательно, всему тому, что видел и узнавал. Все мне надо: и вещи, и одежда, и обувь, и дома, и жилища, чужая

обстановка, — все, что служит к комфорту жизни, — и в домах, и в магазинах, — если я видел, я уже желал это и для себя и даже какую-то обиду чувствовал, что у меня этого нет.

Готов был жаловаться и на жизнь свою, на свое несчастье (как я называл), расстраивался так, что доходил до болезни, — и все из зависти.

Стыдно и больно вспомнить это теперь!

Собирал «на черный день»!

И деньги, и вещи прятал от людских взоров, даже от своих близких. Часто себе и родным, близким отказывал в нужде, лишь бы сохранить свои сбережения; радовался, когда эти сбережения все увеличивались, и горевал, когда приходилось их расходовать.

В них полагал надежду на обеспечение себя как при неудаче, так и в старости. Надеялся на эти «свои сокровища», к ним сердце мое прилежало, а Господь сказал ясно: *Не собирайте себе сокровища на земле...* (Мф. 6, 19—21).

И, выходит, я не верю в Господа Бога-Промыслителя, не на Него возлагаю надежду свою во всякий момент жизни моей, а на «кубышку» мою, где у меня запрятано свое сокровище...

Так ли христианину жить и действовать следует?

Прозящему у тебя дай (Мф. 5, 42) — вот ясная заповедь Твоя, Господи! *Подавайте милостыню из того, что у вас есть: тогда все у вас будет чисто* (Лк. 11, 42). Сказано ясно и обещана за милостыню чистота души и тела.

А я? Часто не подавал нищим или из жадности: боялся, что в моих сбережениях нехватка будет, или разбирал, кому дать: стоит ли бедный, чтобы я его своей копейкой облагодетельствовал, часто находил их недостойными моего благосклонного внимания, называл их лентяями, бездельниками, толстою рожеею и другими неподобными словами.

Между тем Ты, Господи, Сам нищего послал и ждешь, как я исполню Твою заповедь: давать всем, кто просит, без разбора. Кроме того, Ты Сам, Господи, принимаешь милостыню.

А я?.. Пощади меня, Господи!

А сколько есть таких, которые не пойдут просить, а помощь им необходима, как воздух для жизни. Надо их найти мне самому и побывать у них, снести мне самому к ним...

А я?.. На Страшном Суде Своем за что Господь ублажает праведных: *Алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне* (Мф. 25, 31—36). Следовательно, милость эта — Господу Иисусу Христу оказана: *Понеже сотвористе единому сих братии Моих меньших, Мне сотвористе* (Мф. 25, 40). С какою же радостью я бы должен был совершать дела милосердия! А я?.. Пощади, Господи!

Первая церковная заповедь.

Предписывает молитву дома (утром, вечером, до и после еды и проч.) и в храме во дни Богослужения (вечерню, утреню, Литургию). В молитве всегда должны быть внимание (заключай ум в слова молитвы), благоговение и сокрушение.

Ведь я во время молитвы стою один — с глазу на глаз пред Самим Господом Богом, Творцом и Промыслителем всего сущего, Владыкой и Судией моим... Быть может, от этой минуты зависит вся моя участь, вся будущая жизнь — и земная, и небесная!

А я стою небрежно, читаю слова молитвы без внимания, без страха и трепета. Часто прерываю молитву, чтобы сделать то или иное; читаю слова молитвы и слушаю радио или разговоры в квартире, часто даже сам вступаю в эти разговоры, скажу то или иное собеседникам и — снова (как ни в чем не бывало) читаю слова молитвы.

В храме — также или слушаю, что кругом говорят, или наблюдаю за соседями и даже часто осуждаю их.

Словом: ум — в развлечении, сердце молчит — никак не отзывается... Что можно такой молитвой испросить у Господа? — Только и можно оскорбить Его... И как часто так бывало!.. И я до сей минуты еще не уничтожен!.. Дивно долготерпение Твое! Беспредельно Твое милосердие!..

Иногда я и вовсе не молился дома — утром, вечером; в храме — не был ни у Всенощной; ни у обедни; или ушел до конца службы. Сел за стол без молитвы, и встал без молитвы.

Даже стыдимся перекреститься среди людей, стыдно — точно это преступление какое... И это крестное знамение — наша радость, наша сила, наша надежда.

Господи! Пощади меня!

А что говорить о том, чтобы отгонять при молитве всякие ненужные и негодные мысли. — И думы об этом не было.

А чтобы дорожить молитвой, как великим сокровищем, хранить молитву; заботиться о том, чтобы преуспевать в молитве?.. А чтобы плакать, горько плакать о своем положении? Чтобы со всяким смирением и сокрушением падать к подножию Креста Христова? Чтобы сердце страдало за нечистоту свою, чтобы на огне тоски, муки, душевного горя переплавлялась наша гордость, самолюбие... Чтобы... непрестанно молиться...

...И много-много еще о чем говорят Божии Святые...

Я... еще и не думал об этом...

Вторая церковная заповедь.

Пост в определенные дни (4 поста, среда, пятница, 14 сентября, 29 августа). Пост телесный (известный род пищи) и пост духовный (обуздание страстей).

Я так часто нарушал посты, что и совесть перестала укорять меня — притупилась, заглохла. Господи! Господи!

Еще и оправдываю себя, придумывая различные увертки и извинения... Начинаю говорить, что это отжило свой век, что никто теперь не постится, — забывая, что, сколько бы грешников ни было, всем в аду места хватит.

А сам я... Нет! Нет! Я в ад не хочу!..

Начинаю исправлять заповедь о посте, по-своему ее понимать. Говорю: я буду меньше есть, но без мяса, масла... не могу.

Я не ем мяса, но молоко и масло буду есть. Я не ем конфет — вот мой пост! И другие фокусы, выверты и уловки...

А постился Христос Господь, постились апостолы, постились все святые и сейчас постятся истинные христиане...

А я... своевольничаю...

Третья церковная заповедь.

Уважение к пастырям — как служителям Божиим, возвещающим волю Божию, — просьба их советов в духовной жизни.

А я... часто издевался над священниками, над внешним видом их, над одеждой и т. д. А если сам не делал так, то слышал насмешки над ними, издевательства — и не только не останавливал речей тех, не уходил от них, а еще иногда сочувствовал им.

Судил и осуждал духовенство. А по какому праву?

Четвертая церковная заповедь.

Исповедь не менее четырех раз в год (с соответственным приобщением).

А я... и раз в год не был. А если и был, то приходил без сокрушения и уходил холодный. Не готовился к исповеди, как в храме учат. Утаивал грехи свои: стыдно было признаться...

О страшном Таинстве — Тела и Крови Господа и думал мало, и не понимаю ничего, да и узнать не стараюсь...

Пятая церковная заповедь.

Твердо хранить свою веру, не читать книг богохульных, не слушать речей таких.

Шестая церковная заповедь.

Молиться о всех живых и умерших христианах православных.

Седьмая церковная заповедь.

Соблюдать посты и молитвы, назначенные Епископом области во дни народных бедствий.

Восьмая церковная заповедь.

Запрещает похищать и употреблять на свои нужды церковное имущество.

Общее заключение исповеди.

У исповеди и Святого Причастия редко бываю — все некогда... А как бы надо чаще ходить! Сколько раз бывало: тяжело душа болит, надо бы сразу бежать к врачу духовному, а мне — некогда, откладываю — и все по-старому останется и забудется.

Ты, Господи, требуешь на исповеди все худое выкинуть, возненавидеть грехи свои, все силы собрать, чтобы их не делать вперед... А я и знал, да не делал так...

Ты, Господи, зовешь меня горько оплакать грехи свои, отстрадать за них, с болью сердца открывать их, с ненавистью думать о них, как о врагах своих, — а я приходил холодным, и уходил я бесчувственным...

И страшно подумать: неужели я каждый раз уходил непрощенный, не разрешенный от грехов своих?

Сейчас я должен явить Тебе, Господи, твердую решимость: отречься от греха, возненавидеть грех, переломить жизнь свою... И эту решимость подтвердить клятвой: поцеловать Крест и Евангелие, в том, что я так обещаю, так клянусь. Господи!.. Я искренне хочу так... И молю Тебя: помоги мне сдержать клятву мою!..

Особенно страшно мне то, что часто я порывался сказать свой грех священнику — да стыдно было. И уходил нераскаянный! Теперь только понял я, как страшно это...

Пощади меня, Милостивый!

Молитва.

Помолимся Господу!

Господи! Мой Господи!

Я — бездонная пропасть греха: куда ни посмотрю в себе — все худо, что ни припомню — все не так сделано, неправильно сказано, скверно обдуманно... И намерения, и расположения души моей — одно оскорбление Тебе, Господи, моему Создателю и Благодетелю!

Пощади меня, Господи Иисусе Христе, Боже наш! Я, как ничтожный человек, согрешил. Ты же, как Бог Щедрый, помилуй мя! В покаянии прими меня! Дай мне время принести плоды покаяния!

Не хочу больше грешить, не хочу оскорблять Тебя, Господи! Допусти меня до Причастия Святых Таин! Да снизойдет через них на меня Твоя сила Благодатная! Истреби живущий во мне грех! Живи же во мне, Бессмертный Господи; чтобы ни жизнь, ни смерть не разлучили меня от Тебя! Ими же веи судьбами — как хочешь, как знаешь — только спаси меня, бедного грешника! И благословлю, и прославлю Пречестное Имя Твое во веки. Аминь.

План обращения к прихожанам пред общей исповедью.

Зачем мы пришли сюда?

1. Сказать Господу, своему Отцу Небесному, что мы у Него непослушные дети: Его Слова не слушались, заповеданное Им не соблюдали, не выполняли.

2. И покаяться — похаять себя, сознаться искренне, что худо мы жили и поступали, что виноваты во всем, и нет нам оправдания. Придумывать извинения, оправдываться не хотим и не можем.

3. И искренне пожалеть:

Зачем мы так поступали? Зачем столько худого наделано? Зачем мы так обидели Господа, Который так любит нас, что умер за нас, за наше счастье, за нашу радость?..

4. И просить униженно — смиренно: прости нас, Господи!

5. И действительно добиться этого прощения; действительно почувствовать, что свалилось тяжкое бремя с души...

Слово

3 июля 1949 года

Вот вы, мои слушатели, говорите: батюшка учит нас разбираться в своих мыслях, чувствах, желаниях — какие из них хорошие, какие худые, и как от худых избавиться.

А на что нам это? Зачем?

Можно и без этого жить, и живут же люди: пьют, едят, веселятся, по увеселениям ходят; поработают, поспят, опять на работу. Когда и в церковь зайдут... И сколько таких! Так проживут до смерти... И чем это худо?

Такие речи, я знаю, у нас говорят... А то и так говорят: ходите, слушайте, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало...

Что ответить на это?.. Прежде всего то, что переборка своих мыслей, чувств, деланий — есть заповедь Евангелия. Вот прямая и твердая заповедь Господа: *Ищите прежде всего Царствия Божия и правды его* (Мф. 6, 33).

А где же оно — это Царствие Божие — бывает? Где найти его? *Царствие Божие внутри вас есть*, — говорит Господь. Внутри нас... А внутри нас что? Да вот эти самые мысли, чувства и желания...

Достигшие Царствия Божия, вполне понятно, имеют мысли, чувства, желания только те, которые угодны Господу, имеют чистое сердце, а если сердце «нечистое» — страстное, — то какое же тут Царствие Божие? Вполне ясно, что искать Царствия Божия — значит, гнать из сердца нечистоту... И Господь заветствует: *Очистите внутреннее, и тогда все у вас будет чисто...* Об этом мы уже не раз говорили и знаем, что это значит...

А во-вторых, долго ли это будет: есть, пить, по театрам ходить — веселиться, ни о чем не думая, вроде как птички живут, зверьки и т. д. Ой, недолго!.. А потом...

Вот я вам совет дам такой: посмотрите на себя в зеркало, на свое лицо, на глаза свои, волосы, щеки, уши, шею, плечи... и поймите: придет час — и это все сгниет... Да, сгниет... Неделikatное, быть может, слово, некультурное — но сама-то смерть деликатничать с нами

не станет... И глаза ваши потухнут, все лицо обратится в бесформенную слизь, и потечет с костей, а потом и косточки рассыпятся.

Земля еси и в землю отыдеши...

Итак, и голова, и руки, и ноги — все тело... станет прахом, смешается с землей, и где найти здесь смеющиеся глаза, веселую улыбку и пальцы с маникюром... Что же останется?

А вот и останутся мысли, чувства, желания, память наша, разум, соображения — словом, наш внутренний человек. И будем мы жить вечно с теми мыслями, чувствами, желаниями, какие мы принесли туда...

Что было на душе в момент смерти, это все и останется с нами — этот наш багаж, который мы с собой в дорогу возьмем.

А там жизнь иная...

И погодятся ли наши мысли, чувства и желания там, в новой жизни?.. — Это важный вопрос... И хочешь, не хочешь, а от этого вопроса отмахнуться нельзя, никак невозможно...

Нам говорит неверие: умер человек, «погиб», и нигде ничего не осталось... Вроде, как петуха или утку зарезали, съели — и конец всему. О, если бы так!...

Но ведь наше собственное сознание никак не хочет с этим мириться... никак мы сами с этим не согласны... А Господь Иисус Христос в Евангелии говорит слишком ясно и страшно: *И идут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную.*

Св. апостол Павел говорит: *Мертвые... услышат глас Сына Божия и услышавши оживут.*

Да и мы все, верующие люди, знаем и веруем, что смерть тела — это не конец. И мы с горячей мольбой обращаемся к Господу, да упокоит души наших усопших родных, дорогих сердцу людей, знаем, что они живут, только новой, другой, не этой жизнью... И верим, что и мы будем жить... А как жить? Вот вопрос, вот то, о чем мы и говорим сегодня.

Повторяю: жить будем с теми мыслями, с тем содержанием души, с каким были в момент смерти. А если так, как должно нас озабочивать, с чем мы перейдем туда.

Ученик спросил старца: «На что должно обратить особенную заботу сейчас?» — «А что озаботит нас в момент смерти?» «Конечно, грехи наши», — отвечает ученик. «Ну, так и думай о них и сейчас», — сказал старец.

Здесь под общим словом «грех» разумеется все падение человека, отступление от Бога людей — все то горе — погибель человеческая, в которую ввергнуто человечество грехом праотца. А для каждого из нас — наши собственные мысли, чувства и желания.

Смерть недалеко ходит... Очень и очень близко... Стало быть, откладывать надолго — некогда. Как внимательно надо сейчас же начать, пересмотреть содержание души своей!.. Какие у меня мысли?.. Какие чувства?.. Что меня радует?.. Что меня сейчас привле-

кает?... К чему сердце лежит?... Чего я желаю и т. д. И годится ли все это для будущей жизни?... Подойдет ли оно там? Ведь тогда ничего не забудем из того, что делали на земле и чем жили. Все станет ясно и неотвязчиво будет стоять пред умом вашим. И счастье, если эти воспоминания принесут радость, и какое горе — если наоборот. Тогда от этих картин горьких ничем не оторваться...

Сейчас: стало горько — пошел к кому-нибудь, в разговоре отвлекся, сел, книжку почитал, работой занялся, горькие думы и рассеялись. А там ни есть, ни пить, ни спать не надо. Ни книжки нет, ни в гости пойти, нечем развлечься, а только одна горькая, горькая дума: зачем?... зачем я так допустил?... зачем так делал?... зачем? Ведь Волю Божию и сам читал в Евангелии, и люди о ней говорили... И сказать, что не знал ничего, тоже невозможно.

Если у людей о законе говорят... Так, например, Петр I, когда издал законы Российского государства, то приказал напечатать на первой странице: «Никто не может отговариваться незнанием закона». Тем более тогда...

Сама совесть наша спросит:

а) А Крест над Храмом видел? Что он тебе напоминал? Думал о том, что такое этот самый Крест? А зачем он только над Храмом укреплен и поставлен? Почему именно Крест? Почему не шар, как над «Домом Книги»? Почему не остроконечный шпиль, как на Адмиралтействе? Или почему не звезды, как на Кремлевской башне? Приходило это в голову или нет?

б) А звон колокола слышал? Подумал, куда и зачем он зовет? Почему он бывает иногда печальный, иногда радостный?

в) А в Храм заходил, а там что видел? Что тебе сказали святые изображения? Думал ли о том, что на них нарисовано? Видел ли Распятие? Видел ли Христа в терновом венце? Со связанными руками? А это почему и для чего? Почему лики Святых нарисованы? Почему не все люди там изображены? Почему наших с тобой портретов там поставить нельзя? Что такое — святые? Как они святыми стали? И т. д., и т. д., и т. д.

Совесть замучает такими вопросами... и скрыться от нее некуда... Сейчас-то мы голос совести умеем заглушить.

А там — н-е-т.

Она заговорит и будет обличать; вот вам и страдание большое, тяжкое, страшное — еще до Страшного Суда...

А еще важно и то, что все, что на земле осталось, отлично помнить будем: кто там остался, как живет... И особенно, если дорогой сердцу человек да живет худо, не верует, глумится над верой и тем себе страшную участь готовит...

И за него страдать будем, еще вдобавок к своему горю... Там вера уже будет не нужна: там мы узнаем все.

Чего мне верить, что предо мною вот эта перегородка, когда я вижу ее и рукою до нее дотянусь. Чего мне верить, что на улице

солнышко, когда я вижу его и оно меня греет. Чего мне верить в то, что у меня в квартире есть, когда я отлично знаю, что там есть и чего нет, и т. д., и т. д.

Так и там не нужно мне будет верить, что мои усопшие родные живые, когда я их вижу и встречаю и беседую с ними. Не нужно мне будет верить в Ангела Хранителя, когда вот Он здесь и говорит со мною. Моя жизнь земная теперь окончилась, охранять меня больше не надо, и «тамошние власти» (как говорит епископ Феофан) его посылают на землю снова принимать младенца от купели крещения.

Не нужно мне верить и в беса, когда вот он, здесь, находится: издевается надо мною и тем еще более увеличивает мои страдания душевные. Я его вижу во всем его ужасном безобразии, один вид его «гнусен» (слова святого Серафима Саровского), отвратителен, и я никак не могу избавиться от него. Вот он кривляется, злорадно издевается надо мною: «А ловко я тебя за нос водил на земле! Ты мой! Ведь ты меня слушал! Куда я толкал тебя, туда ты и шел... Ты мой! Мы друзья были, и теперь вместе будем!»

А я ненавижу его, да поздно. С ужасом, с отвращением думаю, как я не понимал этого, как я был другом — и каким другом — такого ужасного чудовища!

И новое горе, и новые причины оплакивать свое положение. Хочется кричать, стонать, вопить: Господи, помилуй! Господи, пощади! Господи, пожалей! Горе мне!..

Но все это поздно!

Отсюда не побежишь к аналою на исповедь: нет моего батюшки, нет духовного отца моего... А ведь как звал он, как убеждал, просил, молил...

И зачем я не послушал его тогда!.. И горькие слезы, и ужасная тоска раскаяния, но все это не облегчает душу, как раньше, а только сильнее жжет и терзает и так растерзанное сердце.

Боже мой! Господи!.. Кричат несчастные грешники, кричать буду и я. Спаси меня! Прости меня! А тут вертится злой дух, проклятый, издевается, насмехается: «Маленько опоздал, — говорит, — чуть-чуть опоздал».

Да! Вот она, горькая доля грешника!

Я вижу в глазах некоторых недоумение, сомнение: «Что за странные речи! Так ли это?» А между тем именно так и есть...

Сначала о вере. Я сказал, что вера там заменится знанием и будет уже не нужна. А что такое вера?

Апостол Павел говорит: *Вера есть уповаемых извещение и вещей обличение невидимых* (Евр. 11, 1), или, по-русски: *Вера есть уверенность в невидимом, как в видимом, и в желаемом и ожидаемом, как в настоящем*.

«Уверенность в невидимом» — в невидимом мире, но ведь тогда мы сами будем там, в этом сейчас невидимом мире, и все увидим и узнаем, следовательно, вера отпадет.

Далее... Я говорю, что умершие все помнят, что с ними и с ближними их было на земле, по-прежнему думают, и кого любили, того и сейчас не перестают любить, и кого не любили, и сейчас думают о них неприязненно.

Скажете: так ли это? Странно что-то! И не укладывается в нашем сознании такая истина!.. Просто кажется почти невозможным такое дело. А между тем, эту истину открыл нам Сам Господь. Помните притчу Господа Иисуса Христа о богатом и Лазаре? Ведь ее сказал Сам Господь, Владыка жизни и смерти. А что там сказано? (Лк. 16, 19—31). Всю притчу повторять не станем, а только одно место.

Помните речи богача, который был в аду и обращался с мольбою к Аврааму-праотцу? Он горько сокрушался о своем положении, равно о том, что на земле остались пять братьев и живут они тоже худо, как и он жил, и он умолял Авраама — послать на землю Лазаря к братьям, разъяснить им, чтобы и они не попали на это место мучения.

Видите, он отлично помнит, что у него на земле остались именно братья (не сестры, не племянники, не отец с матерью, не друзья или знакомые, он о друзьях сейчас не говорит), и этих братьев пять — не больше, не меньше, а именно пять. Он отлично помнит, как они живут, знает, что живут худо, очень жалеет их, тоскует о них, любит их, так любит, что и свое ужасное состояние забывает. Он отлично понял уже, что о себе просить безнадежно, так хоть дорогие-то люди пусть избегнут такого ужаса.

«Пошли Лазаря!»

Видите, как нам открыл Господь! Умершие живут: и думают, и чувствуют, и желают. И мысли, и чувства, и желания, и полная ясности память о том, что на земле осталось.

Просит богач и слышит ответ безрадостный, который много, ой много и нам говорит.

Вполне возможно, что и о нас наши папы и мамы страдают сердцем, молятся, а с ними и Ангел Хранитель каждого из нас, и наши заступники — святитель Николай, святитель Иоасаф, преподобные Сергей, Серафим Саровский и другие — молятся, жалеют нас, скорбят, слезы льют — и слышат тот же ответ: «У них есть Святое Евангелие, Священное Писание, святоотеческие творения, у них есть проповеди, речи проповедников — там все сказано, что надо делать и как жить. Что они так безрассудно время проводят? И мертвые воскресали — а они все равно не верили им; и мощи нетленные — останки святых есть у них. Неужели они ничего не думают? Неужели не соображают: что это? зачем то? для чего это?»

И горек этот ответ нашим дорогим папе и маме, горячо нас любящим мужьям и женам, братьям, сестрам — которые не перестают и ныне горячо-горячо любить нас и заботиться о нас.

Слово

8/21 августа 1949 года

Говорят нам святые отцы, упорно и настойчиво убеждают:

Учитесь молитве Иисусовой. Учитесь употреблять в молитве Сладчайшее Всесвятейшее Имя Господа Иисуса Христа!

А нам... все некогда... Все откладываем... Ужо... Потом... Когда же начнется у нас молитва истинная, усердная?

А вот как отвечал Оптинский старец Леонид — в схиме Лев — на вопрос, всем ли дается молитва умная, сердечная: «Кого посетит Господь тяжким испытанием, скорбью, лишением возлюбленного из ближних, то и невольно (то есть сам того не ожидая) помолится всем сердцем и всем помышлением, всем умом своим. Следовательно, источник молитвы у всякого есть, но открывается он или постепенным углублением в себя по учению святых отцов, или мгновенно — Божиим сверлом».

Первое — мы в наших речах делаем: постепенно углубляемся в себя, читая святых отцов и их учение о молитве.

Второе — нам Господь Сам посылает, поражая наши сердца скорбями, телесными болезнями и душевными страданиями. Старец Леонид говорит, что в этом случае «Божие сверло» сверлит наше сердце.

Давайте честно сознаемся: ой, как мы ленивы молиться! Либо — неохота, либо — некогда... А молитва — мать добродетелей. «Стяжи мать, дети за ней придут», — говорят подвижники.

Молитва — рука протянутая, в которую Господь вкладывает Свои благодеяния... Если рука не протянута, куда положить милостыню?... И как узнать, просит человек или нет? Вот и грянет гром, бахнет горе и застонет душа ленивая, засуетится, бросится искать утешения, вспомнит и молитву... Горе научит, заставит вспомнить молитву... и научит молитве... И молится, молится, тоскует страдающая душа... Горе не отходит... Молитва продолжается, слезы усиливаются... Время идет... и молитва разгорается... Искра рождает пламень...

И что же получается? Человек привыкает к молитве, она становится потребностью сердца, сродняется с человеком, находит себе прочное место в сердце и жизни человека. А с молитвою, укоренившеюся в сердце, — и дети ее тут же. Крепнет вера, приходит понимание своего, да и чужого горя, страдания. На собственном опыте человек начинает понимать чужое страдание, и не только понимать, а и сочувствовать чужому горю — жалеть другого страдальца.

И мысли просветляются... И сердце делается мягче и чище... Дальше — больше... И другие дети молитвы придут... И... начинается христианская жизнь... И храм, и священные книги, Святое Евангелие, и речи о том — все ближе и дороже становятся: так бы и слушал, и слушал — дольше и больше...

А мирские утех и развлечения куда-то вдаль постепенно отходят, станет так ясно: а зачем они мне?

И это молитва сделала, родные мои! Проснулась крепко спавшая душа-христианка, и сама делается светлее, и кругом начинает сеять свет, милость и утешение...

Это вы на себе испытываете все, и сейчас готовы от сердца сказать мне: все верно, все так и есть!.. Отстать от молитвы душа уже не в силах, не сможет, что бы ни говорили, как бы ни посмеивались окружающие. Пусть назовут ханжой, святошей, юродивой или еще как — вы уже не обратите внимания на эти речи, не будете злиться, как раньше, на таких людей, а наоборот, искренне их — пожалеете: бедные-бедные, как они не понимают того великого утешения, которое приносит молитва? Ибо Господь вливает в сердце страдальца тихую, смиренную, но вместе и неистребимую: ничем не колеблемую надежду, что вот-вот и кончится горе его, и он получит то, о чем просит, о чем тоскует душа его...

Помните и это...

Господь не сразу выполняет просьбу, а держит человека в напряженном ожидании. Иногда это состояние длится и очень долго... Разве мало случаев, когда не получавший по просьбе своей и вовсе забросил молитву... и молиться перестал...

А из того, что я сейчас говорил, вы сами видите справедливость слов святых подвижников, что самая молитва часто бывает безмерно дороже того, о чем мы просим.

А вот представьте, что человек получил все, о чем просил... какой радостью неизреченной наполнится его сердце, и с какой силой он воскликнет: «Слава Богу за все!»

И вот это радостное, светлое «Слава Богу!» воскликнете и вы, когда по смерти будете в Царстве Господа, в светлом Раю, если сейчас на земле будете со всяким старанием слушать и выполнять учение святых отцов о молитве Иисусовой, которое Господь Иисус Христос Сам вам предлагает с этого святого места, через нас, недостойных грешных служителей Его. Ведь молитва, а особенно молитва Иисусова, есть залог спасения, есть путь, каким приходит в человека Царствие Божие.

Учитесь же Молитве Иисусовой! Какой радостью сияли глаза матери, о которой я говорил в прошлое воскресенье и которая после долгих упорных молитв о своей заблудшей дочери — услышала от нее: «Мама, спроси у батюшки, когда я смогу прийти на исповедь?» И это после того, как совсем недавно не желала слышать о Боге, издевалась над верой, над иконами, над матерью, называя ее «старой ханжой». Видя ее радостные слезы, и я не мог удержаться от слез!

Матери! Отцы! Страдающие и тоскующие о заблудших детях своих! И вам завещана эта светлая радость видеть детей с вами вместе, видеть их христианами! Молитесь за них со всем усердием, на какое ваше сердце способно, и не смущайтесь, если они вначале еще

злее станут издеваться, еще более неразумные речи говорить станут. Это не они говорят, а дух недобрый. В прошлое воскресенье об этом речь была.

Только помните завет Господа: *Молиться и не унывать* (Лк. 18, 1). Будьте неотступны, упорны, настойчиво просите у Господа и Матери Божией и у святых Его...

В этой же главе, 18-й, Евангелия от Луки, где стоят сказанные слова Господа, далее притча Господа изложена, откуда ясно и понятно видно, как важна неотступность в молитве. Твердо помните и еще вот что. Пути Божии неисповедимы и нам неведомы и совершенно непонятны. Почему одному Господь по просьбе его — очень скоро, другому — дольше не исполняет прошения, иному — очень и очень долго. Это — тайны судеб Божиих!..

Может быть, и вы очень долго не получите желаемого и просимого... Не унывайте и просите! *Всякий просящий получает*, — сказал Господь. И вы рано или поздно получите... Это несомненно... Так молимся и будем молиться о детях наших неразумных, непослушных, заблудших...

А подумали ли мы и о том, как же они такими стали?... Быть может, они родились на свет уже непослушными, заблудшими? Или сама мама учила их не слушаться?

Конечно, нет! А как же в самом деле?

Кажется, ясно, что на дороге жизни им попались навстречу примеры недобрые, недобрые товарищи и подруги, у которых они и нахватались дурных мыслей и чувствований. Ушли дети наши в школу на весь день; ушли на работу — опять на весь день... Нас там нет... А с кем они повстречались, не чаем...

Да, наконец, мы сами часто гоним их вон из комнаты: уйди с глаз долой, надоед, иди на улицу или куда-нибудь — говорит мама, начиная прибираться в комнате. Ну, он и идет куда-нибудь... На улицу... А улица научит доброму?... Ведь известно, что дурное прививается скорее, чем хорошее... Ведь правда?

Так и есть у нас. Как же быть?

Нас, родителей, там нет, повторяю, с ними, и мы не можем уберечь нашего сыночка и доченьку от дурного примера.

Нас-то нет — это верно, но верно и то, что с ними, как и с нами, везде и всегда Господь Вездесущий, с каждым из них Ангел Хранитель, над всеми нами Покров Пресвятыя Богородицы. И ой как надо нам просить Господа Иисуса Христа и Его Матерь Пречистую, и Ангела Хранителя, чтобы охранили, защитили, уберегли наше дитя от злого человека, от дурного примера. И это когда же так просить?

А всегда! Каждый день, каждый час...

А стало быть, и молитва наша за детей никогда не должна прекращаться.

За худых — молиться, чтобы лучше стали.

За хороших — чтобы не свихнулись и не испортились... Испортиться — очень легко... а как исправиться?... Очень трудно... Каждый человек имеет свой характер, свои достоинства, свои и недостатки.

Скажем, например, самомнение у каждого гордеца есть, но оно у каждого проявляется по-разному, имеет свои оттенки, требует своего подхода, своего лечения...

А вы знаете, как во всем этом бесконечном разнообразии разбираться? Знаете, какой именно подход нужен к вашей дочери, к сыну? Конечно, не знаете! Только Господь Бог Всеведущий и безгранично Премудрый знает, как подойти к каждому человеку. Он — Премудрый и знает, как спасти ваше чадо. И не только знает, какое средство нужно употребить, но и силу имеет применить это средство спасения. Ведь Господь — Всемогуш! А еще помните, что Он — Всеблагий: и любит и вас, и ваше дитя, куда больше, чем вы любите, и желает ему спасения, как и всякому другому человеку.

Бог есть Любовь! — говорит святой Иоанн Богослов. — *И всем человеком хочет спастися и в разум истины прийти.* Выходит, наша молитва здесь, на земле, не должна умолкать ни на один час...

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных!

Помните и чаще вспоминайте: *Просите и дастся вам... Всякий просящий получает...*

Вспоминание сих слов Господа крепко подталкивает молиться... Поручите ваших детей Господу Иисусу, Матери Божией — и непрестанно умоляйте их сотворить с ними милость Свою.

— А как же мне-то относиться к ним, когда они так обзывают меня, гонят из комнаты? — спрашиваете вы...

А я вам всегда говорю одно: молчите, терпите и не серчайте, а жалейте их. Жалейте их, неразумных. Просите им милости Божией и *терпите*: нам за наши грехи этого еще мало, надо больше, еще больше; вспоминайте, как вы относились к родителям. Вспомните и то: Господь не то терпел и нам терпеть велел. *Претерпевый же до конца, той спасен будет*, — говорит Господь.

А у нас и конец-то уже близко, терпеть недолго осталось. В терпении вашем стяжите души ваши.

Еще один вопрос маленький.

А вы сами в своей личной жизни, наверное, не раз и не два наблюдали такое дело. Сколько раз над вашими головами висела беда, та или другая, совсем надвигалась, вот-вот раздавит... а нет... мимо проходила... А вы не подумали в этот час, что это за вас на том свете молятся усердно ваши папы и мамы? Ведь они живы, а если живы, то и любят вас по-прежнему, а может быть, еще и больше, жалеют вас, страдают за вас...

Богач в притче Евангелия и в аду страдал и молился за братьев своих. И ваши отцы и матери не могут не любить вас, не могут не молиться за вас.

Теперь понятно будет и то, что я хочу дальше сказать... Представьте себе, что Господь по дивной неизреченной Своей премудрости по причинам, Ему Одному известным, замедлил в исполнении просьбы вашей о детях ваших, да так замедлил, что и час смертный ваш подошел. И вы перешли на тот свет, не увидев исполнения молитвы своей. Что же? Вы перестанете любить детей? Перестанете молиться за них?

Нет, этого быть не может...

Повторяю, Евангельский богач и в аду молился за братьев своих, что на земле остались. И эту тайну загробной жизни нам открыл Господь. И вы на том свете будете молиться, как молятся за вас ваши отцы и матери... И еще сильнее, чем на земле, еще упорнее будете стучать в двери Милосердия Божия. Ведь там гораздо яснее, ощутительнее станет крайняя нужда наша в Милосердии Божиим, и никакие дела, ни семейные, ни хозяйственные, ни общественные работы отвлечь от этих мыслей не смогут, ибо никаких таких дел там не будет. Вы упорно, неуклонно, с полным страхом и трепетом будете докучать Господу, стонать и вопить перед Ним... И не сможете иначе.

Зато какое неизреченное счастье испытаете вы, когда за вами в то же светлое место, откуда отбеже скорбь, печаль и воздыхание, придет после вас и ваш сын или ваша дочь и скажет:

— Мапочка! Милая! За твои молитвы и я помилована Господом!..

Есть ли слово, чтобы описать эту вашу радость и ликование! Нет такого слова на языке человеческом!..

И кроме этой радости — видеть помилованным своего сыночка или доченьку, вы сами-то за вашу усердную, неотступную, непрестанную молитву, будете помилованы в своих личных грехах, будете очищены огнем молитвы, огнем страдания вашего...

Молитва — мать добродетелей, она, сроднившаяся с вашим сердцем, приведет к вам всех чад своих. Вы окажетесь сосудом благодати, Храмом Бога Живаго!..

У вас будет сердце чистое...

«Что такое — сердце чистое?» — спросили святого Исаака Сирианина. А он ответил: «Сердце милующее, сердце любящее. Это сердце тоскует о сломанной былинке, о покалеченном дереве, а не только о страдающем человеке».

И у вас будет это сердце чистое! Какое счастье!..

Сам Господь называл блаженными — счастливыми — людей с чистым сердцем. Ведь они непостижимо для нас Бога узрят... Вот к чему вы придете, если неуклонно, непрестанно, с терпением, с упорством будете посылать ваш вопль Творцу — Вседержителю: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй моего Ванюшку или Оленьку!

Ведь ваша молитва не покупная, она есть плод искренней любви к вашим детям. Она постепенно раскроет ваше сердце, и оно с та-

кой же искренней любовью начнет молиться и за всех — и своих, и чужих, и друзей, и врагов. Словом — молитва ваша станет истинно христианской молитвой любви.

А Бог есть Любовь! — говорит святой Иоанн Богослов.

И как Он сможет не ответить Своей Божественной любовью на голос истинной любви? И всякая молитва ваша будет услышана Господом Богом... Тогда пусть ваше всеобъемлющее сердце вместит и мою грешную душу, и за меня помолитесь!

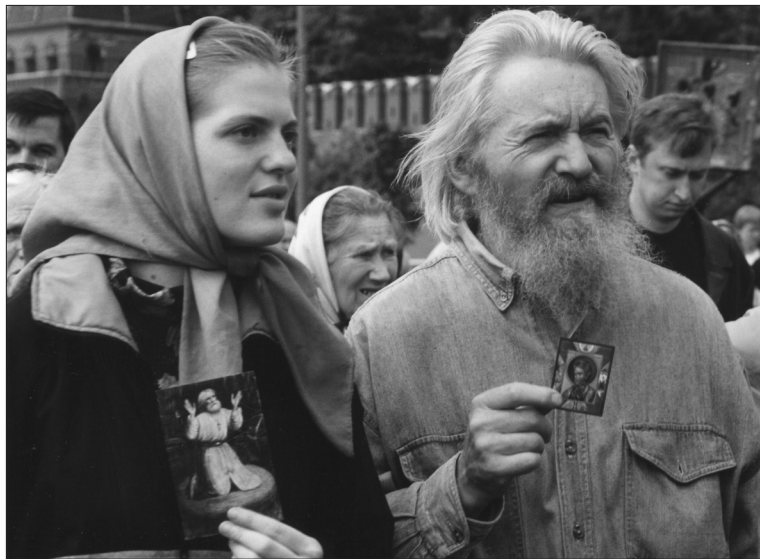
Аминь!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

ПАСХА
ХРИСТОВА

фоторепортаж
Людмилы
Ивановой

ПОЭЗИЯ

Олег ЧУПРОВ

ЕСЛИ В СЕРДЦЕ РОДИНА ЖИВЕТ

Олег Акимович Чупров — родился в 1939 году в селе Усть-Цильма Республики Коми. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького, работал на радио, в газетах. Автор девяти поэтических книг. Лауреат Всероссийских литературных премий им. К.М. Симонова и А.И. Фатьянова. Награжден Почетным дипломом Законодательного Собрания Санкт-Петербурга и Золотой Пушкинской медалью. Автор Гимна Санкт-Петербурга (на музыку Р. Глиэра). Член Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

* * *

Тихий свет над водою струится,
Словно дети, кувшинки глядят.
И деревья,

зеленые птицы,

Перед взлетом

чуть слышно галдят.

Принимаю покорно и кротко

Этот дар,

Предназначенный мне.

И моя заплутавшая лодка

Неподвижна в густой тишине.

А заря затуманенно рдеет

И касается весел и рук...

И так странно лицо холодеет

От любви ко всему,

что вокруг!

Свет струится —

Таинственный, дальний,

То ли ангел,

А то ли звезда...

И не хочется плыть

никуда мне,

Ну, а если и плыть —

В никуда...

* * *

«И добрые торопятся собаки...»

Я не был так давно в краю родимом,

Но вновь попутным ветром занесло!

И пахнет сладким,

Пахнет горьким дымом

Отечество мое —

Мое село!

Жаль — песня

по мосткам не хороводит,

Гармошкой шалой сердце не сразит...

И поколение новое проходит,

И равнодушно

Взгляд по мне скользит.

Иду один в осеннем полумраке,

Но светится окошками село!

И добрые торопятся собаки

И, вроде, признают за своего...

* * *

С доверием — к стихам!

И в лицах

столько света...

— Даете радость нам!

— Спасибо вам за это!
Но щедрые хлопки
Души не оглушили.
Я видел —
 земляки
Скорей домой спешили.
И разговор ведя,
Что, мол, сухое лето,
Что худо — без дождя,
Забыли...
 про поэта.

Поэта, что прольет
В стихах слезу
 толково,
А после — в самолет,
Чтоб в город
 на год снова!

...Подобно соловью
Пою про деревеньку!
Но родину свою
Теряю помаленьку...

* * *

Вновь в деревню,
 где истоки-корни,
Помолиться
Призрачной звезде...
Как на малой родине
 просторно!
Ибо лес повырублен везде.
Виновато
 поклонюсь в печали
Двум березкам,
 там, где косогор:

«Вы-то как,
 родные,
 устояли?
Не попали
 под лихой топор...»
Смотрят хмуро
 чахлые деревья,
Воздухом отравленным
 дыша...
Неужели
 у моей деревни
Засыхает на корню
Душа?

* * *

Деревенька у мшистого склона,
Избы тянутся
 к речке доверчиво...
Там живет моя тетка Матрена,
Вся в заботах
 с утра и до вечера.
Двор прибрала, воды наносила
И травы для козы накосила...

Хлев почищен,
 все грядки прополоты,
И дрова на неделю наколоты...
Только к ночи,
 присев на порожке,
Вскинет к Богу
 глаза воспаленные.
Вот — Россия моя!
 Не матрешки,
Не ансамбли красноречивые...

* * *

Ну-ка, где
 мои очки?
Надо ж —
 космос
 вновь штурмуют!
...А в деревне
 мужички
По хозяйству все
 шуруют.

Их судьба
 к земельке гнет,
Но упрямы
 Ваньки-встаньки!
...И до самых
 до высот
Белый дым
Из черной баньки!

НОВОЛУНИЕ

Посмотрите — луна стремится,
Чтоб накопленный свет отдать,
Ночью с солнцем соединиться!
Но с земли ее не видать...

Так поэт безвестен до срока,
Не дано талант разгадать...
И хотя он парит высоко,
Но с земли его не видать!

ПОДАРОК

«Мороз и солнце! День чудесный...»

А.С. Пушкин

Ах, спасибо маме за подарок!
День —
 мороз и солнце —
 был так ярко!
И в лесную даль звала лыжня...
Но сидел я в тесной комнатухе,
Где огромный мир,
Чье имя — Пушкин,
Словно океан, накрыл меня!

Где он, деревенский тот мальчишка?
Истрепалась-затерялась книжка...
Но во мне остался — океан!
Но осталось —
 детства дуновение,
Первой встречи
 чудное мгновение,
Город, что навек
Поэтом дан...

* * *

Этот город,
Как высший из высших даров,
Мне ниспослан...
И все же, в метаниях странных,
Восклицательным знакам
Высотных домов
Предпочту многоточие
Изб деревянных...

Мне взхлеб — «Петербург!» —
Повторять не резон:
Нынче русским поэтам
Здесь холодно что-то...
Но покинуть его не смогу,
Ибо он —
Город Пушкина,
Город бессмертного взлета!

* * *

«На берегу пустынных волн...»

А.С. Пушкин

Вглядываюсь в жизнь
 из-под руки
Через призму позднего рассвета...
У великой северной реки
Начинал тернистый путь поэта.

Под чужую дудку не плясал,
Воду пил из своего колодца.
Песню об Усть-Цильме написал,
Это мне когда-нибудь зачтется...

А на берегу реки другой
Гимн сложил
 о городе державном!
Странную слезу смахну рукой —

Что считать отныне
 самым главным?
Может быть... когда уйду, как все,
Напоследок мне
 подскажет память:
«У тебя была — трава в росе,
Пусть в зеленом детстве,
 но была ведь!»

Не прельщаясь златом-серебром,
Выстрадал награду — быть собою!
Счастлив тем, что есть надежный дом,
Женщина, мне ставшая судьбою!

Только дом, в котором я живу,
Мой фрегат,
 плывущий средь простора,

Днем —
 окном выходит на Неву,
Ночью —
 из него видна Печора...

* * *

Светлая, как облако, река.
Весла выгибаются упруго...
Родину любить издалека —
Это, брат, не велика заслуга!

Так я говорил себе... Но вот
Жизнь свою окидываю взглядом:
Если в сердце родина живет,
Значит, я не вдалеке — а рядом!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

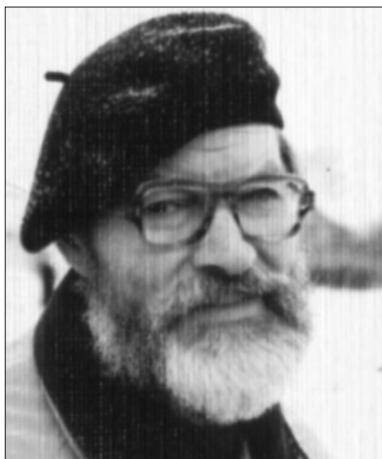

ПАСХА
ХРИСТОВА

фоторепортаж
Людмилы
Ивановой

ПОЭЗИЯ

Владимир ЖИЛЬЦОВ

**ВЕЩИХ
ПРЕДКОВ
ЯВЛЕННАЯ
МИЛОСТЬ...**

Стихи поэта Владимира Жильцова хорошо известны на нижегородчине. Он член Союза писателей России, автор нескольких поэтических сборников и дважды лауреат премии Нижнего Новгорода в номинации «Поэзия». Долгое время Владимир был главным редактором нижегородских газет «Православное слово» и «Нижегородские епархиальные ведомости». Сейчас он входит в редакционный Совет журнала «Вертикаль. XXI век».

Отличительной чертой стихов Владимира Жильцова является полная открытость перед столь жестоким и немилостивым современным миром. Видимо, душевные силы, окрепшие в лоне Русской Православной Церкви, дают поэту возможность не убояться в разговоре с современниками поднимать самые острые темы, быть искренним, сопереживающим, а где необходимо и обличающим. Его поэзия вскормлена русской землей, русской культурой, русской верой. Поэтому я с удовольствием представляю ее читателям «Родной Ладоги»

**Валерий Сдобняков,
писатель, главный редактор
журнала «Вертикаль. XXI век».
Нижний Новгород**

НИЖНИЙ НОВГОРОД

Лижут волны золото песка.
Тюль тумана в тальнике слоится.
Простирула Волга облака,
Вывесила к солнышку сушиться.

И застыли чаек поплавки,
И вода качается немая...
Смотрится из зеркала реки
Беспредельность неба вековая.

Знать, не зря над ширью голубой,
Что сама в себе отобразилась,
Город встал державно-молодой —
Вещих предков явленная милость.

Камень стен кремлевских поседел,
Соль трудов с лица стирают башни,
Омываясь в сказочной воде —

Будущей,
сегодняшней,
вчерашней.

И кричат надрывные стрижи,
Обжигаясь вечности дыханьем...
Дай-то Бог и нам с тобой прожить
Краткий миг в бездонном мирозданье.

* * *

Вновь неба пронзительна просинь,
И время подняться с колен...
Восстал древний храм Мироносиц,
Страхнувши безверия тлен.

Средь массы случайных нелепиц,
Под осени медленный плач
Уйми утешительный лепет
Несбывшейся жизни палач.

Коль руки примерзли к железу,
Коль бедственный зиждется трон,
Коль русскою сказкой нетрезвой,
Как встарь, ты опять опьянен.

О том ли в молитвах просили?
О том ли душа возопит?..
Вновь храмы встают по России,
Да паства в могилах лежит.

УТРО РОЖДЕСТВА

Игумену Тихону (Затекину)

Сугробы сонные лепечут,
Но голос их никто не слышит...
Дымов мерцающие свечи
В Печерах над любую крышей.

Над замеченною полынью
Грустят плакучие березы —
Ведь даже самой лютой стынью
Не осушить России слезы.

Но возвещает миру снова
Звезда, взошедшая среди ночи,

Рожденье чудное Христово,
Что овлажнит любовью очи,

Что добротой отверзнет души
Для красоты неизреченной,
Позор беспамятства порушив
В заблудших сиротах Вселенной.

И без затей совьют морозы —
Нам так завещано судьбою —
Скань серебристую березы
С небес лазурью золотою.

УСПЕНИЕ

В. Сдобнякову

Вновь поспевают плоды заревые.
Снова приспела пора сентября...
Что ж мы застыли рабами немymi
У золотого небес алтаря?

Знание — сила,
Но истина — вечность,

Веком-быльем прорастает трава.
Кротко мерцает зажженная свечка,
И к небесам воспаряют слова.

Сердце томит неизбывная жалость.
Плачет дождем обступившая даль...
Церковь Успения — горькая радость.
Праздник Успенья — святая печаль.

* * *

Если мне суждена эта жизнь
С доброй песней про чудо земное,
Я не стану напрасно тужить
И, отчаясь, качать головою.

Словно в детстве она хороша.
В майский день и порой листопада
Холодеет в восторге душа,
Греют сердце покой и отрада.

И пытаюсь бесстрашно любить,
И с надеждой последней приемлю
Этих дней перепутанных нить,
Эту трижды распятую землю.

Ведь она никогда не предаст,
Хоть ее столько раз предавали!..
Но суров искупительный час,
Что таят ее грозные дали.

* * *

Изможденно лоснится трава
Под холодными ветрами мая,
И от мыслей гудит голова —
Забубенная и гулевая.

Что нам блеск оскудевшей Москвы,
Коль одарит любовным приветом
Горький дым прошлогодней листвы
У порога весеннего света?

Кривда с ложью под ручку пошла.
Боже правый! Какая немилость —
Злобный бред про империю зла,
Что рубашкою с ближним делилась.

Возлюбившая други своя
И порой о себе забывая,
Ты за все расплатилась, земля,
Всех заблудших державно прощая.

Всю округу засыплет листвою —
Золотой, краснолапой, звенящей...
Отчий край — он такой молодой,
Молодой, да как будто пропащий.

Боже правый! С небес возгласи
И даруй нам великую малость,
Чтоб навеки о светлой Руси
Ложь загнула, правда осталась.

НИЖЕГОРОДСКАЯ ОСЕНЬ

В пятнах золота Дятловы горы,
В легкой дымке маячат кресты,
Здравствуй, мудрый владетельный город
Древнерусской седой красоты.

Как терзали тебя и ломали,
Только все ж не сумели сломать...
Катит Волга в персидские дали
Вековую твою благодать.

Ты в трудах и гулянье неистов,
Хоть в кармане порой ни рубля,
Золотыми полтинами листьев
Осыпают Посад тополя.

Вознесенный над русским раздольем,
Над Окою и Волгой-рекой,
Ты хранишь непокорную волю
И смиренных надежд непокой.

Да, не каждый понять это в силах,
С лета в яблочко жизни попасть,
Если вдруг ненароком скрутила
Чужедальних привычек напасть.

Ветер-сиверко думы очистит,
Боль тревоги в душе утоля,
И банкнотами радужных листьев
За грехи разочтется земля.

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

**Александр
БЕЗЗУБЦЕВ-КОНДАКОВ**

«ПОСЕЯННОЕ МЯСО», или ЗАЧЕМ НАМ УЭЛЬБЕК?

Александр Евгеньевич Беззубцев-Кондаков — родился в 1980 г. в Ленинграде. Окончил РГПУ им. А.И. Герцена (факультет социальных наук). Первая публикация в 1995 г. Член Союза писателей России с 1997 года. Академик Петровской академии наук и искусств. Автор исторических романов «Императорская муза» (СПб., 1996), «Три черных омута» (СПб., 2000). Работает как критик, литературовед — одна из наиболее заметных работ, посвященная Владиславу Ходасевичу «Поэт на черных дорогах», публиковалась в «Нашем современнике» (1999, № 8). За роман «Три черных омута» в 2002 году получил Премию губернатора Санкт-Петербурга в области литературы и искусства.

Автор ряда научных трудов, посвященных проблемам коммуитарного движения в Советской России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Если произойдет в России очередное ужесточение режима, то Мишель Уэльбек будет одним из первых писателей, кого у нас запретят. Потому что чем меньше гуманизма во власти, тем больше ее раздражает негуманная литература.

Говорить о том, что в творчестве Уэльбека, пишущего «о болезненной немощи европейцев»¹, мы обнаруживаем шпенглеровские мотивы «заката Европы», не слишком интересно, поскольку симптомы этого «заката» в романах Уэльбека до того очевидны, что хотелось бы размышлять прежде всего о тех социальных и психологических проблемах, которые в наши дни уже не являются специфически европейскими. По крайней мере, интерес российского читателя к творчеству Уэльбека позволяет утверждать, что черный пессимизм автора «Элементарных частиц» обретает в России сторонников. Помнится, когда во время визита в Москву Мишелю Уэльбеку в интервью на «Радио России» был задан вопрос о причинах успеха его книг в России, писатель ушел от ответа, обмолвившись лишь, что «интерес оправдан»... Наверное, немало российских читателей увидят в Уэльбеке единомышленника, когда обнаружат в его небольшом романе «Лансароте» такие размышления главного героя: «Как бы там ни было, мы стремительно приближаемся к созданию всемирной федерации

¹ Уэльбек М. Элементарные частицы. М., 2006. С. 203.

под управлением Соединенных Штатов Америки, и с английским языком в качестве государственного. Разумеется, перспектива жить под властью идиотов несколько смущает; но ведь это не в первый раз»². Полагаю, что с такой заинтересованностью в России могут читаться лишь книги, написанные *«про нас» или «для нас»*. И действительно, во время чтения его прозы иногда начинает казаться, что действие происходит не во Франции, а в России конца XX — начала XXI веков. И, оказывается, «интерес оправдан». В российском обществе само понятие «политкорректность» — это повод для анекдотов, и французский писатель, который словно бы взял себе за правило нарушать всегда и во всем эту пресловутую европейскую «политкорректность», ничем, кажется, не нарушает представлений российского читателя о политических нормах и ценностях. За Уэльбеком утвердилось репутация расиста, в 2002 году его таскали в суд за «разжигание межнациональной розни». Современное европейское общество испытывает некий травматический шок от самого обсуждения проблемы расизма, а такая болезненная реакция, прежде всего, говорит об уязвимости, о страхе перед тем явлением, с которым не можешь справиться. Но возможно, расизм — это сокровенное, подавленное желание европейца, его потаенная надежда. Европейец хотел бы реабилитировать расизм, чтобы спасти свою слабеющую белую расу, но для этого пришлось бы отказаться от многих привычных и удобных вещей — от толерантности, демократии, политкорректности... Поэтому в Европе всякий человек, не испугавшийся расизма, выглядит бунтовщиком. Возможно, бунтовщику тайно завидуют, но публично никогда с ним не согласятся... Один из своих принципов Уэльбек сформулировал так: «Углубляйтесь в темы, о которых люди не хотят слышать»³. Сам он неукоснительно следует этому положению. Все, что болезненно воспринимается обществом, — немедленно оказывается темой Мишеля Уэльбека. Трудно любить такого писателя, как Уэльбек... Ему не дорога демократия, он не ценит толерантность, а герой романа «Платформа» Робер, очевидно, высказывая тем самым и авторскую позицию, заявляет, что «понятие равенства в человеке не заложено»⁴. Борьбу за «свободу слова» Мишель Уэльбек зло и цинично высмеивает в романе «Возможность острова». Действительно, как можно бороться за то, что никто не способен отобрать, а если же у тебя изначально нет «свободы слова», то никто ее тебе не даст... Обратим внимание, что в России хотя и несомненно ценят такое завоевание демократии, как отсутствие цензуры и «свободу слова», считается почти что неприличным всерьез говорить об этом как о большом благе, наоборот, мы часто увлеченно разговариваем

² Уэльбек М. Лансароте. М., 2004. С. 40.

³ Уэльбек М. Остаться живым. М., 2005. С. 27

⁴ Уэльбек М. Платформа. М., 2006. С. 150

о цензуре, хотя на самом деле она не нужна никому... Уже на одном этом маленьком примере видна особенность нашего «ментального кода», которому оказываются близки идеи Мишеля Уэльбека с его декларативной «антидемократичностью».

Ну и что? — недоумевает по поводу всего этого российский читатель. «Возмутителем спокойствия» и скандальным автором Мишель Уэльбек в России не станет никогда. Внутренняя свобода Уэльбека для русского читателя — не есть некое достоинство, она, внутренняя свобода писателя, воспринимается нами как первейшее условие творчества. Куда ж без нее, свободы?.. Мы мало чувствительны к тому, что шокирует европейцев в книгах Уэльбека. И ничто не мешает нам воспринимать утверждения Уэльбека о том, что «мир — замкнутое пространство, кишашее живыми тварями»⁵, как своеобразную литературно-философскую позицию, претендующую на оригинальность, но отнюдь не как вызов «общественному мнению» или политический демарш. Поэтому мы обладаем известным преимуществом перед западным читателем: возможностью спокойного чтения; чтения и узнания того, что было *нами* пережито.

Но еще несколько слов о «взрывоопасном» расизме... За чтением романа «Платформа» начинаешь думать, как все-таки странно, что в демократических обществах Запада по-прежнему осуждается секс-туризм, ведь секс-туризм — лекарство от расизма, феномен в духе европейской толерантности, это — выражение мультикультурного общества, ничем не противоречащее материалистической антропологии современности. Секс-туризм — это ведь и есть глобализация, это смешение наций, это такой «международный контакт», который совершенно несовместим с агрессией, он тождественен если уж не любви, то уж наверняка симпатии и доверию. В прямом смысле — *взаимопроникновение*. Может быть, ничем иным, кроме секс-туризма, уже не примиришь Запад с Востоком?..

В романах Уэльбека живет предощущение новой «метафизической мутации, то есть радикального, глобального изменения картины мира»⁶ — явления редкого в истории человечества. Мишель, герой романа «Платформа», будучи человеком неглупым и проницательным, понимает, что «с такими, как я, обществу не выжить»⁷, но вокруг он видит похожих на себя людей, а следовательно — общество обречено. Одной «метафизической мутацией» стало возникновение христианства, другая породила научное знание Средневековья, но «материалистическая метафизика, сначала сокрушив религиозные верования предыдущего столетия, сама была уничтожена новейшими

⁵ Уэльбек М. Элементарные частицы... С. 342

⁶ Там же. С. 8

⁷ Уэльбек М. Платформа... С. 384.

достижениями физики»⁸. Весь период от XV до XX века, размышляет писатель в «Элементарных частицах», был «периодом прогрессирующего разложения и распада»⁹. Мишель Уэльбек подводит читателя к мысли, что мы — свидетели новой «метафизической мутации», которая, как обычно, не оставит камня на камне от привычной картины мира. И чем острее ощущение тупика, тем ближе эта «метафизическая мутация», которая откроет новые смыслы. В «Элементарных частицах» Депплешен предсказывает неотвратимый крах мировых религий — ислама и христианства, а Хюбчечак видит перспективу гораздо более глобальной метаморфозы: «человечество должно исчезнуть, дать жизнь новому роду, бесполому и бессмертному, тем самым преодолев индивидуальность, разобщенность и понятие будущего»¹⁰. Впрочем, Уэльбек не прогнозирует, он просто выдумывает, чего и не скрывает. Порой он не скрывает усмешку над своим читателем — дескать, легко же вы клюнули на мою наживку... В целом же, писатель выбрал для себя роль «язвительного наблюдателя социальных явлений»¹¹, говоря словами героя романа «Возможность острова».

Уэльбек пишет о «цивилизации развлечений», и очевидным становится, что это очень грустная и скучная «цивилизация», в ней люди живут в постоянном поиске не столько развлечения, сколько отвлечения от накопившихся проблем, в основном, психологического характера. Мир без развлечений становится для них трагическим потому, что все неразрешимые вопросы тут же оказываются на поверхности и их уже невозможно игнорировать... Постоянная жажда развлечений приводит к тому, что нашего современника «ничто, включая самую смерть, не ужасает... так, как жизнь в ослабевшем теле»¹², человек предпочитает смерть старению, он боится потерять привлекательность и способность получать удовольствия, жизнь сама по себе не имеет для него никакой цены... Стоит сказать о проблеме возраста в романах Уэльбека. Сорокалетние герои «Элементарных частиц» наполнены чувством угасающей жизни, и поскольку буйство юности осталось позади, то им нечего ждать от будущего, они верят, что «из всех земных благ молодость — самое драгоценное»¹³. Джейн в «Элементарных частицах» не желает видеть своих детей, поскольку они напоминают ей, что она принадлежит к старшему поколению. Вообще тема нелюбви к детям проходит через все творчество Уэльбека, это, вероятно, выражение какой-то авторской фобии... Проблема взаимоотношений отцов и детей в современной западной литературе наполнилось новым трагизмом. Детский мир — не всегда благопо-

⁸ Уэльбек М. Элементарные частицы... С. 451.

⁹ Там же. С. 513.

¹⁰ Там же. С. 512.

¹¹ Уэльбек М. Возможность острова... С. 153.

¹² Уэльбек М. Элементарные частицы... С. 415.

¹³ Там же. С. 432.

лучно-благостный, безобидный, иногда, как, например, показано в романе «Избранные дни» Майкла Каннингема, это мир агрессии и злобы, опасный для мира взрослых... «Дети говорят нам только то, что мы, по их мнению, способны вынести»¹⁴. В романе Каннингем описал «крестовый поход детей», которые стали для взрослых не милыми безобидными малышами, а террористами, несущими разрушение и смерть. Может быть, герои Уэльбека боятся именно этого — столкнуться с устрашающим образом «детского мира», который безжалостно мстит своим отцам и предкам за их нелюбовь, равнодушие, снисходительность...

То, что всегда было возрастом творческого расцвета и зрелости, теперь, несмотря на увеличение средней продолжительности жизни европейцев, становится старостью: «Вы уже не столь молоды. Скоро вы умрете. Но это не страшно», — размышляет герой романа «Расширение пространства борьбы»¹⁵. Вечная молодость или смерть. Старость как время мудрости и спокойствия видится только в мрачном свете. Нет сомнения, что в самом ближайшем будущем европейцы признают возможность и даже необходимость эвтаназии. Европейец становится «нищеанской сволочью»¹⁶, которая жаждет уничтожить тех, кто слабее — детей и стариков, а в конечном счете — убить и себя, постаревшего. Отсюда — «самоубийственное бытие западного мира»¹⁷. В XX веке западная цивилизация утвердила молодость как абсолютную ценность. Как размышляет главный герой романа «Возможность острова», молодежь — это «соль земли, им все дано, все разрешено, все можно»¹⁸. Уэльбек изучает конфликт между христианской и материалистической антропологиями — конфликт, возникший отнюдь не сегодня, но породивший множество новых духовно-нравственных проблем во второй половине XX века. Философ Лев Шестов в остроумной форме описывал конфликт между двумя антропологическими подходами: «Часть людей действительно произошла от согрешившего Адама, чувствует в своей крови грех своего предка, мучается им и стремится к утраченному раю, а другие и в самом деле произошли от несогрешившей обезьяны, их совесть спокойна, они ничем не терзаются и не мечтают о несбыточном»¹⁹. С одной стороны, материалистическая антропология снимает остроту проблемы лицемерия, ханжества, лживой морали, вообще позволяет терпимее относиться к несовершенствам человеческой природы, но с другой лишь христианская антропология возвышает человека над животным, дает ясное понимание того, что есть грех, понятие кото-

¹⁴ Каннингем М. Избранные дни. М., 2007. С. 271.

¹⁵ Уэльбек М. Расширение пространства борьбы. М., 2004. С. 18.

¹⁶ Уэльбек М. Возможность острова... С. 213.

¹⁷ Уэльбек М. Элементарные частицы... С. 397

¹⁸ Уэльбек М. Возможность острова... С. 385.

¹⁹ Шестов Л. Власть ключей. Берлин, 1923. С. 52.

рого применимо лишь к обществу людей. Материалистическая антропология признает, что люди — это «бывшие животные»²⁰, потомки «несогрешившей обезьяны». Она волей-неволей приходит к отрицанию ценности человеческой жизни, а именно этот вопрос, как мы видим из «Элементарных частиц» Уэльбека, «послужил причиной того общего депрессивного, едва ли не мазохистского умонастроения, которое распространилось в цивилизованных странах Запада»²¹. Выбор между двумя антропологиями делает отдельный человек и общество в целом, и если общество делает выбор в пользу материалистической антропологии, то оно рано или поздно превращается в «цивилизацию развлечений», потому что нужно как-то спастись от массовых психозов, эпидемии самоубийств и преступлений на сексуальной почве... Без индустрии развлечений общество, сделавшее выбор в пользу материалистической антропологии, со временем превратилось бы в одну большую психиатрическую клинику, где стирается грань между врачом и пациентом. Делает ли западная христианская антропология жизнь общества благополучнее?.. Ответить однозначно нельзя, ведь понимание греха и общественное осуждение грешной жизни, объявление греха постыдным деянием не искореняют тех явлений, которые признаны низменными, и человек опять-таки обречен на душевный недуг — от подавленного желания, от гнета репрессивной культуры с ее обилием запретов, от мучительного сознания своего несовершенства... Христианская антропология запада способна сделать человека чище, милосерднее и добрее, но гораздо чаще она делает его всего лишь лицемернее и заставляет не быть, но только казаться лучше, чем он есть. Впрочем, может быть, уже это — великое дело?.. Попытки построения в России общества материалистической антропологии кончались всякий раз одним и тем же — большевистский проект «рая на земле» привел к возникновению ожиревшей, равнодушной политической элиты, которая при первой же возможности продала страну за тридцать сребреников. Общество капиталистического потребления все чаще обнаруживает непоправимую несовместимость с мистическими и иррациональными основами жизни народа... Все эти «нестыковки» между сознанием человека, в котором живы традиции христианской идеологии (даже если он мыслит себя атеистом), и потребительской психологией «бывших животных» раскрыты Уэльбеком в «Элементарных частицах» и в «Возможности острова».

В «Элементарных частицах» Мишель Джерзински задается вопросом, «сколько времени западное общество сможет обходиться без какой бы то ни было религии?»²² Ответ на этот вопрос дан в романе

²⁰ Уэльбек М. Возможность острова... С. 409.

²¹ Уэльбек М. Элементарные частицы... С. 116.

²² Там же. С. 271.

«Возможность острова». Западная цивилизация, порождавшая политические теории, но не создавшая ни одной новой религии, приближается сегодня к созданию религии, суть которой состоит в физическом бессмертии, достигаемом при помощи клонирования. Клонирование — это бесконечная череда смерти и рождения, бесконечно длящаяся индивидуальная жизнь. Клонирование делает смерть «нейтральным периодом ожидания нового, молодого тела»²³, в которое будет вложен «дубликат...реальных переживаний»²⁴. В эту возможность современный человек готов поверить, как в новую религию. Может быть, в этой готовности верить отражается не только жажда бесконечной молодости и связанных с нею удовольствий, но и тоска по давно утраченной европейцами религии, придающей жизни духовное содержание. Заключенная в каждом человеке энергия веры должна находить выход.

Начиная с эпохи Просвещения, западное общество живет идеей прогресса, считая несомненным благом бесконечные перемены нравов, условий жизни, моды, технологии и т.д. Однако «принять идеологию бесконечных перемен — значит признать, что жизнь человека жестко замыкается в пределах его индивидуального бытия, а прошлые и будущие поколения в его глазах ничего не значат»²⁵. Телевидение, гламурные журналы, массовая культура породили «ненастоящее, легковесное человечество, которое уже никогда не будет понимать ни серьезных вещей, ни юмора...»²⁶ «Легковесное» человечество беззащитно, оно не возьмет в руки оружие и будет способно лишь на такое проявление агрессии, как беспорядки футбольных фанатов с битьем витрин и поджогом автомобилей. «Легковесное» человечество не выиграет ни одну войну. Справедливо заметил один из героев Милана Кундеры: война в сегодняшней Европе стала «антропологически немыслимой. Европейцы уже не способны воевать»²⁷. Но, не одержав ни одной победы, они ведут себя, как победители. Эта «ницшеанская сволочь» нападает лишь на слабых. Пожалуй, каждый из нас ежедневно сталкивается с представителями этой «легковесности», которые совершенно искренне полагают, что окружающий мир создан по их вкусам, он, этот непротиворечивый глянцевый мир, не имеющий ни прошлого, ни будущего, освобождает от бремени ответственности не только за твоих родителей, не только за твоих детей, но и за тебя самого. Когда Майкл Каннингем в романе «Избранные дни» создает образ «компьютерного маньяка, дни и ночи проводящего в пахучей мальчишеской комнате», «похожего на хорька задохлика», который сидит возле монитора «с членом в одной немой руке

²³ Уэльбек М. Возможность острова... С. 354.

²⁴ Там же. С. 378.

²⁵ Уэльбек М. Элементарные частицы... С. 281-282.

²⁶ Уэльбек М. Возможность острова... С. 37.

²⁷ Кундера М. Бессмертие. СПб., 2002. С. 135.

и сотовым телефоном в другой»²⁸, — то писатель говорит о типичном представителе «легковесного» человечества. «Легковесный» человек стремится жить удовольствиями, которые доступны зрелым мужчинам и женщинам, но в своем мировоззрении он остался ребенком, и именно с мысли о невозможности повзрослеть начинается роман Уэльбека «Платформа». Ведь прежде всего понимание ответственности отличает взрослого от ребенка. «Мы — цивилизация мальчишков-шутников», — отмечал Чак Паланик в романе «Колыбельная»²⁹. «Легковесное» человечество воплощает в себе европейский культ вечной молодости. Оно бесплодно, потому что решило, что не будет рабом собственного потомства и не возьмет на себя ответственности за другого человека. Это — общество презерватива. «Легковесное» общество — это цивилизация индивидуалистов, но этот индивидуализм, присущий многим героям Уэльбека, не настаивает на своей исключительности: «Люди в большинстве случаев напрасно придают значение индивидуальным судьбам и характерам, — размышляет герой «Платформы», — Утверждение, что человеческая личность уникальна, не что иное, как возвышенный вздор»³⁰.

1960-е годы, как видно из «Элементарных частиц», явились временем «новой ступени исторического возрастания индивидуализма»³¹ в Европе. Симптомом наступления этого периода стал крах традиционного супружества как «островка первобытного коммунизма в лоне либеральной цивилизации», семья была последним и, как оказалось, ненужным препятствием, «стоящим между индивидом и рынком»³². Эту тенденцию в обществе Запада отмечал еще Василий Розанов, писавший: «семья тяготит человека; дети составляют не радость уже, а бремя»³³. Крах семьи подразумевает сексуальную свободу, но здесь не все так однозначно, поскольку свобода секса приводит к возникновению особой социальной иерархии, о чем размышлял герой «Расширения пространства борьбы», заметивший, что «сексуальность — одна из систем социальной иерархии»³⁴. При царящей в обществе сексуальной свободе один человек живет насыщенной сексуальной жизнью, другой же оказывается постоянно отвергнутым, одиноким. Сексуальную свободу следует провозглашать тотчас же после провозглашения экономической свободы. Если мужчина имеет право заработать неограниченное количество денег, значит он должен иметь право овладеть неограниченным количеством женщин. Когда нет ограничений в зарабатывании денег, бессмысленны ог-

²⁸ Каннингем М. Избранные дни... С. 150.

²⁹ Паланик Ч. Колыбельная. М., 2006. С. 109.

³⁰ Уэльбек М. Платформа... С. 238.

³¹ Уэльбек М. Элементарные частицы... С. 191.

³² Там же.

³³ Розанов В. Сумерки просвещения. М., 1990. С. 90.

³⁴ Уэльбек М. Расширение пространства борьбы. М., 2004. С. 123.

раничения сексуального поведения. Когда устанавливается свобода нравов, происходит обострение «сексуальной борьбы», в которой выживает сильнейший, и этот сильнейший занимает главенствующее положение в сексуальной социальной иерархии. В рыночном обществе, при потребительском капитализме каждый человек, живущий сексуальной жизнью, оказывается в роли проститутки, его любовь так или иначе имеет цену и продается на рынке сексуальных отношений, хотя эта сделка у некоторых индивидов может состояться не более одного раза в жизни, потенциально же все мы выставлены на продажу. Выйти из иерархической системы можно лишь посредством кастрации. Общество абсолютной сексуальной свободы стало бы обществом абсолютного тоталитаризма. Потребительский капитализм, как показывает Уэльбек, — это не только и не столько экономический уклад, сколько тип взаимоотношений между людьми и, в частности, сексуальных отношений. Папа Иоанн Павел II говорил о целых «социальных греховных структурах» современности как коммунистические и либерально-буржуазные системы, которые, по сути, представляют собой концентрацию личных человеческих грехов. «Критическая масса» грехов каждого отдельного члена общества образует «общественную греховность», которая кристаллизуется в виде общественной системы — она такая же, как создавшие ее люди³⁵.

«Возможность острова» начинается с того, чем завершаются «Элементарные частицы»: с мысли о том, что человечество постепенно «выходит из игры». «*Неочеловек*», замышлявшийся в «Элементарных частицах», в романе «Возможность острова» уже явился на свет. Но нет оснований сомневаться в том, что создание «неочеловека» — событие катастрофичное, поскольку «у этого нового вида...не больше моральных обязательств перед людьми, чем у человека перед ящерицами или медузами»³⁶. Чак Паланик в романе «Колыбельная» поведал притчу о том, как в древние времена моряки оставляли на пустынных островах по паре свиней или коз, а когда приплывали на этот остров снова, то там их ждали уже стада животных, которых моряки называли «посеянным мясом». Героям романа Паланика эта притча напомнила историю Адама и Евы. Не было ли человечество «посеянным мясом»? Не было ли оно изначально приготовлено если не уж к физическому уничтожению, то к какому-либо изощренному эксперименту? И вообще, думает герой Паланика, «каждое поколение хочет быть последним»³⁷, то есть, по большому счету — избранным, единственным и неповторимым, венчающим историю человечества. И не так уж важно, что это последнее поколение окажется самым «лег-

³⁵ См. Бачинин В.А. Постмодернизм и христианство // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 170.

³⁶ Уэльбек М. Возможность острова... С. 293.

³⁷ Там же. С. 162.

ковесным», самым пустым, самым извращенным, не важно, что оно само приведет себя к гибели — важно, что оно будет последним.

Излагаемые в романах Уэльбека «научные» теории находятся на грани бреда, но, во-первых, всегда включают в себя два-три элемента подлинных научных истин, и, во-вторых, они описаны нарочито рационалистичным, наукообразным языком, который наводит на мысль о случайно залетевшей в художественный текст цитате из монографии, и, таким образом, читатель невольно проникается верой в эту реальность абсурда. Это тонкое умение, которым владеет Мишель Уэльбек, необходимо политикам, создателям идеологий и лидерам сект. Партийная программа, которую мог бы написать Уэльбек, будет обречена на успех, особенно в условиях полнейшего идеологического обнищания политических технологий. Не всякий политтехнолог способен стать автором мифа.

В романах Уэльбека показана модель той социальной и философско-политической системы, которая на наших глазах окончательно и бесповоротно проваливается, в том числе, и в России...Россия не вошла в проект «легковесного» человечества, в отношении нее произошел «сбой в программе». Что удержало ее?.. Думаю, что подлинность пережитых страданий: обыкновенная борьба за физическое выживание и чувство унижительной нищеты. Россия по-прежнему страна горькой, несчастной христианской антропологии, которая не признает *легкого* разговора о жизни. Мы не боимся ни взрослеть, ни стареть, а смерти боимся, поскольку предстоит предстать перед Господом и держать ответ за все наши грехи... Россия остается одной из немногих индивидуальностей, которые невозможно «преодолеть». Это ясно чувствуется в тех эпизодах романов Уэльбека, когда в описании европейской действительности так явственно проступают специфически российские черты и конфликты — в столкновении «легковесной» жизни и традиции, христианской и материалистической антропологий... Еще недавно мы были заняты тем, что философски осмысливали задачу собственного *выживания*, причем перспектива гибели виделась отнюдь не в форме самоубийства. В разные периоды всемирной истории Россия брала на себя ответственность не только за себя, но и за судьбу многих народов мира, но теперь само понятие *ответственность* изгоняется из культуры, политики, человеческих отношений. Нет, речь идет вовсе не о провале в России западных экономических реформ, о которых в контексте творчества Мишеля Уэльбека было бы несерьезно и мелко говорить. Речь — о провале предложенной «цивилизованным миром» стратегии будущего, подразумевающей «преодоление индивидуальности». Поэтому герои Уэльбека так отчетливо осознают, что их жизни — знамение приближающегося тупика истории.

Уэльбек — типичный европеец, можно даже сказать — *европейский обыватель*, очень похожий на тех людей, которых ненавидит

и над которыми издевается, для него «недуги» европейцев — это общечеловеческие недуги. Кстати, и неприятие ислама — это чисто европейская черта. Наверное, о себе Мишель Уэльбек мог бы сказать словами главного героя романа «Платформа»: «Я до конца своих дней останусь сыном Европы, порождением тревоги и стыда; я не смогу сказать ничего обнадеживающего. К Западу я не испытываю ненависти, только огромное презрение. Я знаю одно: такие, как мы есть, мы смердим, ибо насквозь пропитаны эгоизмом, мазохизмом и смертью. Мы создали систему, в которой жить стало невозможно; и хуже того, мы продолжаем распространять ее на остальной мир»³⁸. Кажется, в глобальных прогнозах предсказывается все, за исключением уэльбековской «метафизической мутации», о которой не говорят и не пишут потому, что для ее осмысления требуется посмотреть на человеческий род как на «вчерашний день» нашей планеты или — как на «ящериц и медуз». Европейец верит в прогресс, но ведь сам человек не стал совершеннее ни в физиологическом, ни в морально-нравственном плане, а следовательно он, проигравший эволюционную конкуренцию, должен уступить место «неочеловеку». Мечта стать «последним поколением» или «посеянным мясом» на Земле, возможно, начала сбываться. «Легковесное» человечество само придумало и навязало миру эту модель взаимоотношения поколений, вернее этот постоянный «голоко́ст, истребление предыдущего поколения ради того, которое идет за ним следом»³⁹. Мы изобрели орудие уничтожения, которое завершит человеческую историю. По сравнению с этой «метафизической мутацией» кризис любой социальной системы оказывается пустяком и всего лишь одним из многочисленных симптомов той глобальной болезни, что пока остается неназванной.

³⁸ Уэльбек М. Платформа... С. 458.

³⁹ Уэльбек М. Возможность острова... С. 386.

Учредители:
Андрей РЕБРОВ
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Юридический адрес:
196158, Санкт-Петербург, ул. Ленсовета, д. 81, кв. 70.

Контактные телефоны редакции:
8(911) 836-00-06
8(911) 180-45-51

Почтовый адрес редакции (для рукописей и писем):
196244 п/я № 8. Ефимовской В.В.

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://www.rodnaya-ladoga.ru>

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Редакция допускает авторскую орфографию материалов.

Цена свободная

Корректор *Г.А. Ильина*
Дизайн обложки *Г.Ю. Алкаева*
Компьютерная верстка *Т.Б. Макаровой*

Подписано в печать 01.03.2008 г. Формат 70х100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ.л. 16,9.
Тираж 1000. Заказ .

Отпечатано в типографии ООО «СРП «Павел» ВОГ»
196620, СПб. — Павловск, ул. Коммунаров, 16.